

3

2017

РОССИЯ XXI

3.2017 май-июнь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

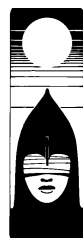
Перезагрузка с обратным знаком _____ **6**

Россия в мире

Ольга Заиченко

«Варвар у ворот» или «гарант европейской безопасности». Россия в немецком внешнеполитическом дискурсе накануне Крымской войны _____ **18**

Национальная доктрина

Наталья Суханова

Что есть благо Отечества? Размышляя над страницами недавно изданной книги _____ **50**

Ресурсы нации

Евгения Лупанова

По следам отшумевших юбилеев. Развитие исторической памяти о М.В.Ломоносове _____ **68**

Ярлыки и мифы

Андрей Ранчин

«Повесть о Дракуле»
и представления о добродетельном
и «злом» государе в древнерусской
книжности (окончание) _____ **88**

Европейские параллели

Андрей Келлер

Терминология российского
городского ремесла
XVIII–XIX веков _____ **100**

Страницы истории

Валерий Журавлев

Революционные эпохи в контексте
личного интереса. К столетию
великой российской революции
1917 года _____ **126**

Валерий Любин

«Неизвестная» конференция. Англо-
американская дипломатия накануне
Ялты _____ **146**

Актуальный архив

Альберт Ненароков

«Сибирские марксисты»
об экзамене революцией
1905 года (продолжение) _____ **168**

РОССИЯ ХХІ

Contents in English look at the page 196

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук,
директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского
Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол
в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН,
преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой новейшей истории России Московского государственного
областного университета, главный специалист «Центра документальных
публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры
литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований,
Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей
истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского
государственного лингвистического университета, директор Института
международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики
Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

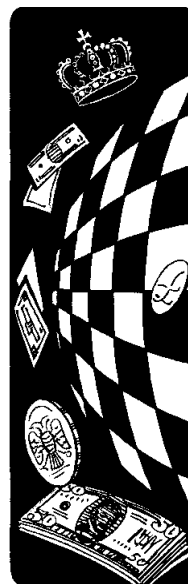
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

Человек участвует в страшных делах
и говорит: жизнь сурова.
Высокие цели нации, веры,
будущего подлинно свободного
и справедливого
мира требуют от нас
этой суровости.

Карл Ясперс

Если индивид не обладает твердыми убеждениями по поводу того что правильно, а что нет, если он не верит в Бога или в абсолютные моральные ценности, если он больше не питает уважения к своим обязанностям, и, наконец, если его поиски удовольствий и чувственных ценностей являются наиважнейшими в жизни, что может вести и контролировать его поведение по отношению к другим людям?

Питирим Сорокин

Сергей Кургинян

ПЕРЕЗАГРУЗКА С ОБРАТНЫМ ЗНАКОМ¹

УДК
327

Статья посвящена чрезвычайно напряженной ситуации, которая сложилась в мире, в том числе с приходом Трампа и в связи с эскалацией ряда международных конфликтов. По мнению автора, ситуация опасна как никогда. В то же время всегда нужно понимать, что внешняя политика тесно связана с внутренней. Идеологическая раздвоенность российской власти таит большие угрозы. До сих пор в руководстве страны есть силы, которые поддерживают инициативы по расширению ювенальной юстиции, развитию таких тенденций, которые расшатывают традиционные ценности. От того, насколько эффективно патриотические силы смогут противостоять этим вызовам, зависит будущее страны. Власти необходимо пересмотреть отношение к экономическим преступлениям, коррупции, оранжизму. Здесь бесполезны полумеры.

The author deals with the situation of exceeding strain that has developed in the world in result of Trump advent and due to escalation of several international conflicts. According to the author, situation is dangerous as it has never been. At the same time it is necessary always to understand that foreign policy is intimately connected with domestic policy. Ideological duality of the Russian power bears a great danger. So far there are forces in the Russian leadership that support hazardous initiatives aimed at extension of juvenile justice, development of trends that pose threat to traditional values. The future of the country depends on efficiency of patriotic forces resistance to these threats. The power has to revise its attitude to economic crimes, corruption, and dalliance with nonsystematic Orange opposition. Half-measures are of no use in these issues.

Ключевые слова: эскалация международной напряженности; идеологическая двойственность российской власти; коррупция; атака на традиционные ценности.

Key words: escalation of international conflicts; ideological duality of the Russian power; corruption; attack on traditional values.

E-mail: ecc@ecc.ru

¹ По материалам выступления С.Е.Кургиняна на III съезде Родительского всероссийского сопротивления 15 апреля 2017 года.

Мир на пороге катастрофы. Все ощутили это в момент, когда американцы нанесли ракетный удар в Сирии, хотя вскоре многие стали говорить, что «вроде пронесло, все не так страшно».

Но разве не сказано на высшем уровне, что отношения между США и РФ недопустимым образом деградировали в постобамовский период?

И разве эти отношения не были «ниже плинтуса» еще в позднеобамовский период? То есть при Обаме. Где же они находятся теперь? И, главное, куда они движутся? Если сейчас они в нижней точке, то где будут завтра? Они же не поднимаются наверх. Это предкатастрофическая ситуация:

Обострение американских силовых судорог...

Угроза усиления экономического давления на Россию...

Стремительная и неслучайная активизация наших «майданутых» – вот-вот будут приняты решения об их форсированном финансировании Соединенными Штатами и другими государствами...

Беспрецедентная демонизация России средствами массовой информации Запада...

Новая волна антироссийских действий на нашей периферии...

Ждем и дополнительных эксцессов – вовлечения в антироссийские действия новых союзников. Еще вчера говорили, что Эрдоган – это чуть ли не наш брат-друг, и что теперь?

Допустимо ли, чтобы в этих, принципиально новых, условиях прозападная часть нашей бюрократии, о которой мы говорим начиная с I съезда РВС и которая была названа нами «тамократией» (то есть властью тех, чьи жизненные интересы не тут, а там, на Западе), продолжала играть в свою игру по своим правилам?

Мы проводим уже III съезд РВС. На I съезде, проходившем в Колонном зале в 2013 году, устами президента страны было сказано, что ювенальное разрушение семей в России недопустимо. Но ювенальная бюрократия – она же «тамократия» – развернула после этого такую наступательную активность, что к концу 2016 года фактически была оформлена именно та – **ювенальная, антисемейная** по своей сути – **система**, о недопустимости которой говорил президент.

В самом конце 2016 года президент России Владимир Путин своими действиями не позволил дооформиться этой ювенальной антисемейной системе.

Но, во-первых, кто, как не власть, ее оформлял? Откуда она взялась? Как она появилась, если в 2013 году было сказано, что ее не будет, а к концу 2016-го она расцвела так, что, казалось, ее невозможно остановить, и остановить ее удалось только чрезвычайными решениями главы государства?

И, во-вторых, новые антиювенальные действия президента России, откликнувшегося на протест антиювенального большинства, снова торпедируются, и мы все об этом знаем.

Так что же это за борьба такая между главой государства и «тамократическим» слагаемым системы, которая, казалось бы, должна неукоснительно выполнять его решения?

И что нужно сделать для того, чтобы это «тамократическое» слагаемое в условиях новой беспрецедентно жесткой антироссийской и антипутинской политики Запада не превратилось в такого «троянского коня», по сравнению с которым все «навальные» окажутся лишь слабым охвостом настоящей «пятой колонны»?

Ответ достаточно очевиден: нужны новые мировоззренческие рельсы. Новые мировоззренческие вехи. И существенно новая система – не сама по себе, а именно как следствие смены мировоззренческих вех.

На сегодня существует лишь три сценария развития внешне- и внутривнутриполитической ситуации. Причем два из них неприемлемы.

Первый из неприемлемых сценариев – полноценная горячая война между США и РФ, двумя самыми крупными ядерными державами. В момент нанесения ракетного удара по Сирии было ощущение, что мы находимся на последней грани, что от такого разворота событий нас отделяет тончайшая полоса.

Второй, столь же неприемлемый сценарий – это капитуляция России под нарастающим давлением Запада.

Третьим и единственно приемлемым сценарием в принципиально новой обстановке, сложившейся буквально за последние недели, является ускоренное, решительное и корректное оформление нового типа отношений между Российской Федерацией и Западом.

Да, такие отношения вполне правомочно именовать новой холодной войной или холодной войной 2.0. Но вместо того, чтобы видеть в подобном новом мировоззрении проявление крайнего милитаризма, давайте разберемся по существу.

Все постсоветские годы власть говорила, что мировоззренческого противостояния между нами и Западом нет вообще. Что мы такие же,

как они, а разговоры неких антизападников о том, что мы другие, – «отрыжка коммунистического безумия».

Запад этому, во-первых, никогда не верил: «Пусть Иван двадцать раз говорит, что такой же, как мы – мы не верим».

Во-вторых, когда Запад, наконец, понял, что мы отказываемся от безоговорочной капитуляции – а он до конца это понял только после присоединения Крыма, – он буквально сошел с ума. По двум причинам. И потому, что воспринимал нашу «капитуляцию» как свой стратегический приз, который у него теперь захотели отнять. И потому, что перестал понимать, чем, собственно, занимаются эти странные русские, которые хотят войти в наш западный дом на каких-то своих условиях.

Именно такое отношение Запада к нашему курсу привело к невиданной деградации отношений и с Соединенными Штатами, и с их европейскими сателлитами.

Так не пора ли хотя бы теперь признать, что мы не являемся частью западного мира с его ювенальной юстицией, гендерными затеями и прочими выкрутасами в античеловеческом ключе?

Не пора ли строить новый стратегический курс на основе признания того, что и Третий Рим, и коммунизм – это всего лишь частные проявления нашего историософского и метафизического фундаментального своеобразия, которое абсолютно не противоречит своеобразию других слагаемых мировой системы?

Да, такой новый курс при сегодняшней демонизации России, наверное, породит то острое мировоззренческое противостояние, которое принято называть холодной войной.

Но, во-первых, лучше холодная война, чем горячая. И парадоксальным образом именно холодная война сдерживает горячую.

И, во-вторых, очень многие участники мирового процесса воспримут подобный возврат нас к самим себе позитивно. На Западе не все в восторге от того, до чего докатился теперешний Запад, и с большой опаской относятся к тому, что с ним неминуемо произойдет завтра при сохранении нынешних тенденций. Сегодня – гендер, ювеналка, завтра – что? Завтра какая наступит степень реального расчеловечивания в пределах этой мутации?

Так неужели и сейчас, на пороге катастрофы, не будет осознана спасительность, а не губительность той холодной войны 2.0, которую многие называют конфликтом равноправных миров, обладающих разными ценностями? Мы ведь говорим о равноправии, а не о своей гегемонии, как заявляют некоторые.

Давайте станем первой точкой активного формирования подобной гражданской, а не кремлевской «перезагрузки наоборот», «перезагрузки с обратным знаком». А то нам прежде говорили о перезагрузке по сближению, а докатились мы до грани ядерной войны. Пусть наш съезд станет съездом такой гражданской «перезагрузки с обратным знаком», которую можно назвать идеологией холодной войны 2.0, и пусть он станет съездом размежевания с теми, кто пока что не готов переходить на стратегическую платформу подобной «антиперезагрузки». Кто все еще стремится любой ценой войти в западный дом, то есть туда, куда и не нужно, и невозможно входить.

Нас спросят: «А если неготовые сегодня будут готовы завтра?» Отвечаем: тогда мы и соединимся с ними на основе этой готовности. Мы будем тактичны, терпеливы и предельно вняты одновременно.

Не снимая с повестки дня ключевую для нас установку I съезда, согласно которой мы всегда и на всех фронтах будем сражаться с «тамо-кратией» и ее оранжевым двойником, заявляю на III съезде, что мы проявляем неуклонную волю к диалогу с патриотическими силами вне зависимости от того, укоренены они во власти или находятся в оппозиции, – при условии, что эти силы признают неотвратимость и спасительность перехода России на принципиально новый мировоззренческий курс, который только что тут был назван холодной войной 2.0. И что именно такое признание является сейчас новой, совершенно необходимой линией размежевания.

Кто-то, услышав о размежевании, возопит, что нас опять зовут в ленинизм: «Чтобы объединиться, надо размежеваться»...

Но, во-первых, помнит ли этот кто-то, что именно действительно было сказано Лениным? Напоминаю, что сказанное им было безупречно с методологической точки зрения. Конкретно было сказано следующее:

«Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существенный разброд и мешающей его радикальному устранению».

Далее Ленин, говоря об альтернативе такому размежеванию, заявляет о неминуемом в случае его отсутствия превращении политической организации в «простой склад разнообразных воззрений». Склад разнообразных воззрений – безупречный методологический образ. Ведь и впрямь такое складирование разнообразных воззрений в пределах одной организации пригодно лишь для болтовни и совершенно непригодно

для идеологического противостояния, которое теперь носит неотъемлемый, по сути, характер.

И, во-вторых, нет никакой прямой параллели между тем, что Ленин сказал тогда, и тем, что мы говорим сейчас. Потому что Ленин настаивал на размежевании с теми, кто, по его мнению, извращал Маркса. А мы сейчас, исходя из совершенно других требований совершенно другой эпохи, говорим о размежевании с силами совсем иными – прозападными, околосредневековыми и эклектично полусредневековыми.

Что же касается самой идеи размежевания в моменты идеологических противостояний, то она использовалась всеми и всегда, на протяжении тысячелетий, начиная с античного мира. Каждый раз, когда речь шла о том, быть или не быть. Мы убеждены, что сейчас вопрос встал именно таким образом.

* * *

Нынешняя политическая система двойственна. Она содержит патриотический сегмент, без наличия которого мы никогда не смогли бы остановить ювенальные законы и т.п., хотя в конечном итоге останавливает такие законы лично президент Путин. А продвигает их другая часть системы.

Можно называть или не называть фамилии. Конкретно ювенальную политику проводит вице-премьер Голодец или ее проводят несколько человек вместе – это не имеет значения. Главное, что ее проводит вместе большое прозападное лобби. И это лобби – в правительстве Путина. Такая двойственность системы – подарок нам от 90-х. Она скорректирована, возникла новая патриотическая составляющая, но прозападная составляющая не исчезла. И она гораздо мощнее. До сих пор не сказано главное: либо какой-нибудь ЮНИСЕФ – это преступное ответвление, находящееся под крышей таких структур, как ЦРУ. В Советском Союзе сказали бы прямо, что это преступное вмешательство нашего врага ЦРУ. Либо это замечательная просвещенная структура, которая несет свет подлинного западного знания в малопросвещенные российские слои – знания, которое надо принимать и заглатывать. Либо-либо. Если это враг, ЦРУ и т.д. и этот враг сеет у нас деструкцию – скажите это. И, сказавши «А», скажите «Б», что это надо подавить. Либо вы говорите, что ЮНИСЕФ – это благое великое послание замечательного западного мира, которое надо освоить. И тогда все должны это принять. Но делается-то нечто промежуточное!

У нас американский враг, который угрожает ядерной войной и которому мы должны дать отпор. В то же время он наш друг и союзник, с

которым мы вступаем в диалог, надеясь на его продолжение. Это – сумасшедший дом. И это теперешняя политическая система России.

Это двойственная политическая система, двугорбая. Где рядом с каждым патриотом находится пара коррупционеров и три–четыре западных экстазника. Вместе! И система работает как единое целое, что само по себе шизофрения. Наличие патриотического слагаемого позволяет время от времени что-то критиковать и осуществлять отпор. Но наличие другого слагаемого приводит к тому, что после каждого такого отпора будет новое наступление. Это неизбежно, пока система двойственна.

Что произошло в последнее время?

Произошло резкое обострение отношений с Западом, руководитель которого произвел особенное впечатление своими рассуждениями про то, как он ел шоколадный торт, – очень вкусный, упоительно вкусный, как никогда, – в момент, когда сообщил Си Цзиньпину о нанесении ракетного удара по Сирии. Это уже Нерон, Калигула. Это поздний Рим, сочетающий в себе бесконечную жестокость с полусумасшедшим сладострастием старика, кушающего торт. Это смертельно опасная вещь.

Я не говорю об очевидном влиянии Терезы Мей, которая считает, что с русскими можно говорить только языком силы.

Все это происходит на фоне саудитского и катарского безумия на Ближнем Востоке. Ничего более сумасшедшего, чем тезис господ Нетаньяху и Либермана по поводу того, что у нас будет новое НАТО на Ближнем Востоке, в которое войдут саудиты, Катар и другие, я никогда в жизни не слышал. Менталитет сковывает людей. Тут вспоминается детская сказка: «Побежала мышка-мать, стала кошку в няньки звать: "Приходи к нам тетя кошка, нашу детку покачать"». Саудовско-катарское «НАТО» – это даже не Ливант для Израиля, это просто его уничтожение.

Мир входит в стадию безумия. И это безумие своим острием, конечно, оказывает все большее и большее давление на нас. И, естественно, главной фигурой, на которую оказывается давление, является президент Путин.

Последняя надежда была на Трампа, которому, что греха таить, помогали. И уже некоторые представители нашей прозападно-патриотической элиты говорили, что они готовы с американскими флагами выбегать на улицы Москвы – пришел сам Трамп! Трамп нес какую-то околесицу, его реальные хозяева американской элиты взяли за белы ручки и повели туда, куда хотят. Он для нас становится еще большей угрозой, чем Обама. Это «крутой ковбой», который решил, что пусть теперь всем будет страшно. Конечно, и мне страшно.

Мне страшно, когда террористы захватывают детей, которых успеют убить прежде, чем для их защиты начнут посылать танки. Нужен новый формат мировых отношений. Трамп хочет лезть в Северную Корею? Там очень хорошо укоренилась Китайская Народная Республика, которая считает, что это «ее» территория. Не буду говорить более жестко. Пусть он там чуть-чуть пошалит и увидит, как быстро китайцы от улыбок переходят в совсем другое состояние. Пусть он пошалит и в Иране, где-то еще. Надо не допустить прямого лобового столкновения Америки с нами. Но оно каждый день может начаться. Каждый день. В том числе и на Украине, куда активно просачиваются все новые и новые американские подразделения 45-ой (лучшей!) бригады национальной гвардии США, в которой больше всего специалистов по русскому языку. Это готовилось уже и в одиннадцатом, и в двенадцатом году. И теперь происходит в Донбассе. Мы не знаем, что и когда состоится!

Накал стал таким, каким не был никогда, включая Карибский кризис, когда все зависло над пропастью. Но Карибский кризис разрешился, потому что советская система была сильной. А сейчас со стороны России налицо провоцирующая слабость, двусмысленность.

Кто именно совершил в Петербурге теракт, отдельный вопрос. И что задержаны именно виновные, не факт. Но что же началось? «Боже, нам принесли соболезнования – значит, нас любят! Значит, мы можем мириться! Мы сейчас обнимемся опять!» И так постоянно.

Еще раз о двойственной системе – западнической и патриотической. Когда система работоспособна, лучше отойти в сторону. Если система вас вовлечет в себя, то вам конец. Патриотическое движение может на что-то влиять, только будучи независимой силой.

Только с позиции размежевания, борясь с ювенальной бюрократией и всем прочим, можно иметь влияние в обществе. А мы все время слышим: «Давайте соберемся вместе и скажем, как мы любим власть».

А кто за несколько лет продвинул ювенальную юстицию вперед? Кто создает отупляющую систему образования? Кто разрушает сознание людей через СМИ? Кто создает постоянную идеологическую двусмысленность? Кто клепает один за другим за огромные деньги идиотские сериалы? Это все не само делается. И образовательная реформа, и все очередные безобразия.

У каждой системы есть ее предельная нагрузка. Существующая система была рассчитана либо на любовь Запада, либо на среднюю степень конфликтности. Теперь нагрузки стали запредельными. Значит, велика

вероятность, что это приведет к тому, что система в решающий момент окажется парализована.

Что такое «навальниана» на улице? Кто сделал? Откуда у него люди? У него нет этих людей. Выступления в Новосибирске – это Навальный? А во Владивостоке, где стояли братки с цепями, – это тоже Навальный? Кто-то их вывел. Если их вывели, значит, еще будут выводить. «Навальниана» – это главная ставка Соединенных Штатов Америки на то, чтобы оказать здесь предельное давление с помощью оранжевой революции. Увеличить санкции. На систему ложится другая нагрузка. И в этот момент система либо затрещит по швам, либо будет парализована, либо начинает работать против. Против кого? Против Путина.

Если западническая компонента является наиболее мощной и если она окончательно осознает, что Путин является препятствием на пути шашней с Западом, то она будет работать против него.

Если система перестанет работать, то гражданский отпор навальным и другим нужно будет давать в ситуации, когда у нее паралич. У ее западнической части – страстное желание поддержать Навального. Все патриотические части системы должны понять, что если оранжеиды победят, то прозападные части системы могут взять верх. (Ведь кто такой Порошенко? Это часть прежней системы!) А консервативные патриотические части системы будут либо выброшены на помойку, либо висеть на деревьях.

Если острота момента такова, то надо говорить о том, **что** мы можем сделать в ближайшие месяцы.

Мы можем пойти на разрыв, убрать или хотя бы отодвинуть прозападную компоненту. Они говорят, что эти «навальнята» против коррупции. А мы что, за коррупцию?

А мы что, за коррупцию?

Мы всегда говорили, что после развала Советского Союза в России строится коррумпированное криминализованное государство. И такое государство построили.

Разумеется, разбирательство коррупционного дела наверху должно быть публичным, для всего народа.

Теперь по поводу Запада. Если мы прямо говорим, что это враг человечества, который воюет против гуманизма, против традиции, против возвышающего будущего, что он превращается в монстра, что он отрекся даже от своих идеалов, а мы – другие... Если мы говорим все это, то, вооруженные этой концепцией, мы можем подавлять противника и информационно, и, в конце концов, в уличном противостоянии. Если

кто-то с фугасами или с коктейлями Молотова сюда сунется, то полиция не будет растерянно топтаться на месте.

Наша высшая культурная, мировоззренческая задача – защитить в России современность, интеллект, дух, благородство, честь, труд.

Человек, который трудится, всегда будет побеждать бездельника.

Нам необходим союз с дееспособными патриотическими организациями, но без заигрываний и уступок. К сожалению, слишком мало организаций, которые могут сделать хотя бы то, что сделали мы (собрали такой представительный съезд), а те, что есть, в большинстве своем управляемы бюрократией и своей собственной дурью.

Поэтому абсолютно необходим мониторинг обстановки. Надо осознавать ситуацию, чтобы в решающий момент вас не поволокли не туда, не разрушили выстроенные союзы.

Высока вероятность того, что в новых условиях нам придется очень быстро и очень сильно разворачиваться, быть готовым раскрепостить свои внутренние силы в момент настоящей беды.

Выход на улицу возможен, но с оговорками. Во-первых, никоим образом не влезая в провокационные «подставы». И, во-вторых, с такими лозунгами, которые будут народно-победительными, а не идиотски-охранительными. Только с этим можно идти к людям.

И наконец, последнее: наша единственная надежда заключается в том, что действительно будет принято предложение о корректном, мягком переходе к перестройке системы. К возвращению этой системы к ее собственному естеству, при котором западнический сегмент сойдет на нет.

Русские останутся мною недовольны – но кому под силу удовлетворить запросы честолюбия? Между тем никто более меня не был потрясен величием их нации и ее политической значительностью. Мысли о высоком предназначении этого народа, последним явившегося на старом театре мира, не оставляли меня на протяжении всего моего пребывания в России.

Астольф де Кюстин

Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т.д., материалом, который можно бы сформировать и обделывать по образу и подобию своему...

Н.Я.Данилевский

Ольга Заиченко

«ВАРВАР У ВОРОТ»
ИЛИ
«ГАРАНТ
ЕВРОПЕЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ»

РОССИЯ В НЕМЕЦКОМ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ
ВОЙНЫ

УДК

94[430:47]”1840-1853”;
329[11+12](430):327.5;
32.019.51:070.15(430)

При изучении немецкого внешнеполитического дискурса первой половины XIX в. бросается в глаза несоответствие сильно преувеличенного внимания немецкого общества к России и фактического влияния последней на внутреннюю и внешнюю политику в германских землях во время революционных волнений 1848 г. и накануне Крымской войны. Основной причиной этого несоответствия является то, что создаваемый в этот период в немецкой публицистике образ России с самого начала конструировался, прежде всего, как инструмент для манипулирования общественным мнением в политической борьбе внутри Германии. Он был необходим как находящимся у власти консерваторам, так и либеральной оппозиции для собственной консолидации, формирования своей идеологии и самосознания.

The German foreign policy discourse of the first half of the XIX century indicates an exaggerated attention of the German audience to Russia, and inadequate compared to actual impact of the latter on the domestic and foreign policy in the German lands during the revolutionary unrest in 1848 and on the eve of the Crimean War. The main reason for such an inconvenience is the fact that the image of Russia in the German political literature of that period had initially been constructed as a tool to manipulate of public opinion in the political rivalry in Germany. It was demanded not only by conservatives in power, but also by the liberal opposition for self-consolidation and reinforcement of own ideology and self-perception.

Ключевые слова: Германия; Россия; политическая публицистика; консерваторы; либералы; Крымская война; «варвар у ворот»; европейская безопасность.

Key words: Germany; Russia; political literature; conservatives; liberals; Crimean War; “Barbarians at the Gate”; European security.

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

От «Освободительницы народов» до «Жардарма Европы»: трансформация образа России в политическом дискурсе первой половины XIX в.

На протяжении столетий главной особенностью восприятия России общественным мнением Западной Европы являлась ее амбивалентность, затянувшееся переходное

состояние между «цивилизованным» Западом и «варварским» Востоком. Поэтому неудивительно, что в XIX в. вопрос о том, можно ли считать Российскую империю частью Европы, а следовательно, полноправным участником внешнеполитических процессов, оставался центральным компонентом не прекращающегося десятилетиями дискурса о системе европейской безопасности.

Первая половина XIX в. была периодом постоянного роста внешнеполитического влияния России. Никогда до и никогда после российский монарх не ощущал такого абсолютного могущества на международной арене, как Николай I в последнее десятилетие своего царствования. К середине XIX в. Россия, по общему мнению, имела сильнейшую армию и сумела достичь ряда серьезных военных и дипломатических успехов. Она оставалась единственной континентальной монархией, не затронутой «хаосом» революции 1848–1849 гг., которая, начавшись в феврале 1848 г. во Франции, затем быстро охватила остальную Европу. После подавления Венгерского восстания весной 1849 г. авторитет Николая I среди европейских монархов казался непререкаемым, что еще больше стимулировало активные действия России по разделу Турции, в частности, установлению контроля над Босфором, Дарданеллами и в Дунайских княжествах. Усиление внешнеполитической активности России привело к обострению противоречий с Англией на Ближнем Востоке, так как большая часть спорных «территорий влияния» входила тогда в состав Турецкой империи. Таким

«Николай, самодержец всея Руси», из статьи М.Демидова «Путешествия по южной России и Крыму», опубликованной в английском еженедельном издании «The Illustrated London News» в период Крымской войны.

образом, накануне Крымской войны (1853–1856) в политических кругах европейских монархий возобладала уверенность в серьезном нарушении Россией международного равновесия. В результате в общественном мнении этих стран все больше росло опасение, что ослабление в результате революционных событий Франции, Австро-Венгрии и Пруссии приведет к господству России в Европе, а также к угрозе колониальной экспансии Великобритании в Азии.

При подобном обострении противоречий в контексте стремительного роста геополитического соперничества тезис об «азиатской природе» Российского государства, его цивилизационной отсталости, в европейской печати стал наиболее часто сочетаться с мотивом внешней угрозы. Соединение этих двух составляющих образа России известный норвежский специалист по истории международных отношений Ивэр Нойманн обозначил термином «варвар у ворот» [41]. Создавая образ России как деспотической, а следовательно, не вполне «цивилизованной» империи, стремящейся к мировому господству, европейское общественное мнение тем самым отказывало ей в праве играть роль великой державы на европейском пространстве.

На фоне современных дискуссий об общем и особенном в развитии Российской империи в контексте европейской и мировой истории нам представляется интересным попытаться проследить процесс трансформации образа Российского государства в немецкой публицистике в период с 40-х годов XIX в. до начала Крымской войны как части немецкого внешнеполитического дискурса. Отношение к России в германских землях в это время, несмотря на влияние французской и английской русофобии, имело свою специфику, оно не всегда совпадало с общеевропейским мнением. Образ России как сильного соседа, оказывавшего значительное влияние на внутреннее и внешнее положение германских княжеств, зачастую служил для немцев своеобразным набором общих критериев, с помощью которых они давали оценку многим социально-политическим процессам, происходившим в Европе. Этот образ сыграл важную роль в формировании национальной идентичности немцев и консолидации политических течений внутри общества в борьбе за единство Германии и выбор пути ее дальнейшего развития.

В качестве источника для рассмотрения восприятия России в германских землях в указанный период были использованы публикации немецких авторов конца 30-х – начала 50-х годов XIX в. из коллекции «Россика» Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). При отборе материала наибольшее внимание уделялось сочинениям

полемического характера о месте России в системе европейской безопасности, политической публицистике и памфлетам, оказывавшим значительное влияние на европейское общественное мнение [2; 3]. Эти публикации были частью общеевропейской дискуссии о праве русского государства причислять себя к европейскому сообществу. Кроме того, наряду с путевыми заметками и мемуарной литературой они также являются важнейшим источником по истории формирования европейской и национальной идентичности у немцев.

Европейское восприятие России неоднократно менялось на протяжении XIX в., оставаясь при этом всегда в рамках дихотомии «Европа – Азия», «цивилизация – варварство». Если активная внешняя политика уже с середины XVIII в. давала основание для восприятия России в качестве части европейского сообщества, то внутреннее устройство страны продолжало оцениваться как «варварское» и «азиатское». «В сравнении с прочими европейскими современниками, – писал, выражая общие настроения, немецкий публицист и политический деятель Эрнст Мориц Арндт в начале XIX в., – русские находятся еще в варварском состоянии. Таковы их нравы, их законы, их правительство, дворцовые перевороты и революции» [28, S.30]. Несмотря на интенсивные дипломатические, торговые и культурные связи, европеизацию высших слоев общества, русские так и остались «чужаками». Российская империя не воспринималась большей частью населения Германии как полностью европейское государство, оставаясь амбивалентным образованием, находящимся между Азией и Европой, на полпути от варварства к цивилизации. Это представление о России, за исключением короткого периода освободительной войны 1812–1813 гг., когда повсеместно воспевалось «единство русского и германского оружия», а Александр I был признан освободителем народов и... «либератором добрых немцев» [24, S.318], в целом почти не менялось на протяжении первой половины XIX в. России не могли простить ни военного превосходства, ни бесцеремонного вмешательства в германские дела. С нарастанием внутренней напряженности в германских землях в 30-е – 40-е годы и развитием революционных движений в Европе, антирусские настроения как составная часть оппозиционной, либеральной идеологии стали проявляться открыто, постепенно приобретая политический характер.

Либеральная русофобия прочно вошла в общественное сознание немцев в начале 30-х годов XIX в. после политических волнений 1830 г., вызванных Июльской революцией в Париже, и разгрома русским правительством польского восстания 1830–1831 гг. Жестокие ме-

тоды его подавления, репрессии против поляков и Униатской церкви были восприняты не только в Германии, но и во всей Европе как наглядное доказательство «ужасной децивилизованности режима Николая I» [10, с.21]. Десятки тысяч поляков были вынуждены покинуть страну. Они были сочувственно приняты в Германии и Франции. С этого времени польская эмиграция стала катализатором антирусских настроений в Европе, создавая пугающий образ кровожадного царя, стремящегося к мировому господству.

Параллельно с антирусскими настроениями, в консервативных кругах германского общества, лояльных к политике правящих домов, преобладало позитивное отношение к России. Немецкое юнкерство видело в ней воплощение основных консервативных ценностей: легитимность освященной Богом монархии, прочные религиозные традиции, единство и монолитность преданного законному правителю общества.

Немецкая перепечатка карикатуры времен Крымской войны из английского журнала «Панч» на Николая I, изображенного в образе лицемерного дьявола. Россия, представляющая интересы Греческой православной церкви, защищала христианские святыни на территории Османской империи. В Европе было принято считать, что Николай использует отказ Турции в протекторате над святынями как предлог, чтобы развалить Османскую империю. Поэтому царь Николай I изображен в образе Дьявола во время религиозной службы.

Пик общественного интереса к России в германских землях приходится на период с начала 40-х до середины 50-х годов, когда вмешательство России во внутреннюю политику немецких государств было наибольшим. Как писал накануне Крымской войны автор анонимно изданного сочинения «Пруссия и Россия», «в последнее десятилетие русский император Николай сделался верховным распорядителем судеб народов Центральной Европы и, прежде всего, в Германском союзе». Наибольшее раздражение немцев вызывали усилия России, направленные на сохранение политической раздробленности германских земель с верховным преобладанием реакционной Австро-Венгрии. Уже в 1849–1850 гг. Пруссия пыталась создать под своим началом Унию

26 немецких государств и общегерманский парламент, что вызвало сопротивление Австрии и России. Конец этим планам был положен в результате подписания под напором русской дипломатии австро-прусского соглашения 29 ноября 1850 г. в Ольмюце, которое еще на полтора десятилетия отложило объединение Германии под эгидой Пруссии вплоть до разгрома Австрии в 1866 г. Выражая общее мнение по поводу русской политики в Германии в рассматриваемый период, уже цитированный нами анонимный автор писал: «Своим постоянным вмешательством в германские дела и своими угрозами всем нарушителям порядка в Европе император Николай за последние годы приобрел такую репутацию в Германии, что матери пугают его именем маленьких детей» [19, S.24, 25].

В результате изменения общественных настроений в это время резко меняется жанровый состав немецких сочинений, посвященных России. Официальная хроника, художественная, историческая и научная литература, а также т.н. «казуалии», посвященные антинаполеоновским войнам и другим героическим сюжетам, постепенно вытесняются политической публицистикой, количество которой неуклонно растет. Так, если за 1831–1852 гг. было опубликовано 230 сочинений аналитического характера, посвященных внутренней и внешней политике российского государства, то между 1831 и 1839 гг. вышло 44 публикации, с 1840 по 1847 г. – 123, в 1848–1852 гг. – еще 63 сочинения [35, S.39]. При этом негативное отношение к Российской империи преобладало с большим перевесом над позитивным.

На рубеже 30-х – 40-х годов дискуссия о будущем политическом устройстве Германии и Европы и о месте России в европейской истории вылилась в целый ряд публикаций, которые мы бы сейчас отнесли к разделу политологии. Как писал Ивэр Нойманн в работе «Использование "другого"», «либералам, радикалам и консерваторам Россия представляла пример политического режима, который можно было использовать, чтобы подчеркнуть преимущества собственных представлений о европейской идентичности, выдвигаемых в качестве политической программы» [8, с.132–133]. Что касается немцев, «лишенных общего отечества» [28, S.31], то они, обращаясь к критике российского политического устройства, имели в виду не только европейскую, но также и национальную идентичность. Причем в этот период обе эти идентичности не всегда совпадали [9]. Отношение к России стало точкой отсчета для оценки, прежде всего, внутригерманских событий. Ее образ сознательно конструировался и использовался как либералами, так и консерватора-

ми, прежде всего, как идеологический инструмент в политической борьбе за будущее Германии.

«Варвар у ворот» или «Надежда Европы». Начало массовых политических дискуссий о месте России в европейской политике

Одним из проявлений такой борьбы стала неадекватно бурная реакция немецкой оппозиции на вышедшую анонимно в Лейпциге (1839) книгу прусского публициста Карла-

Эдуарда Гольдмана «Европейская пентархия». Монография была написана с прорусских позиций в духе Венского конгресса и посвящена обоснованию гегемонии в европейских делах пяти великих держав: Австрии, Пруссии, Франции, Англии и России. «Пентархия» должна была гарантировать, что Европа останется многополюсной международной системой и не попадет под гегемонию одной империи. В основе рассуждений Гольдмана лежала вполне банальная для того времени идея о возможности путем перманентных дипломатических консультаций обеспечить политическое равновесие между легитимными правительствами и тем самым сохранить мир в Европе. Скандальную известность это сочинение получило благодаря изложенной в нем геополитической схеме, согласно которой Европа разделялась на пять зон влияния под протекторатом независимого арбитра. Так, Пруссия должна была курировать «Север» Европы (за исключением России и Англии), Австрия – «Запад» (кроме Франции), Россия – Центрально-европейский регион (без Австрии и Пруссии), Англия – «Юг» Европы, а Франция – «Восток» [15, S.32]. Согласно этой схеме роль верховного протектора немецких государств отводилась не Пруссии или Австрии, а Российской империи. Предполагалось, что только в этом случае удастся сохранить существующие политические устои в Германии и статус-кво – в Европе [30, S.180]. Таким образом, немецкими консерваторами не только признавалась легитимность Российской империи как великой европейской державы, но и ее право играть определяющую роль в германских делах, низводя Пруссию до уровня второстепенного государства в этом регионе. То есть сохранение легитимности монархического строя, воплощением которого была Россия, для германской аристократии, в том числе и прусской, было гораздо важнее национального патриотизма. Особенно ярко этот момент политического единения с российской монархией в ущерб национальным чувствам проявился в консервативной среде в 1850 г. после унижительного дипломатического поражения Пруссии –

подписания упомянутого Ольмюцкого соглашения, в котором Россия сыграла решающую роль.

Существовала и крайняя, ультраконсервативная позиция, которую еще до немецкого философа Бруно Бауэра сформулировал, как это ни удивительно, польский политический эмигрант граф Адам Гуровский, прошедший сложную мировоззренческую эволюцию от активного участия в польском освободительном движении 1830/31 гг. до апологетики русского правительства. Полемизируя с автором «Европейской пентархии» в немецкой печати с позиций крайне правого политического лагеря, он рассуждал о неизбежности установления российской гегемонии не только на территории германских земель, но и на всем континенте. В частности, в своей вышедшей в Германии книге «Россия и цивилизация» Гуровский доказывал, что дряхлеющую, охваченную социальными и политическими волнениями, Европу от революционного хаоса и упадка может спасти только молодая сильная Россия, твердо усвоившая основы европейской цивилизации. «Россия, – писал он, – это та единственная сила, которая обеспечит порядок и стабильность в Европе!» [31, S.55].

Вместо оппозиции «Россия – Европа» и идеи национального единства, необходимых для формирования национальной идентичности, на первое место в консервативной литературе выходит противостояние понятий «Революция» и «Россия» как полярных сил в борьбе за преобладание в Европе. Немецкая аристократия в большей степени идентифицировала себя с русским абсолютизмом, чем с немецкой революционной оппозицией. Образ монархической России как мощной европейской империи играл важную роль в формировании не столько национальной, сколько социально-политической идентичности консервативных кругов Германии.

В то же время немецкие либералы считали проводимую русским правительством политику главным препятствием на пути демократических реформ и объединения Германии. Долгое время они говорили о необходимости войны с Россией, противопоставляя «революционному» Западу «реакционный» Восток. Поэтому основная полемика по поводу книги Гольдмана разгорелась в либерально-демократическом лагере. В частности, прямым ответом на это сочинение была анонимно изданная в 1841 г. книга левогегельянца Мозеса Гесса «Европейская триархия» [33]. Европейская триархия – это блок трех прогрессивных государств: Германии, Франции и Англии, направленный против двух реакционных континентальных империй – австрийской и российской. Используя

образ России в качестве «варвара у ворот», Гесс призывал к консолидации западных держав для вытеснения русских, «этих жаждущих завоеваний китайцев Запада», из европейской политики. В частности, выступая против нападков на Францию, извечного врага и соперника немцев на европейском пространстве, Гесс писал, что в данный момент неуместно искать «заклятого врага в Европе, когда романо-германскому элементу угрожает славянский, когда приближается противник не только германского народа, но и всего европейского Запада» [34, S.79, 80]. Благодаря использованию антитезы «реакционная Россия – прогрессивная Европа» обосновывалась необходимость революционных преобразований в раздробленной полуфеодальной Германии, а также концептуализировался образ Германии как части цивилизованной Европы, призванной сыграть ведущую роль в европейской политике.

В центре исследования (1840) другого младогегельянца, Арнольда Руге, «Современность и будущее Европы» [47] стояла проблема исторической миссии немцев как «нации европейского Центра», т.к. «только немцы могут разрушить тиранию нашего времени в Петербурге, Вене и Берлине». Носителям революционного потенциала Европы – Франции, Англии и Германии – Руге традиционно противопоставлял Россию как абсолютистскую империю, стоящую на низшей ступени общественного развития, где отсутствуют «истинная, то есть реформированная, религия, научная и духовная свобода». Он, как и Гесс, пытался переформулировать саму идею европейского баланса сил, когда предполагалось, что одного активного участия христианской монархии в международных делах достаточно для ее автоматического включения в состав Европы. «Как может Россия идентифицировать себя с Европой, – писал он, – если у нее нет главной предпосылки для этого – европейской истории, когда ее позиция по отношению к европейским проблемам носит лишь формальный характер?». Несмотря на то, что Российская империя активно вмешивалась в европейскую политику и дела немецких государств, долгое время являясь предметом общественных дискуссий, Руге вывел ее за рамки европейской истории. Используя стереотипные утверждения об азиатской природе России, ее противоположности Европе, ее агрессивности и враждебности по отношению к европейским революционным традициям, Руге обосновывает тезис о неизбежности военного столкновения между Россией и Западом. «Все военные, торговые и индустриальные успехи России не смогут обмануть Европу в том, что русская экспансия и панславизм нуждаются во все большем расширении территорий до Средиземного моря и дальше» [48, S.134, 136, 138,

144]. Эти пропагандистские клише были необходимы Руге, чтобы путем противопоставления подчеркнуть принадлежность Германии к прогрессивному Западу и обосновать ее мессианские притязания в процессе революционных преобразований Европы. Помимо формирования национальной идентичности у немцев, с помощью этих же стереотипов Руге стремился решить и стратегические задачи. В частности, он пытался доказать, что Россия не может быть союзником Пруссии, поэтому необходимо дистанцироваться не только от нее, но и от контрреволюционных кругов в самой Германии, которые поддерживают русское правительство.

Конструирование образа России как «варвара у ворот» в немецкой политической публицистике

Уже на примере этой дискуссии можно судить об особенностях использования определенных стереотипов восприятия, которые долгие годы формировали образ России в

Европе. Как писал известный немецкий исследователь Гюнтер Штёкль, «симпатии и антипатии народов в отношении друг друга, как правило, стабильны ...причем наблюдатель всегда стремится к упрощению» [50, S.121]. Так, общественное мнение Германии в этот период стремилось втиснуть образ России в привычные рамки традиционной военнотрадиционной империи, живым воплощением которой являлся монарх-самодержец с неограниченной светской, религиозной и военной властью. При сильно персонифицированном подходе к политике и истории, император Николай I как нельзя лучше подходил для роли некоего всемогущего демиурга, когда «усмешка или нахмуренный лоб русского царя определяли устои не только германских государств, но и всей Европы» [21, S.44]. Для либералов он был «жандармом Европы», ответственным за раздробленность Германии, для консерваторов – «носителем божественной миссии» в борьбе с европейской революцией и «первым защитником легитимности» [23, S.70f]. Образ монарха задавал тон для оценки всей империи, выступавшей в немецкой политической литературе чаще всего как «оплот европейской реакции» и агрессивный захватчик чужих территорий.

Ключевыми моментами восприятия России были протяженность территорий и огромный военный потенциал. При этом для описания страны использовались клише, вызывавшие у читателя цепь определенных ассоциаций, которые уже заранее подразумевались автором. Так, для характеристики пустынного дикого пространства чаще всего при-

менялись стереотипные понятия «степь» и «Сибирь». «Уже одно слово "Сибирь", – писал немецкий автор, – вызывает мысли о пустыне, одиночестве, чудовищном холоде, лишениях и нищете» [22, Bd.1, S.91]. «Степь, – по мнению другого автора, – означает однообразие, монотонность, дикость и скуку» [17, Bd.2, S.184]. Понятие «Сибирь» ассоциировалось также с изгнанием и наказанием, с чем был тесно связан стереотипный образ «кну́та», означавший способ наказания и систему господства, в основе которой насильственное подавление: «Кнутом власти является Сибирь, – утверждал анонимный автор сочинения "Письма североамериканца о России", – но сама Сибирь – концентрированное проявление ужасов России» [13, S.16]. «Кнут» являлся одним из составляющих компонентов понятия «деспотизм»: «Кнут, всегда и везде кнут! Он является инструментом наказания и тирании, наглядным признаком господствующего положения для русских. Ничего другого они не знают» [17, Bd.1, S.91]. «Деспотизм», в свою очередь, был неразрывно связан с «азиатским варварством» и образом Востока. Так, во «Всеобщей немецкой практической энциклопедии для образованных сословий» в статье «Азия» было написано: «У народов, населяющих Азию ...отсутствуют формы узаконенной свободы и стремление человека к высшей жизни общества. Основой государственного правления в Азии является деспотизм» [12, S.460].

В понятие «азиатский деспотизм» укладывалась критика всей внутренней структуры Российского государства: чиновничьего аппарата («иерархия маленьких деспотов»), полиции («продажные озверелые деспоты с кнутом») [13, S.8, 21], духовенства («православие – форма духовного деспотизма» [36, Bd.1, S.115], сословий («рабская покорность всех сословий воле государя»), института крепостничества как «формы узаконенного рабства» [17, Bd.1, S.53; Bd.2, S.152]. В связи с этим очень типично обобщающее определение немецкого автора, данное им в аннотации к одной из глав сочинения «Петербург в картинах и зарисовках». «Содержание этой главы можно передать несколькими словами: деспотическое правительство, которое опирается на озверелое общество, проникнутое духом кастовой нетерпимости, имеет в качестве инструмента подавления армию развращенных чиновников и полицию, аморальность которой можно назвать единственной в своем роде, – такое зрелище предстает перед нашим взором в России с ее государственной системой» [36, Bd.1, S.50]. Картина политического устройства русского общества, построенного на основе тотального государственного подавления, также служила доказательством азиатской сущности России.

«ВАРВАР У ВОРОТ» ИЛИ «ГАРАНТ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

Азиатская, варварская природа предопределяла неспособность страны к эволюционному развитию, что, в свою очередь, выводило ее за рамки европейской истории.

Еще одно понятие – «степь» – было неразрывно связано с клише «казачий», которым обозначался целый образ жизни, характеризовавшийся постоянной военной службой, кочевым способом существования, а также жаждой войны и добычи. При чем казаки часто отождествлялись с национальными меньшинствами внутри России: татарами, киргизами и калмыками, что должно было подчеркнуть азиатскую природу русских в целом. Для немецкой публицистики кануна революционных событий 1848 г. очень характерен следующий отрывок: «Вы вспоминаете еще о казаках с их мобильными конными отрядами и высокими, как у кочевников, седлами? Об этих киргизских ордах из азиатских степей, обвешанных котлами, флягами, сковородами, а также военными трофеями из золота и серебра? Повсюду, где они проезжали, они оставляли после себя разрушения, зловоние и насекомых-паразитов» [17, Bd.1, S.112].

Важное место в восприятии Российской империи занимал также образ Санкт-Петербурга, который был воплощением абсолютизма, имперского духа, чиновничьего произвола и поверхностной европеизации страны. Контраст между такими стереотипными понятиями, как «степь», «Сибирь» и «Санкт-Петербург», должен был подчеркнуть колоссальную пропасть, разделявшую «европейскую» столицу и «азиатскую» периферию России.

**«Варвар у ворот»
как политический инструмент:
трансформация смыслов
и смещение акцентов**

Немецкая перепечатка карикатурного изображения России с европейской карты второй половины XIX в. – Россия изображена в виде полудикого свирепого казака с огромным окровавленным ножом, к руке которого прикована целью изнемогающая «Польша» в виде лежащей рыдающей женщины.

Аргументы в пользу азиатской сущности Российской империи менялись с течением времени в зависимости от задач, стоявших перед оппозиционным движением в Германии, кото-

рое, в свою очередь, тоже не было однородным [1]. В 40-е годы, в период вызревания предпосылок революции 1848 г., в либерально-демократической печати наряду с разоблачениями агрессивной внешней политики азиатская «варварская» природа Российской империи подтверждалась с помощью критики ее социально-политического устройства. В созданном демократами образе воплотились феодально-абсолютистские структуры, и немецкий читатель без труда находил обратную связь с политической ситуацией в Германии. Используя во внутривнутриполитической борьбе образ России как «азиатско-деспотического» государства, а значит, противоположной, неполноценной и враждебной для цивилизованной Европы силы, публицисты распространяли эту метафору на свои собственные, связанные с Россией правящие круги. Обвиняя их в тех же пороках, иногда вплоть до полной идентификации российской монархии с прусской и австрийской, либерально-демократическая оппозиция не только выводила своих политических оппонентов за рамки формирующейся «нации всех немцев» и европейского сообщества в целом. Следом за Россией она противопоставляла их Европе как принципиально чужеродный и враждебный элемент. В результате к дихотомии «Азия – Европа», «варварство – цивилизация» добавилось противопоставление «реакция (Россия) – революция (Германия)».

В конце 40-х – начале 50-х годов в период революционного спада и наступившей следом реакции начался постепенный процесс поиска общественного консенсуса при сохранении господствующих позиций аристократии. В этих условиях в либеральной политической публицистике критика системы правления и феодальных пережитков России, а также любых других областей, где могли бы быть найдены аналогии с германским обществом, становится неактуальной. И дело было вовсе не в том, что все авторы этих публикаций в одночасье превратились в апологетов существовавших в Германии полуфеодальных порядков. Просто поменялись приоритеты, и вопрос о создании единого национального государства даже на основе прусской монархии для многих либералов стал намного важнее, чем его социально-политическое устройство. Для того чтобы стабилизировать внутреннюю ситуацию в расколотом революцией обществе, как всегда, понадобился внешний враг – все тот же «варвар у ворот». Тезис о постоянной военной угрозе со стороны российской империи должен был содействовать политической консолидации и оправдать компромисс между частью правящей элиты и умеренной либеральной оппозицией. Образ Российской империи продол-

жал использоваться в процессе формирования национального самосознания немцев, но теперь противопоставление России и Германии воспринималось не как противостояние общественно-политических систем, а на уровне «внеисторических сущностей», с расово-националистических позиций. «Азиатский деспотизм» был представлен не как результат определенных изменяемых социально-политических отношений, а как естественный продукт неизменной «азиатской», «варварской» природы русских. На популярность теорий о расовой несовместимости русских и европейцев в начале 50-х годов неоднократно обращали внимание современники, в том числе известный публицист Аурелио Буддус, ставший впоследствии петербургским корреспондентом одной из самых влиятельных в Германии газет *Augsburger Allgemeine Zeitung*. Давая анализ немецкой публицистики, посвященной России, в монографии «Россия и современность», он подчеркивал, что отныне враждебность Российской империи в отношении Германии и всей Европы объясняется не конкретными политическими причинами, а тем, что «взаимное отталкивание порядка и хаоса, цивилизации и варварства, т.е. европейского и азиатского элементов, – естественно-исторический момент мировой истории, основанный на исконной физической идиосинкразии германского и славянского начала». И далее автор констатирует: «Несмотря на то, что расовые теории многократно отвергались современной исторической наукой, они продолжают возникать снова и снова» [22, Bd.1, S.65].

Справедливости ради надо заметить, что основным источником распространения теорий о расовых отличиях русских от европейцев накануне Крымской войны была польская демократическая эмиграция, осевшая в конце 40-х – начале 50-х годов в Лондоне и Париже и оказавшая большое влияние на формирование европейской русофобии, новый подъем которой пришелся уже на 60-е годы в связи с началом очередного витка экономической и внешнеполитической активности России. Большой популярностью в Европе пользовались работы польских историков и этнографов Теофила Лапинского и Франтишека Духинского. Например, во Франции было хорошо известно исследование профессора Духинского «Происхождение славян. Поляки и Русины», в котором он отстаивал тезис о монгольском происхождении русских. В частности, автор пытался доказать на историческом, лингвистическом и этнографическом материале, что «настоящие москвиты, то есть жители бывшего Великого княжества Московского, большей частью монголы и финны». Затем, анализируя географические и гидрографические осо-

бенности рельефа, Духинский пришел к выводу, что «к востоку от Днепра начинаются более заметные "азиатские" отличия по сравнению с местами, лежащими к западу от него», то есть «геологические различия» между Польшей и Россией намного значительнее, чем между Россией и Азией. Окончательный результат своих исследований польский профессор сформулировал так: «Название Русь узурпировано москвитями. Они не славяне и вообще не принадлежат к индогерманской расе, они intrus (незаконно вторгшиеся), которых опять следует прогнать за Днепр» [27, S.78, 81,104].

В Европе Духинский имел множество последователей в демократических кругах. Например, французский историк и политический деятель Анри Мартен излагал эту теорию в книге «Россия и Европа» [38; 39], изданной в Париже и переведенной на немецкий язык в 1869 г. Этой же концепции придерживался другой французский историк и публицист Элиас Реньо в исследовании «Европейский вопрос, ошибочно называемый польским вопросом» [46]. Но не только поляки и французы выдвигали «смелые» гипотезы о происхождении русских. Не отставали от них и англичане. Так, Чарльз Добеон – радикальный журналист, редактор газеты *Free Press*, писавший под псевдонимом Коллет, – опубликовал 7 декабря 1864 г. статью на эту же тему под названием «Планы России относительно Римского папы». В ней он делал вывод о происхождении русского народа от Навуходносора и ассирийцев [29, P.44].

Основоположники марксизма были знакомы со всеми этими сочинениями [37]. И хотя К.Маркс и Ф.Энгельс считали малоубедительным тезис о монгольском происхождении русских, они охотно использовали его как пропагандистский прием. В письме Энгельсу от 24 июня 1865 г. Маркс выражал надежду, что концепция о неславянских корнях русского народа поможет нанести сокрушительный удар по панславизму, хотя он и не был убежден в ее научной правильности. Тем не менее Маркс считал целесообразным дальнейшее распространение этой точки зрения в общественном сознании. «Я бы хотел, – писал он, – чтобы Духинский оказался прав и чтобы по крайней мере этот взгляд стал господствовать среди славян» [5, с.107].

Маркс не остался в стороне от обсуждения вопроса о монгольском происхождении русских, творчески переработав на свой, «марксистский» лад основные положения польского ученого. В письме Энгельсу он писал, что «Духинский был не совсем прав, утверждая, что русские являются не славянами, а скорее татарами. Напротив, славяне в России были монголизированы и татаризированы в процессе формирования

земельного владения» [6, с.197]. Впоследствии Марксу удалось найти компромисс в этом вопросе на основе синтеза расовой теории Духинского и марксистского учения о классовой борьбе. В письме к Людвигу Кугельману он писал о разделении русского общества на угнетаемых крестьян – славян и господствующее дворянство – монголов: «Не в крестьянстве русском, а только в русском дворянстве сильна примесь монголо-татарских элементов... Что русское государство является в своей политике по отношению к Европе и Америке представителем монголизма, это, конечно, истина, и притом ставшая теперь избитой...» [4, с.541].

В рассмотренном нами примере образ России в парадигме «варвар у ворот» несет на себе еще одну функциональную нагрузку, основанную на противопоставлении цивилизованной Европы и варварской азиатской России. В качестве конституирующего «другого» образ Российской империи использовался немцами не только в процессе формирования европейской и национальной идентичности, но также для политической самоидентификации на основе антитезы «реакционный Восток – революционный Запад». Марксу было недостаточно просто заклеить господствующие слои России как «реакционных угнетателей», т.к. в этот период основоположники марксизма вели борьбу с реакционными монархиями по всей Европе. Для достижения наибольшего пропагандистского эффекта ему потребовалось использовать старые этнические стереотипы, связанные с исконным страхом жителей Европы перед «ордами азиатских варваров-поработителей», чтобы идентифицировать правящие круги России с «проклятой расой», омерзительной в глазах европейца на протяжении столетий. Татаро-монгольское иго в общественном сознании всегда было символом рабства. Маркс ставит знак равенства между ним и русским правительством, заставляя читателя подсознательно воспринимать Россию как главного врага самой большой ценности для европейца – свободы личности, и тем самым подводит его к мысли, что русская реакция несравнимо хуже, чем реакция европейская, т.к. имеет другую, чуждую и враждебную цивилизованным народам природу.

В 50-е годы в политической публицистике Маркса закладывались основы пропагандистского мифа о «монгольской» сущности российского государства, о «монгольских чертах» его внешней политики. Доказательству этого тезиса он посвятил значительную часть своего исторического сочинения «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» [7; 40]. Маркс утверждал, что Московия не является последовательни-

цей ни славянской, ни византийской форм государственности. Московское государство порождено татаро-монгольским игом, его правители – ученики и преемники ханов Золотой Орды. Современная Россия, по его мнению, полностью унаследовала от Московии присущие ей монгольскую природу, азиатскую жестокость, варварство, стремление к территориальным захватам и враждебность по отношению к Европе.

**«Варвар у ворот»
как квинтэссенция
внешней угрозы**

Тема «варвара у ворот», внешней угрозы оставалась ключевой для восприятия Российской империи в Европе накануне Крымской войны. Успешные войны, которые вела Рос-

ссия на протяжении XVIII – первой половины XIX в., не могли не сказаться на европейских представлениях о ней. В опубликованном (1812) мнимом завещании Петра Великого перечислены все составляющие агрессивной внешней политики России: постоянное ведение войн в Европе и Азии для сохранения боеспособности армии, непрерывающееся расширение территорий на север вдоль Балтики и на юг вдоль Черного моря, экспансия против Турции и Польши, дипломатические интриги против европейских государств [30, S.313–326]. Впоследствии практически все немецкие либералы в 40-е – 50-е годы писали о преемственности захватнических планов России со времен Петра Великого, имевших целью установление господства над Европой и Азией. «Только одна десятая часть российских территорий может рассматриваться как исконные наследственные владения русских князей без всяких сомнений, – писал в одном из своих исторических исследований известный философ и обществовед Фридрих фон Реден. – Если наследники Петра не закончат начатое им дело с помощью войны против остальной Европы, то с полным правом можно будет утверждать, что они не достойны своего предка» [45, S.12]. Внешнеполитическая активность России на Балканах и Ближнем Востоке, разделы и присоединение большей части Польши, а также затянувшаяся война на Кавказе служили доказательством ее постоянства в следовании заветам первого русского императора.

Важным компонентом в процессе создания образа России как «варвара у ворот» было также доказательство последовательности ее политики, направленной на ослабление соседних государств. «Все соседи России когда-то были сильными государствами, – делает вывод Ф. фон Реден, проанализировав ситуацию за последние сто лет. – Теперь же Польша перестала существовать, территория Швеции сильно уменьшилась, Турция

«ВАРВАР У ВОРОТ» ИЛИ «ГАРАНТ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

разлагается, Персия раздроблена» [45, S.4]. Той же политики, по мнению автора, придерживается русское правительство в отношении своих нынешних соседей – Австрии и Пруссии, интригуя против них при всякой возможности. И даже «благородное бескорыстие», с которым русские войска пришли на помощь австрийскому правительству в 1849 г., было, прежде всего, в интересах самой России [44, Bd.1, S.24–27].

Немецкая перепечатка карикатурной политической карты Европы накануне Крымской войны. – Россия изображена в виде оскалившегося медведя с императорской короной на голове, на которой написано «деспотизм» и традиционным кнутом в лапах, на хвосты которого нанизаны черепа. На цепи медведь держит «Польшу» виде скорбящей женщины.

Главной целью внешней политики России все немецкие оппозиционные авторы считали расширение территорий, но попытки определить причины и последствия этой политики приводили к разногласиям. Накануне и во время революции 1848 г. считалась общепринятой точка зрения, воспроизведенная А.Буддеусом, когда он описывал, как «коварная, лицемерная, предательская, упорная, выжидательная» внешняя политика России «прокладывает себе через тысячи препятствий дорогу

к мировому господству и захватам» [22, Bd.2, S.153]. Радикально настроенные демократы шли еще дальше и для усиления эффекта сосредоточивали агрессивные намерения России, в основном, на Германии, пугая сограждан оккупацией, подавлением революции и превращением «свободных немцев в крепостных православного царя» [11, с.470]. С наступлением реакции в начале 50-х годов ситуация изменилась. Стремление России к захватам сопредельных территорий перестали воспринимать как результат лишь внешнеполитической деятельности конкретных людей, выражающих интересы определенного социально-политического строя. В немецкой публицистике получает распространение тезис о «естественно-природных» причинах территориального расширения России, которые в отличие от государственной системы и временных стратегических целей навсегда останутся неизменными. «Несмотря на свою огромную территорию, – писал Ф. фон Реден, – Россия должна постоянно расширять свои границы, чтобы сгладить ущерб, нанесенный ей климатом: на более чем 300 тысяч кв. миль бесплодных земель приходится только 75 тысяч кв. миль земельной площади, пригодной для использования» [45, S.17]. Отсюда делался вывод, что постоянное расширение границ «для максимального захвата» морского побережья и плодородных земель с мягким теплым климатом, благоприятным для жизни и сельского хозяйства, является для России необходимым условием поддержания жизни и воспроизводства [44, Bd.1, S.30ff]. Таким образом, представление о России как о природном захватчике, представляющем собой постоянную и неизменную угрозу для европейских соседей, получило окончательное закрепление в немецкой литературе.

Для осуществления политики захватов у русского правительства имелись два инструмента. Во-первых, это огромная, готовая в любую минуту к войне армия, ставшая надежным орудием в руках императора, на совершенствование которой были направлены все силы милитаристского государства: «Петербург – это скорее штаб армии, чем сердце нации» [36, Bd.1, S.44]. При этом делались ссылки на якобы «кочевой» характер русского народа, выраженный в стереотипе «азиатские, степные кочевники», который придавал этой армии опасную динамику и таил в себе угрозу для соседних цивилизованных народов. Например, очень типично такое высказывание: «Россия имеет в своем распоряжении полмиллиона получивилизованных или полностью диких азиатских орд для прорыва в Европу, в то время как она сама непобедима внутри своих границ благодаря своим природным условиям» [17, Bd.1, S.108].

Помимо армии, другим инструментом захватнической политики являлась проникающая во все страны русская тайная дипломатия, которая с помощью своих агентов выведывала секреты противников, а также «подстрекала к бунту подданных тех правительств, с которыми Россия находилась в состоянии войны», тем самым парализуя их силы [22, Bd.2, S.152]. Но если кочевой характер народа стал доказательством угрозы, исходившей от армии, то тайная дипломатия русских агентов связывалась со склонностью всех русских к притворству, лжи и предательству. На этой основе немецкие авторы делали вывод о тесной взаимосвязи национального характера и политической активности России.

В качестве основных факторов, способствовавших росту могущества Российской империи, выделялись монолитность и внутренняя консолидация общества, вызванная рабской природой русского национального характера, крепостничеством и отсутствием среднего класса [13, S.81–140]. Союз абсолютистского режима с крепостническим дворянством и имперской бюрократией при наличии мощного репрессивного аппарата также представлялся идеальным механизмом для мобилизации необходимых для непрерывных войн ресурсов в отсталой, неравномерно населенной стране [26]. Институт Православной церкви, поставленный на службу абсолютистской власти, рассматривался как важнейший фактор идеологического воздействия и манипуляций настроениями огромного по численности населения страны. Не только либералы, но и консерваторы отмечали особую религиозность русских, которая формировала у них ощущение богоизбранности, особой миссии по отношению к другим народам. Сосредоточив в одних руках светскую и духовную власть, «российская система территориальных захватов» использовала религию для обоснования необходимости продолжения политики расширения территорий, ссылаясь, в частности, на «долг русской монархии освободить православных единоверцев от турецкого владычества» [45, S.16–17]. Усилению боеспособности империи способствовала также европеизация российского общества, которая объявлялась мнимой в отношении усвоения культурных ценностей Европы, но весьма эффективной в области модернизации армии и флота.

Итак, при создании образа Российской империи как конституирующего «другого» в процессе формирования собственной национальной и политической идентичности большинство либеральных авторов выделяло три момента:

- диаметрально противоположность русского общества по отношению к немецкому, выраженная полярными понятиями

«азиатский – европейский»;

- неполноценность этого общества в сравнении с социальными нормами немецкого читателя, выраженная, прежде всего, в цивилизационной отсталости и отсутствии возможностей для прогресса в «варварском» обществе;
- враждебность русского государства по отношению к немецкому обществу, которая стала исходным моментом при описании непохожести и неполноценности русских.

**Консервативная альтернатива:
Россия как «гарант
европейской безопасности»**

В противоположность либералам консерваторы в рассматриваемый период не придавали большого значения проблеме единства нации, критикуя проявления национализма

как порождение Французской революции. Идеологи консерватизма выступали за легитимность удельных князей и королевской власти, за монархический принцип. Этот принцип, по их мнению, имел несомненное преимущество перед нацией, национальной идеей. Воплощением легитимности монархии и прочных религиозных традиций им представлялась сильная монолитная Россия. Из страха перед национальным и демократическим движениями, из потребности защиты полуфеодального строя и осознания слабости собственных правящих домов сформировалась консервативная русофилия в Германии, которая во время революционных событий 1848 г. наряду с принципом легитимности играла роль интеграционной идеологии для немецкой аристократии.

Значительная часть прорусской литературы была написана с одной целью – «опровергнуть господствующие в обществе предрассудки относительно России» [18, S.4] и, прежде всего, тезис о враждебности Российского государства по отношению к Западной Европе. Для решения этой задачи было необходимо обосновать справедливость двух тезисов. Во-первых, что Россия не имеет наступательных планов по расширению своих территорий в Европе. Во-вторых, что она по праву является частью европейской системы. Так, опровергая распространенное в Германии мнение о России как о «стремящемся к новым захватам Колоссе», одержимом идеей создания универсальной империи, известный экономист, знаток русской общины, барон А. фон Гакстгаузен отмечал: «Я, возможно, знаю внутреннюю природу России лучше, чем кто-либо в Европе, а также лучше, чем большинство самих русских. Я бы солгал, если бы подтвердил, что видел хоть что-то из того, что мне пытаются навязать

общественное мнение, а именно – тенденцию к захватам, якобы заложенную в системе правления, в идеологии и природных наклонностях русского народа» [32, Bd.2, S.332]. Ему вторили практически все консервативные авторы. В начале 50-х годов были сделаны попытки опровергнуть вошедший в моду тезис о «естественно-природной» основе русской экспансии, как абсурдный, противоречащий здравому смыслу. У одного из оппонентов теории Ф. фон Редена мы читаем: «Европа не будет русской хотя бы уже потому, что в планах русского правительства нет намерения изменить существующее положение вещей. Есть определенные границы, внутри которых государство остается сильным. Расширение этих границ потребует максимального напряжения сил, что в конечном итоге приведет к его ослаблению» [42, Bd.1, S.34].

Для консерваторов было необходимо согласовать факты территориального расширения России в результате успешных войн на протяжении всего XVIII и первой половины XIX столетия с идеей исключительно миролюбивой внешней политики русского государства. Поэтому большое внимание уделялось оправданию аннексии Польши, военным действиям на Балканах против Турции и постоянному обострению противоречий в решении «Восточного вопроса», длительной войны на Кавказе и экспансии в Среднюю Азию.

Попытки снять подозрения с России были особенно актуальны в связи с ростом предположений о том, что Германия может стать следующим западным соседом, подвергшимся экспансии со стороны российского государства. В связи с этим было опубликовано множество исторических исследований, авторы которых, возвращаясь к традициям эпохи антинаполеоновских войн, пытались доказать, что русские всегда были добрыми соседями и надежными союзниками немцев. Например, в сочинениях по истории Пруссии всячески подчеркивалось позитивное значение участия России во внутренних делах германских государств: «С помощью России Германия, и особенно Пруссия, смогла изгнать иностранных завоевателей со своей земли и восстановить независимость. В результате этого очень удачного для немцев соседства Пруссия сейчас в состоянии противостоять политическим штормам, которые наступают на Западную Европу, а также обладает достаточным влиянием, чтобы присоединить к себе мелкие германские государства...» [16, S.91].

Активное и плодотворное участие Российской империи в европейской политике являлось для многих немецких авторов подтверждением ее «включенности» в Европу. Тезис о принадлежности России к европейскому сообществу служил исходным моментом для всех консерва-

торов, пытавшихся оправдать внешнеполитическую активность России, и, следовательно, давал им возможность позитивно оценивать ее действия как на Западе, так и на Востоке.

Важнейшим признаком принадлежности России к Европе было признание за ней способности к быстрому самостоятельному прогрессивному развитию, способному поднять ее на один цивилизационный уровень с другими странами Западной Европы. Большинство немецких авторов не могли не признать, что современная Россия еще во многом отстает от своих западных соседей. Но при этом ей отводилась роль не азиатской империи, а европейской отдаленной провинции, которая, несмотря на временное отставание, благодаря непрерывной внутренней работе рано или поздно достигнет уровня европейского «центра»: «В большинстве случаев уже нельзя говорить только о "поверхностном налете" европейской культуры. Россия со времен Петра Великого добилась такого существенного прогресса в усвоении культурных ценностей, какого не добивалась ни одна страна за такой короткий период времени» [25, Bd.1, S.VI]. Образ России как быстро развивающейся европейской провинции был ответом консерваторов на распространение в либеральной литературе тезиса о «варварской», «азиатской» природе русского общества, неспособного к прогрессивным изменениям, усвоившим европейскую культуру только лишь как внешний «поверхностный налет».

Довольно часто на взаимоотношения России с западноевропейскими странами переносилась схема, заимствованная в органической природе. Согласно ей Россия – молодой организм, еще не достигший вершины своего развития, в то время как «стареющее тело» Западной Европы уже не способно расти и развиваться дальше, а впереди его ждет распад и разложение. Как писал Евгений фон Рехенберг-Линтен, «Западная Европа уже перешагнула этап своего наивысшего подъема в индустриальном и культурном развитии, пока Восточная Европа только готовится к этому» [43, S.53]. Адам Гуровский также видел «начало возмужания России в XVIII веке, а зрелость – в далеком будущем». Следствием переноса этой биологической метафоры на почву политических рассуждений стало не только ожидание быстрого выравнивания уровней культурного и экономического развития России и Европы, но и обоснование неизбежности будущей гегемонии Российской империи в международных отношениях. Дальше всех пошел в своих пророчествах А.Гуровский: «России суждено усвоить наследие европейских народов и цивилизаций, которые ей хронологически предшествовали, но при этом ее собственный дух ими не будет подавлен. Развитием ее своеобразной

сущности замкнется круг, который уже прошли другие народы» [31, S.9, 93].

Выделение консерваторами из набора характеристик в качестве главного признака «европейскости» народа его способность к самостоятельному развитию полностью совпадало с либеральной трактовкой этого понятия. Другие доказательства европейской природы русских, принятые в консервативной литературе, с точки зрения либералов играли второстепенную роль. Это касалось доказательства этнической и религиозной принадлежности к Европе. С одной стороны, речь шла об этнической идентификации славян как третьей великой группы народов, которая наряду с германской и латинской группами составляет «европейскую семью народов» [32, Vd.3, S.8]. С другой стороны, это религиозная идентификация на основе христианства, распространенного среди европейского населения России, когда православная империя объявлялась равноправным членом союза христианских государств [49, S.22]. Согласно этой классификации, каждой этнической группе европейских народов соответствовала определенная христианская конфессия: романским народам – католицизм, германским – протестантизм, славянским – греко-православная церковь [20, S.8].

На оппозиции «европейский – варварский, азиатский» основана вся дискуссия об оценке образа России в общественном мнении Германии. На основе принадлежности России к христианской, а значит, и европейской, «семье народов» строилась система легитимации как всей ее внешней политики, так и отдельных акций в отношении европейских и неевропейских, «азиатских» соседей. В результате признавалось законным вмешательство России во внутренние дела соседних государств, в частности Пруссии и Польши, которым она гарантировала мир и процветание. «Что стало бы с Пруссией при соседстве с такими беспокойными народами, как поляки, или бельгийцы, или французы, или в результате подрывной деятельности некоторых либерально-конституционных обществ в самой Германии? ...Своим благополучием она обязана участию России» [31, S.87–88]. Что же касается русской политики по отношению к Польше, в разделе которой участвовали также Пруссия и Австрия, то она в наименьшей степени трактовалась как проявление экспансии со стороны Российской империи. Уничтожение польской государственности оправдывалось якобы неспособностью самих поляков к самоуправлению. На протяжении всего XVIII в. Польша «раз за разом проигрывала свое право на самостоятельное развитие», так как внутренние раздоры и стремление к анархии стали угро-

жать спокойствию соседних государств [15, S.21]. Поэтому раздел и присоединение части Польши к России имели положительное значение для истории Польского королевства. Внешнее правление прекратило внутренние распри и дало импульс дальнейшему позитивному развитию страны. Что же касается польского восстания 1830–1831 гг., то оно трактовалось как проявление неблагодарности поляков и стремления к анархии, заложенного в национальном характере польского народа [14, S.58ff].

Участие России в политической жизни континента в составе Священного союза трех императоров наряду с Австрией и Пруссией было важным подтверждением ее принадлежности к цивилизованной христианской Европе. Несмотря на уменьшение политической роли Священного союза в европейских делах в 30-х – 40-х годах XIX в., в кризисные моменты консерваторы продолжали рассматривать его как главного защитника перед лицом распространявшейся революции [49, S.27]. В связи с этим в случае угрозы революционного переворота в соседних государствах все защитники России безоговорочно признавали ее право не только на вмешательство во внутренние дела, но и на прямую интервенцию для подавления революционных «беспорядков». Подобная внешнеполитическая акция России рассматривалась в консервативном лагере не как проявление обычной экспансии или захватнических устремлений в духе борьбы за гегемонию в Европе среди великих держав континента, а как особое право России на основе «высшей легитимности» хранить «установленный богом порядок» [23, S.75]. При этом выбор внешнеполитических средств воздействия – от дипломатического влияния до открытых военных действий – был полностью подчинен задаче сохранения полуфеодального монархического строя. Для консерваторов суверенитет отдельных наций был подчинен защите принципа легитимности.

Для характеристики политики России в отношении неевропейских народов ее позиционирование в качестве европейского государства также играло решающую роль. Как и в случае с европейскими соседями, расширение сферы прямого политического влияния России за пределы Европы оценивалось положительно и трактовалось как осуществление исторической миссии по распространению цивилизации, христианства, прогресса и гуманизма на территориях варварских народов. Например, когда речь шла об экспансии России в Средней Азии, часто утверждалось, что «нынешнее правительство вполне сознает, что предназначение России в том, чтобы связать Азию и Европу, при этом распространяя

с Запада на Восток основы цивилизации» [18, S.82]. Другой автор по этому поводу писал: «Для Азии Россия, в религиозном и социальном смысле, является персонификацией Спасителя Христа. Поэтому чинить препятствия России на ее священном пути – то же самое, что восставать против Божьей воли...» [31, S.199].

В вопросе экспансии в Азию отношения России и Англии играли особую роль. Известно, что накануне Крымской войны Николай I упорно добивался союза с Великобританией, предлагая английскому правительству через посла Джорджа Гамильтона Сеймура предварительно разделить сферы влияния между двумя империями. Неудивительно, что оценка действий России в отношении Англии, которая являлась для нее единственным серьезным конкурентом на Ближнем Востоке, в Средней Азии и Китае, носила амбивалентный характер. Исходя из личной трактовки авторов и двусторонних отношений обеих держав в конкретный исторический момент, Россия представлялась или как союзник в деле распространения европейских ценностей и влияния на Востоке или как опасный агрессивный конкурент-захватчик. Многие авторы любили подчеркивать общую цивилизаторскую задачу обеих империй в Азии, не затрагивая проблему противоречий и взаимного соперничества: «Ни Англия, ни Россия не должны искать в Азии лишь голую выгоду в виде рынка сбыта для своих товаров. Миссия обеих европейских держав имеет более высокую и благородную основу и должна осуществляться в интересах не только Европы, но и всего человечества. Обе страны должны, более того, они обязаны вернуть Азию, эту колыбель рода человеческого, в лоно цивилизации. Завоевать ее, но не огнем и мечом, а той тихой, мягкой, но победоносной силой, которая пленяет сердца и просветляет души, которая привяжет кочевников к земельной собственности и принудит диких воинов жить по законам» [15, S.401].

С другой стороны, довольно часто повторялось, что методы российской политики в Азии по сравнению с аналогичными действиями Англии более гуманны и цивилизованны. Англичане захватывали новые колонии, руководствуясь исключительно эгоистическими мотивами расширения экономической эксплуатации аборигенов. Под гнетом «коммерческого деспотизма» их колонии не процветали, а со временем приходили к полному обнищанию [15, S.94]. Если Россия экспортировала из Китая текстиль, то Англия наводнила Европу китайским опиумом [32, Vd.3, S.237].

Похожие аргументы использовались в консервативной литературе для оправдания длительной войны России против кавказских народов,

героическое сопротивление которых нашло поддержку на страницах либеральной прессы. Для защитников России ее цивилизаторская миссия на Кавказе опять оказалась важнее военно-стратегических соображений или необходимости остановить распространение ислама среди горцев: «Покорение черкесов является не только необходимостью, но и долгом русского правительства. Всякое государство, на границах которого живут полудикие народы, обязано включить их в общественно-социальную жизнь, чтобы поднять с низшей ступени развития» [18, S.83].

Что же касается обсуждения проблемы политического будущего Османской империи и роли европейских держав в ее решении, то в консервативной литературе она принципиально рассматривалась в плоскости взаимоотношений цивилизованного сообщества христианских государств и отсталого восточного исламского мира. Хотя в отдельных случаях апологеты России не отрицали наличия агрессивных устремлений с ее стороны в отношении Османской империи, преобладало мнение, что русские претензии на гегемонию в этом регионе вполне оправданны и законны [15, S.367]. Примечательно, что в этом вопросе, который живо занимал всю Европу, русофилы не тратили больших усилий на доказательство «законности» действий русского правительства. Для оправдания российской экспансии было достаточно причисления России к Европе, что автоматически подразумевало более высокий уровень ее цивилизационного развития по отношению к «азиатской» Турции и право на защиту православных христиан в самой Османской империи [18, S.60f].

Итак, в консервативной литературе, которой было явно меньше, Российская империя представлялась «молодой», периферийной частью Европы, временно отстающей в развитии от цивилизованного центра, но зато обладающей огромным потенциалом к быстрому развитию. В качестве примера приводились реформы Петра Великого, в результате которых Россия в течение нескольких десятилетий стала великой европейской державой. Выступая против теории об азиатском происхождении славян, русских в том числе, немецкие обществоведы доказывали, что славянские народы составляют третью большую группу европейских народов, наряду с романской и германской. А православная церковь является полноправной частью христианской церкви, как католическая церковь романских народов и протестантская – германских. Таким образом, русские признавались хоть и «немного провинциальными», но все же полноправными членами «европейского союза христианских монархий» [18, S.184]. Позиционируя Россию как европейскую провин-

цию, немецкие консерваторы воспринимали ее как быстро развивающуюся часть собственного сообщества. Таким образом, в отличие от антирусской позиции, доминировавшей в либеральной литературе, в сочинениях консервативных авторов образ Российской империи уже не выполнял функции конституирующего «другого» в оппозиции «мы и они».

Библиографический список

1. Заиченко О.В. Образ России в Германии в первой половине XIX века (на материале либеральной публицистики) // Россия и Германия. М., 2001. Вып.2 / Отв. ред. Б.М.Туполев. С.92–110.
2. Заиченко О.В. Русское правительство и попытки идеологического воздействия на общественное мнение Германии в первой половине XIX века // Россия и Германия. М., 2004. Вып.3 / Отв. ред. Б.М.Туполев. С.95–126.
3. Заиченко О.В. „Biedermeier“ и „Vormärz“: Россия как конституирующий «Другой» в период Реставрации // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. №32. С.94–22.
4. Маркс – Людвигу Кугельману, 17 февраля 1870 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. В 50 т. Изд. 2-е. М.: Изд-во полит. лит., 1964. Т.32. С.540–542.
5. Маркс – Энгельсу, 24 июня 1865 года // Там же. 1963. Т.31. С.104–107.
6. Маркс – Энгельсу, 7 июля 1866 года // Там же. С.195–197.
7. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории 1989. №1–4.
8. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. 335 с.
9. Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб: РХГУ, 1997. 576 с.
10. Троицкий И.М. III Отделение при Николае I: жизнь Шервуда Верного. Л.: Лениздат, 1990. 317 с.
11. Энгельс Ф. Русские // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1957. Т.6. С.468–470.
12. Allgemeine Deutsche Real-Enzyklopädie für die gebildeten Stände (Konversation-Lexikon). Leipzig: F.A.Brockhaus, 1847. Bd.1.
13. [Anon.]. Briefe eines Nordamerikaners aus und über Russland. Mannheim: J.P.Grohe Verl., 1849. 240 S.
14. [Anon.]. Der Zar gegenüber der europäischen Anarchie. Leipzig: D.Y.K, 1849. 129 S.
15. [Anon.]. Die europäische Pentarchie. Leipzig: O.Wigand Verl., 1839. VI, 442 S.
16. [Anon.]. Die Preußen als Gäste in St.Petersburg im Jahre 1834. Liegnitz: Aderholz Verl., 1841. 158 S.
17. [Anon.]. Geheimnisse von Russland. Ein politisches Sittengemälde des russischen Reichs. Regensburg: Verl. von G.J.Manz, 1844. Bd.1. 450 S.; Bd.2. 404 S.
18. [Anon.]. Kaiser Nikolaus der Erste gegenüber der öffentlichen Meinung von Europa, zur Berichtigung unreifer Urteile über russische Diplomatie und Regierungspolitik. Weimar: B.Fr.Voigt Verl., 1848. 112 S.
19. [Anon.]. Preußen und Russland. Leipzig: Dr. von Giesecke & Devrient, 1853. 71 S.

20. [Anon.]. Preußens und Russlands Genius. Eine Festgabe zur Feier des 1/13 Juli. 1842. Berlin: Unbekannt, 1848. 11 S.
21. [Anon.]. Russische Zustände im Jahre 1850. Hamburg: Nestler & Melle, 1851. 344 S.
22. [Anon.]. Russland und Gegenwart. Leipzig: Weidmannsche Buchh., 1851. Bd.1. 344 S.; Bd.2. 321 S.
23. Bismark F.W. v. Die kaiserlich russische Kriegsmacht im Jahre 1835 oder meine Reise nach St.Petersburg. Karlsruhe: Creuzbauer, 1839. 265 S.
24. Botzenhard M. Russland im Urteil deutscher Politiker und Generale in der Zeit der Freiheitskriege // Russen und Russland aus deutscher Sicht: 19. Jahrhundert. Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1870) / Hrsg. M.Keller. München: W.Fink Verl., 1991. S.315–350.
25. Cottrell C.H. Sibirien. Nach seiner Naturbeschaffenheit, seinen gesellschaftlichen und politischen Verhältnissen und als Strafkolonie geschildert. Dresden: Arnoldische Buchh., 1846. Bd.1. 240 S.; Bd.2. 221 S.
26. Das enthüllte Russland oder Kaiser Nikolaus und sein Reich. Grimma: Verl.-Comptoirs, 1845. 356 S.
27. Duchinski F. Les origines slaves. Pologne et Ruthenie. P.: Typ. de F.Didot Frères, 1861. 152 p.
28. Europa und Russland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses / Hrsg. von D.Tschizewskij, D.Groh. Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1977. 540 S.
29. Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambr., Mass.: Harvard Univ. Press, 1950. 244 p.
30. Groh D. Russland und die europäische Geistesgeschichte. Neuwied: H.Lichterhand Verl., 1961. 450 S.
31. Gurowski A., v. Russland und Zivilisation. Leipzig: F.Bellizardt-Verl., 1841. 329 S.
32. Haxthausen A. v. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Hannover: Hahnschen Hofbuchh., 1847. Bd.1. 526 S.; Bd.2. 540 S.; Berlin: Behrs Buchh., 1852. Bd.3. 656 S.
33. Hess M. Die europäische Triarchie. Leipzig: O.Wigand Verl., 1841. 187 S.
34. Hess. M. Die europäische Triarchie // Europa und Russland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses / Hrsg. von D.Tschizewskij, D.Groh. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1977. S.33–97.
35. Jahn P. Russophile und Konservatismus: Die russophile Literatur in der deutschen Öffentlichkeit 1831–1852. Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. 380 S.
36. Kohl I. Petersburg in Bildern und Skizzen. Berlin, Arnoldische Buchh., 1841. Bde. 1–3. 396 S., 344 S.
37. Krause H. Marx und Engels und zeitgenössische Russland. Gießen: Schmitz, 1958. 144 S.
38. Martin H. La Russie et l'Europe. P.: Furne, Jouvet et C-ie, Libr.-Éd., 1866. 431 p.
39. Martin H. Rußland und Europa. Hannover, 1869. 455 S.
40. Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century / Ed. by E.Marx-Aveling. L.: Swan Sonnenschein & CO Ltd., 1899. 104 p.
41. Neumann I.B. The Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation. Minneapolis: Minnesota Univ. Press, 1999. 304 p.
42. Prutz R. Zehn Jahre. Geschichte der neuesten Zeit 1840–1850. Leipzig: J.J.Weber Verl., 1853. Bd.1. 589 S.

«ВАРВАР У ВОРОТ» ИЛИ «ГАРАНТ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

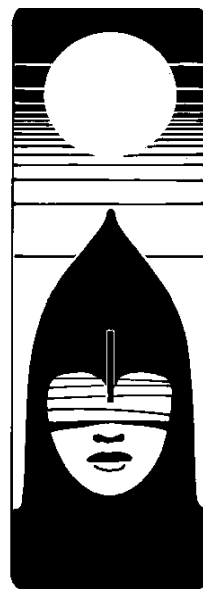
43. Rechenberg-Linten E. v. Westeuropa und Russland in Beziehung auf die Verschiedenheit ihrer Verhältnisse und die gegenwärtigen Zeitereignisse. Leipzig: G.A.Reyhers Verl.-Buchh., 1833. 96 S.
44. Reden Fr. v. Russlands Kraft-Elemente und Einfluss-Mittel. Frankfurt/M.: K.T.Völcker-Verl., 1853. 388 S.
45. Reden Fr. v. Russlands Natur-Bestimmung, seine bisherige Kraft-Entwicklung und Russlands Zukunft. Frankfurt/M.: K.T.Völcker-Verl., 1854. 19 S.
46. Regnault E. La Question Europeenne faussement nommee la Question Polonaise. P.: Dentu, [etc., etc.], 1863. 281 p.
47. Ruge A. Gegenwart und Zukunft Europas. Leipzig: J.J.Weber, 1840. 81 S.
48. Ruge A. Gegenwart und Zukunft Europas // Europa und Russland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses / Hrsg. von D.Tschizewskij, D.Groh. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1977. S.124–167.
49. Sporschil J. Die Weltstellung Russlands in der Gegenwart. Leipzig: Verl. v. I.Jakowitz, 1849. 48 S.
50. Stökl G. Osteuropa und die Deutschen. Geschichte und Gegenwart einer spannungsreichen Nachbarschaft. Stuttgart: Hirzel, 1982. 241 S.

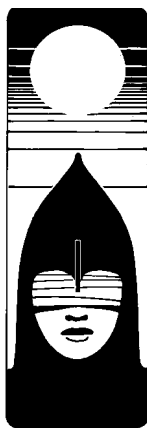
Наша любовь всегда должна быть
сильнее нашей ненависти.
Нужно любить Россию
и русский народ больше,
чем ненавидеть революцию
и большевиков.

Н.А.Бердяев

**Национализм - это проявление
слабости нации, а не ее силы.
Заражаются национализмом
по большей части слабые народы...**

Д.С.Лихачев

Наталья Суханова

ЧТО ЕСТЬ БЛАГО ОТЕЧЕСТВА?

**РАЗМЫШЛЯЯ НАД СТРАНИЦАМИ
НЕДАВНО ИЗДАННОЙ КНИГИ**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
94(47)

В 2015 году издательство «Политическая энциклопедия» выпустило в свет коллективную монографию «Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.)» под редакцией лауреата Государственной премии РФ, доктора исторических наук, профессора В.В.Журавлева. Вскоре книга была удостоена Национальной премии «Лучшие книги и издательства года – 2015». Рефлексия автора статьи направлена на процесс формирования и эволюции идей русского патриотизма и национализма, анализируемых в монографии. Он пытается проследить, как в ходе исследования реализуется идея распутывания сложного клубка проблем, связанных с историей и сущностью понятий «патриотизм» и «национализм» в русской истории, идеологии и общественном сознании.

In 2015, the publishing house "Political Encyclopedia" released collective monograph "Patriotism and Nationalism as Factors of Russian History (the end of the 18th century – 1991)" edited by the winner of the State Prize of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor V.Zhuravlev. Soon the book was awarded the National Prize "The Best Books and Publishing Houses of the Year – 2015". Reflection of the author of the article is aimed at the process of formation and evolution of the ideas of Russian patriotism and nationalism, analyzed in the monograph. He tries to trace how the idea of unraveling a complex coil of problems connected with the history and essence of the concepts "patriotism" and "nationalism" in Russian history, ideology and public consciousness is realized in the course of the research.

Ключевые слова: Россия; патриотизм; национализм; консерватизм; либерализм; революционность; нация; интернационализм; советский патриотизм; межнациональные отношения.

Key words: Russia; patriotism; nationalism; conservatism; liberalism; revolutionary; nation; internationalism; Soviet patriotism; interethnic relations.

E-mail: Sukhanovani@rambler.ru

И снова о патриотизме Жанр книги [5] – историческая коллективная монография. Она представляет собой широкомасштабное и многоаспектное исследование. Понимание важности для российской истории корней национально-патриотического сознания, оказывающего на ее ход огромное влияние, подвело авторский коллектив к написанию столь необходимой в наше время работы.

Современная внутренняя и внешняя ситуация делает злободневной проблему русской и российской идентичности, ее влияния на процессы формирования и развития современного политического курса, который должен быть адекватен закономерностям и особенностям отечественной истории, в то же время оставаясь не чуждым современным новациям.

Труд, основанный на обилии малоизвестных фактов, ранее не изученных или малоизученных и впервые вводимых в научный оборот архивных документов, вносит заметный вклад не только в историографию проблемы. Значение книги выходит за пределы обычной историографии. При том, что исследуемые понятия и явления (патриотизм и национализм) являются общими и повседневными, авторы доказывают их глубину и многомерность, выводя их из истоков российской жизни и общественно-политической мысли. Вместе с тем материал книги позволяет разобраться в сущности особенностей российского общественного сознания и российской политической культуры.

Тематическое единство и большой хронологический промежуток представленных в книге материалов помогают проследить сложный процесс формирования и эволюции взглядов на национальные проблемы России. Авторы рассмотрели органичную связь теоретической мысли с экономическими и социальными процессами. При этом в монографии подчеркивается роль фактора обширной территории России с огромным количеством людей и полиэтничностью населения.

Многонациональный состав населения России всегда создавал сложности формирования общенационального самосознания. У большинства народов России за долгую историю сложилось двойное самосознание: этнонациональное и общероссийское. В этой двойственности следует искать корни постоянной борьбы центробежных и центроостремительных сил в многонациональном государстве, что значительно осложняло цивилизационную эволюцию страны и общества.

Удачей авторского коллектива представляется показ органичного сочетания целостности и в то же время неоднородности российской цивилизации. При этом фактор доминирования многообразия над единством и формирует особый российский процесс зарождения и эволюции идей,

учений и общественного сознания. В российской культуре на протяжении нескольких столетий существует противоречие между бесспорностью эмоционального чувства любви к Родине и рационально-критического отношения к институтам государственной власти, не всегда создававшим достаточные условия для развития личностных свобод и инициатив. Такой подход позиционирует два типа патриотизма: подданнический и партисипаторный (активистский). Российской политической культуре всегда была свойственна полярность взглядов в обсуждаемом вопросе, при этом актуальным и преобладающим оставался политический заказ на формирование общественного сознания в сторону подданства. Побудительными мотивами к формулированию и определению явлений патриотизма и национализма русскими мыслителями были разные чувства: гордость, недовольство, стыд, раздражение. При этом нередко идея патриотизма являлась инструментом власти. Авторы монографии смогли вывести специфику этих понятий из сферы эмоций на научную основу, показав истоки формирования российской национально-патриотической идеологии и общественного сознания.

Содержание книги представлено во Введении, 13-ти главах и Заключение. Авторами монографии стали солидные ученые. Во Введении ответственный редактор д.и.н. В.В.Журавлев ставит исследовательскую задачу «докопаться до сути тех ускользающих от требований формальной логики понятий и явлений», которые воплощены в заявленных понятиях [5, с.5]. Эта задача и решается авторским коллективом в прохождении через хитросплетения русской истории.

«Откуда есть пошла русская нация»

Первая глава, раскрывающая «Формирование основных типов национальной идеологии от М.В.Ломоносова до Н.Я.Данилевского», написанная доктором физико-математических наук из Санкт-Петербурга Н.П.Ильиным, содержит глубокий анализ проблем формирования активного российского общественного сознания.

Достаточно распространенным является мнение о том, что истоками обращения к понятию «нация» является деятельность Петра I (несмотря на известные обвинения последнего в прерывании генетического кода развития России) и М.В.Ломоносова. Речь о марксистской трактовке понятия «нация», связанной с началом формирования основ капитализма, когда максимальная целостность народа формировалась не только на территориальной, психотипической, языковой, но и экономической основе. Но тогда

ЧТО ЕСТЬ БЛАГО ОТЕЧЕСТВА?

следует вспомнить деятельность отца первого императора – А.М.Романова, во времена которого зарождалась экономическая общность России. Именно при нем были заложены первые основы петровских перемен.

Эпоха первых Романовых была временем усиления процесса самоидентификации России, осознания и понимания себя как исторического объекта в новых исторических условиях. Уже тогда в российском общественном сознании проявлялось причудливое переплетение патриотизма, национальной гордости и национализма.

В XVIII в. М.В.Ломоносов довел идею служения до восприятия Российского государства как высшей ценности. В это время в обиход постепенно вошло понятие «нация», которое представителями разных направлений национальной идеологии трактовалось по-разному. Одни считали нацию строителем великого государства, другие «признавали за нацией право на политическое действие», даже революционное. Поиски ответа на вопрос о соотношении патриотизма и национализма в российском общественном сознании и их влиянии на особенности российской истории – все это волновало многих русских мыслителей: Н.М.Карамзина, В.О.Ключевского, А.С.Шишкова и др. Анализ мировоззрения этих авторов, проведенный Н.П.Ильиным на основе их трудов, затрагивает немало сложных вопросов, которые были подняты в XIX веке. Среди них: проблема нашей «всемирной отзывчивости»; сопоставление народа и отдельной личности; проблема влияния иностранно-губернаторского воспитания и «формирование достойных сынов Отечества» и многие другие. Очевидно одно: идеи русской национальной идеологии стали предметом изучения многих русских мыслителей эпохи.

Патриотическая идея жертвенности

Россия второй половины XIX века развивалась в условиях обретения новых социально-экономических черт, начали формироваться новые политические направления и организации.

Контекст многих идейных воззрений включал проблемы нации, патриотизма и национализма. Патриотическая идея в русском народничестве и в среде российской революционной интеллигенции раскрыта в главах, написанных д.и.н. В.В.Зверевым и к.и.н. А.Ю.Кожевниковым. В описываемый период новая политическая среда в поисках ответа на вопрос об особенностях российского исторического пути отходит от «пламенного народолюбия 70-х годов» к превознесению деревни и признанию особого пути развития России, минуя «ненавистную фазу капитализма» [5, с.114–115]. В

этом утверждении В.В.Зверев видит основу национально-патриотического содержания русского народничества. Русский и европейский опыт основателя народнических идей А.И.Герцена содействовал отрицанию общности российского и европейского путей развития. Патриотические чувства Герцена и его последователей толкали их к поиску идеального общественного устройства Родины. И это рассматривалось как вариация мировой истории. Народники делали акцент на народные идеалы, реализация которых должна происходить с переодеванием из «немецкого платья в народную сермягу» [5, с.165]. Очевидно, что идеи мессианства у русских народников не было, они искали особый русский путь развития.

Меняющееся время требовало не общих рассуждений и теоретизации, а практического решения вопроса об адекватных переменах власти и общества. Понятие «патриот» для народников сопрягалось с самоотверженностью до самоотречения в деле преобразования народной жизни. При этом народники считали, что объективный характер развития общества выдвигает на первый план развития общества не национальные, а социальные проблемы. Именно патриоты, жертвуя собой, должны бороться за лучшую жизнь народа. Опять это понятие имеет значение жертвенности, но уже не во имя Отечества, а во имя народа. Он в конце XIX века начал превращаться из объекта в субъект исторического процесса, что повлияло на формирование новых идейных установок. К тому же следует поддерживать мысль о большой совести русской интеллигенции по отношению к своему народу. При этом важным в эволюционирующем понятии «патриотизм» остается мифологизация жертвенного подвига.

А.Ю.Кожевников подходит к анализу взглядов на патриотизм и национализм с точки зрения конкретных задач социальной борьбы, что абсолютно адекватно характеризует эпоху перемен. Он выделяет «патриотический» официоз, национальный патриотизм декабристов, народный патриотизм революционных мыслителей 20-х – 50-х годов XIX в. Известно, что русификаторские проекты в отношении других народов, населяющих Россию, разрабатывались практически всеми мыслителями того времени. При этом русские мыслители видели в русификации реализацию исторической миссии России по вовлечению других народов, населяющих страну, в светлое будущее.

**Патриотизм, национализм
и интернационализм –
диалектика взаимодействия**

Главы IV, V, VI, VII и VIII переносят читателя в начало XX века. Их авторы – к.и.н. П.Ю.Савельев, к.и.н. А.Ю.Кожевников, д.и.н. А.А.Иванов, д.и.н. А.В.Репников, к.и.н. Н.И.Канищева,

ЧТО ЕСТЬ БЛАГО ОТЕЧЕСТВА?

д.и.н. В.В.Шелохаев – последовательно анализируют процесс усложнения палитры политических взглядов различных слоев общества в условиях модернизационных перемен конца XIX – начала XX в. Это было время, когда в национальном российском вопросе и в стратегической цели пролетарской борьбы – мировой революции – утверждался принцип пролетарского интернационализма. Истоки его кроются в усилении капиталистических тенденций и росте роли рабочего класса в историческом процессе. Пришедшая от К.Маркса и Ф.Энгельса интернационалистская идея как одна из основ движения человечества к коммунизму нашла живой отклик в российской социал-демократии. Усиливала интерес к идее интернационализма и полиэтничность России. Идея интернационализма в России пережила разные трактовки: от сочетания интернационализма с патриотизмом в русском национальном сознании до подчинения национальных интересов интернациональным. Эти перемены отражают процесс поисков новой идейной парадигмы, но базирующейся на тех же идеях мессианства, которые были известны с начала XIX в.

П.Ю.Савельев справедливо считает, что интернационалистский подход позиционировал себя как более высокую ступень в решении одного из самых больших вопросов человечества – национальном. Сущность этого подхода состояла в новой подоплеке – классовой борьбе. На этом фоне понятия «патриотизм» и «национализм» имели подчиненное значение и как бы уходили в прошлое. Идеологи интернационализма связывали эти понятия с якобы уходящей буржуазной эпохой. Известно, что картина мира русской интеллигенции никогда не ограничивалась собственно русскими интересами. Но этот подход разделяли далеко не все национальные социал-демократические организации. Протестное отношение к интернационализму выражали лидеры Бунда, литовских, латышских, армянских, украинских социалистов. Они как представители малочисленных этносов не считали возможным растворяться в общероссийском социал-демократическом движении. Этот подход проявлялся и в стратегических, и в тактических вопросах строительства партии и будущего государства.

Уточнению и развитию понятия «пролетарского интернационализма», а также национальному вопросу в России особое внимание уделяли большевики. Логика самоопределения нации увязывалась ими с необходимостью участия народа в революционной борьбе, ведущей к мировой революции, которая должна была последовать после российской революции.

А.Ю.Кожевников считает, что принцип партийного «централизма» в построении РСДРП (б) как жестко централизованной организации российского пролетариата проецировался В.И.Лениным и на форму национально-территориальной организации будущего пролетарского государства.

Сочетание идеи будущего унитарного государства и идеи интернационализма, кажущееся на первый взгляд противоречивым, развивается автором главы на основе анализа взглядов идеологов пролетарского интернационализма. В соответствии с ними унитарная государственность, необходимая после победы революции, содействовала бы политической и экономической консолидации страны в условиях враждебного окружения. После победы мировой революции произойдет переход к безгосударственному общественному самоуправлению и ассимиляции в единую наднациональную общность. Вот ради этого итога и формировалась национальная политика большевиков. Эта концепция не была тайной. В декабре 1919 г. А.И.Микоян, работавший на Кавказе, писал В.И.Ленину: «Политика на Кавказе должна отличаться чрезвычайной осторожностью. Решительность должна сопрягаться с уступчивостью во второстепенном для нас сейчас (подчеркнуто автором письма. – Н.С.) вопросе национального и религиозного самоопределения» [1, д.37, л.40]. Понятия «интернационализм», «национализм малочисленных наций», «великорусский шовинизм», «национальная гордость», «великорусская нация», в меньшей степени употребляемое – «патриотизм» [4, с.108] одновременно входили в канву идейных установок большевиков и, постоянно переплетаясь, формировали достаточно убедительную для того сложного времени и конкретной партии концепцию национальной политики.

Автор убедительно ведет читателя по пути эволюции леворадикальных взглядов на проблему патриотизма в России начала XX века. Исходной точкой этого процесса было полное отрицание патриотической идеи, затем – через «патриотическое» обоснование классовой борьбы пролетариата – к необходимости формирования собственной патриотической идеи – советской, которая стала необходимой с приходом большевиков к власти.

Совершенно противоположная концепция патриотизма (в некоторых оценках – национализма) была рождена в конце XIX в. консерваторами. Сущность лозунга «Россия для русских», его авторство, многовариантность трактовки, содержание дискуссий по его поводу освещает А.А.Иванов. Появление такого призыва говорило о потребности в самоидентификации России на новом этапе, когда внутри государства начали осознавать себя многие народности, выдвигая национально-освободительные лозунги. Сложности внешней политики в условиях империализма также требовали концентрации внимания на интересах российского государства. Причудливое переплетение мнений по поводу лозунга распространялось от крайне правых трактовок – «Россия для русских, – все остальное да подчинится русским интересам» – до «Россия – конгломерат многих народностей, между которыми русская составляет...

равноправную с другими часть» [5, с.267, 277]. Совершенно очевидно, что вульгаризация лозунга имеет место и сегодня. В очередной раз убеждаемся в невозможности единого взгляда на проблемы патриотизма и национализма в России.

Национальные проблемы начала XX века не могли не волновать и монархистов. Консерватор Л.А.Тихомиров призывал не замыкать значение русской нации на узконациональных интересах, утверждая, что русская национальность есть *мировая* национальность со всеми вытекающими последствиями. Черносотенцы определяли в качестве базового понятия «православность», но не «русскость». Влияние модернизационных процессов не обошло и националистически мыслящих идеологов. В России появилось национал-демократическое направление общественной мысли. Эволюция русского национализма со времени Александра III до февральско-мартовских событий 1917 г. подтверждает неизбежность идейной реакции на меняющиеся мир и Россию.

Российский либерализм в исследуемом вопросе тоже не был однозначен. У части российских либералов понятие «нация» не связывалось с сознанием человека и общества. Они подчеркивали иррациональность этого явления. Другая их часть рассматривала это понятие как конкретно историческую данность. Об эволюции взглядов либералов на национальные проблемы России размышляют Н.И.Канищева и В.В.Шелохаев. Авторы ведут читателя от понятийного анализа проблемы к выработке на его основе тактики решения национального вопроса в России. Опираясь на значительное количество документов, они показывают, насколько серьезно либералы относились к анализу национальных проблем в России. Кадеты и октябристы рассматривали способы решения польского, финского, литовского, еврейского, армянского, украинского вопросов. Преобладающая точка зрения на роль русских в Империи состояла в идее необходимости культурно-ассимиляторской политики входящих в состав России других народов. При этом взгляды правых либералов перекликались с консервативными. Левый либерализм противопоставлял «идею национального русского государства идею российской государственности» [5, с.327]. Но все течения либерализма полностью не отказывались от идеи национализма, трактуя его сообразно идеологии течения и не допуская крайних форм его проявления.

К размышлениям об эволюции идеи «мировой революции» к государственному патриотизму, обратился А.Ю.Кожевников, чья глава открывает страницу нового этапа российской истории – советского. Автор рассматривает исследуемые понятия сквозь призму советской государственности. Ее концептуальная основа, которая выражается в необходимости центра-

лизованной организации силы для подавления свергнутых классов и для руководства огромной массой населения, базируется на работе В.И.Ленина «Государство и революция». Одним из важнейших факторов для решения поставленных задач было формирование собственной патриотической идеологии. Гражданская война актуализировала задачи патриотической пропаганды. Для ее активизации большевистское руководство стало реабилитировать не принимаемую им ранее идею патриотизма и наполнять новым содержанием лозунг «Защиты Отечества». Раннесоветская идеология причудливо сочетала идеи русского патриотизма, революционного оборончества, интернационализма и мировой пролетарской революции. Возрождение русского патриотизма началось с возрождения традиций русской армии, привлечения бывших офицеров царской армии. Жизнь подтверждала незыблемость национальных и государственных ценностей, которые нередко воспринимались политической элитой в качестве тактических, но не основных. Собственная патриотическая идеология формировалась большевиками сообразно задачам текущего политического момента. Она была продекларирована В.И.Лениным: «Мы защищаем не национальные интересы, мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства» [3, с.341–342]. На раннесоветском этапе патриотизм трактовался подчиненным интернациональным задачам. Обращение к патриотическим страницам российской истории большевики позволяли только в том случае, когда это не противоречило классовым канонам новой идеологии.

Задача послевоенного государственного строительства не могла быть реализована без решения национального вопроса. Большевики, как и вся политическая элита, были государственниками. К процессу возрождения патриотической идеи, роль которой была важна для объединения бывших национальных окраин России под лозунгом интернационального братства, большевики обратились с целью централизации страны через этап «размежевания» наций. В известных условиях специфической централизации отпадал принцип «самоопределения наций». Задача объединения была подкреплена формированием однопартийной системы, что содействовало скорейшему восстановлению единого унитарного многонационального государства.

Автор главы подводит читателя к очевидному выводу о том, что обращение большевиков к идеям русского патриотизма определялось политической конъюнктурой того времени. Из этой тактики вытекало, что титульная нация – русские – становилась заложником политической игры большевиков.

**Советский патриотизм –
фактор социальной
мобильности**

В использовании патриотической идеи во второй половине 1920-х годов произошел новый поворот. В это время очевидным стал провал курса на мировую революцию, и акцент патриотических задач был сделан на социалистическом строительстве в СССР. Именно это обстоятельство легло в основу идеи «политического единства советского общества», смысл которой был направлен на его мобилизацию. Концентрация на внутригосударственных задачах актуализировала обращение к национальному прошлому русского народа и к развитию национальной культуры народов СССР. Это был необходимый шаг для воспитания советского гражданского самосознания и патриотизма. В идеологическую политику начали вноситься новые акценты, снова возрождалась идея цивилизаторской и охранительной миссии России в отношении населяющих ее народов. Для оправдания еще недавнего отказа от исторического прошлого на вооружение была взята ленинская теория «двух культур» – буржуазной и демократической.

И.В.Сталину принадлежит идея перемены интернационалистской марксистской парадигмы в сторону усиления внимания к прогрессивным страницам отечественной истории, что содействовало бы превращению русского рабочего класса в передовой отряд мирового пролетариата. Вот так – через идею советского патриотизма к интернациональным задачам великорусского пролетариата – определяется исключительная роль русской нации в мировой истории. Идеология советского патриотизма становится в середине 1930-х годов основой воспитания общества и является базой для идеологической централизации советского общества.

Сталин отрицал необходимость наличия национального государства как признака в формулировке понятия нации. Он видел в качестве скрепляющей и руководящей силы новых социалистических наций «рабочий класс и его интернационалистическую партию». При этом вождь делал акцент на том, что новые социалистические нации, развиваясь на базе буржуазных наций, коренным образом будут отличаться от последних духовным и социально-политическим обликом [6, с.105, 110].

Единая трактовка социалистических наций не гарантировала равного их положения в многонациональном Советском Союзе. А.Ю.Кожевников показывает причудливое сочетание в политике партии акцентов на политико-культурном величии русского народа с узкоэтническим представлением его интересов среди других национальностей. При этом начались перемены в культурной политике страны: возврат к творчеству русских литературных классиков и к дореволюционной отечественной истории. В

сочетании с потребностями меняющегося общества такая политика активно содействовала формированию патриотических настроений, без которых невозможно было решать поставленные государством задачи.

**От патриотизма
к национально-патриотической
идее**

Развитию национально-патриотической идеи содействовала Великая Отечественная война. Эта проблема исследуется в главе «Русский советский патриотизм в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1953)», написанной А.Ю.Кожевниковым. Текст сориентирован на выделение национально-патриотической идеи в годы войны. Концептуальная база идеи опиралась на противостояние фашистской стратегии «разгромить русских как народ, разобщить их» [5, с.616]. Началом нового этапа национально-патриотической идеи, который показал преемственность героических традиций начавшейся войны с Отечественной войной 1812 года, стала речь В.М.Молотова. Предопределив исход войны с фашизмом, он объявил ее характер как Великой Отечественной войны. Такая постановка вопроса подвела пропагандистский аппарат к необходимости обращения к самым глубинным истокам русского патриотизма. Гибкость руководства страны проявилась во временном отказе от принципа классово-войны. А.Ю.Кожевников приводит немало фактов, подтверждающих курс «руссоцентристской политики» руководства, нередко с использованием великодержавной риторики самодержавной России. В этом русле формировалась и новая политика в области исторической науки. Шел поиск адекватной задачам времени исторической концепции – многонационального российского государства. По мере побед Советской армии возвращалась идеология интернационализма, служившая базой для организации освободительного похода в Европу. В реализации этих задач огромная роль принадлежала советской пропаганде, всегда считавшейся сильной стороной в деятельности партии. Практика подтверждает эффективность пропагандистской работы в патриотическом воспитании населения СССР. Хотя пропагандистская работа была направлена, в первую очередь, на победу в войне, она сыграла значимую роль в формировании единства советского народа. Именно во время войны понятие «советский народ» стало обиходным, оно констатировало утверждение новой общности. Это понятие напрямую было связано с патриотическими чувствами у значительной части общества, что могло стать залогом дальнейшего развития советской общности в сторону демократизации, но не случилось!

Возврат к русской нации

Русский национальный патриотизм как самостоятельное идейно-политическое явление в жизни советской интеллигенции начинает проявляться со второй половины 1950-х

годов. Так считает А.Ю.Кожевников – автор XII главы «Позднесоветский консерватизм и русский национальный патриотизм в 1960-х – середине 1980 гг.». Причинами тому были: антисталинский доклад Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС, антирелигиозная кампания начала 1960-х гг., недовольство социально-экономической политикой Н.С.Хрущева и выдвинутая руководством страны идея сближения и слияния наций. В это время активизируется русское патриотическое направление в литературе, публицистике, искусстве. При этом формируется некое дежавю при знакомстве с утверждением нашей публицистики о двух противоположных «духовных» началах – «нравственной самобытности» определенной нации и «американизма духа» как всемирного явления [5, с.674]. Того же порядка явлением стала борьба в литературе сторонников русского патриотического направления и новых «космополитов». Текст главы наводит на размышление о том, что Россия с ее цивилизационным многообразием всегда была сложнейшим мировым явлением, поэтому так долгод процесс ее самопознания и самоидентификации. Очевидной вырисовывается картина постоянной борьбы центробежных и центростремительных сил в таком мощном и многоликом государстве по всем направлениям его внутреннего развития. Является ли это платой за величину и многообразие? Или в этих процессах отражается несправедливое положение русского народа как государствообразующего, являющегося несущей опорой российской государственности, но не являющегося до 1996 г. (появление «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации») полноправным объектом государственной национальной политики [2, с.3]. А посему реализация всех направлений национальной политики происходила нередко спонтанно, рефлекторно как политической элитой, так и обществом. Возможно, ответ лежит в плоскости следующей проблемы. Формируясь в России как институт общества, государство всегда тяготилось зависимостью от него и стремилось к полному контролю и доминированию над обществом (См.: [7, с.43]). Новые, усложняющиеся исторические вызовы середины XX века содействовали ломке этих норм, но традиционные властные методы продолжали удерживать страну от этих тенденций.

Венчает монографию XIII глава под названием «Национальный вопрос и межнациональные противоречия в годы перестройки. Крах "советского патриотизма" (1985–1991)». Ее автор – д.и.н. Л.Н.Доброхотов –

утверждает, что проблему межнациональных отношений в СССР к началу 1980-х гг. многие считали решенной в основном и главном. Как показала практика, за этим утверждением стояла недооценка реального положения в сфере межнациональных отношений. Ослабление центральной власти стало проверкой решенности данной проблемы. Основательна аргументация процесса, в ходе которого большинство национальных регионов, воспользовавшись ситуацией, стали предъявлять центру свои требования, переводя ситуацию в русло межнациональных противоречий. Национальные проблемы всегда упирались в социально-экономические. А эта часть внутренней политики, несмотря на множество попыток ее реформирования, оставалась напрямую зависимой от статичной политической системы, поэтому результаты реформ были незначительными или кратковременными.

Обострение идеологической борьбы влияло на усиление межнациональных противоречий в унитарном государстве, где «национальное» всегда было сложной и тонкой «материей» и на уровне рефлексов всегда реагировало на процессы, происходящие во власти и государстве. Национальный фактор всегда был той болевой точкой, посредством которой провоцировалась и направлялась антироссийская и антисоветская борьба.

Межнациональные столкновения конца 1980-х – начала 1990-х гг. стали доказательством не только слабой социально-экономической политики, но и фатальности влияния нерешенных проблем в сфере межнациональных отношений. Реальные события подвели национальную элиту, в первую очередь, к новым решениям вопроса о языке, пересмотру многих страниц советской истории, выяснению статуса русской нации, пересмотру фундаментальных принципов национально-государственного устройства страны, развитию антисоветского и сепаратистского содержания национальных движений, поиску ответа на вопрос о степени радикальности и конечных целях реформирования общества.

Слабый центр всегда являлся провокационной составляющей для шантажа со стороны субъектов.

В очередной раз история доказала наличие перекоса в национальной политике в отношении русских, что привело к ослаблению русской нации и, как следствие, к ослаблению центра. Национальный вопрос становился частью вопроса о власти, инструментом борьбы за нее. Эта политическая борьба велась уже по вопросу сохранения или роспуска СССР. При этом она все больше приобретала оттенок антирусской борьбы. В ходе ее начали поднимать голову автономии РСФСР. В это время патриотическая идея трактовалась разными политическими силами по-своему. Странники сохранения Союза считали, что патриотизм – это борьба за сохранение

ЧТО ЕСТЬ БЛАГО ОТЕЧЕСТВА?

государственности и державообразующей сущности. Радикальные реформаторы трактовали это понятие как борьбу за самосохранение самостоятельной России. Так причудливо переплетались идеи патриотизма с усиливающимся национальным сознанием и желанием самоопределения наций бывшего СССР. Сложная ситуация в стране снова спровоцировала обращение разных уровней общественного сознания к идеям патриотизма и национализма. По-видимому, наше общество к этому времени так и не сформировало некую универсальную, надэтническую, надидеологическую концепцию этих важнейших в жизни любого народа понятий. Поэтому при новых сложностях они снова проявляются, становясь потребностью нации и власти, и снова требуют своего разрешения. Достаточно сложным оказался для нашей страны процесс возврата от интернационалистского сознания общества к потребности осознания своей национальной идентичности.

Заключение, написанное В.В.Журавлевым, подводит эмоциональный и научный итог исследования, как бы «выравнивая» и успокаивая те «страсти», которые сопровождают читателя в процессе чтения монографии. Здесь звучит напоминание о том, что исторический процесс развития России в определенной степени повторяем. Это обстоятельство формирует необходимость приближенного и обобщенного, «надвременного» истолкования искомых понятий. Вместе с тем редактор формулирует, на первый взгляд, казалось бы, простой и естественный вывод о сущности патриотизма, краткость и емкость которого заслуживают особой оценки. Патриотизм, проявляясь как в прославлении Отечества, так и в поиске слабых и уязвимых сторон российского типа развития для уроков будущим поколениям, должен инициировать и укреплять наше стремление «идти вперед, а не двигаться вспять или же топтаться на одном и том же месте» [5, с.780]. По-видимому, такой подход и определяет благо Отечества.

Текст книги лишен факта навязывания каких-либо клише в отношении единой трактовки исследуемых понятий. Он полон логических построений, размышлений, показа разных подходов в поиске истины. Весьма ярко раскрыта роль отличительных признаков российского общественного сознания в восприятии и проявлении таких явлений, как патриотизм и национализм. Россия – это огромный, сложный, самостоятельный мир, это цивилизация полиэтнического и пограничного типа. При, казалось бы, нерасторжимости связей между частями этой пограничной цивилизации, нового социокультурного качества не возникает, сохраняются идентичности как русская, так и многочисленных этносов. Эта реальность является базой для постоянной апелляции к исследуемым в монографии понятиям и со стороны государствообразующей нации, и со стороны многочисленных

народов, населяющих страну. Если учитывать роль внешнеполитического фактора и эволюцию государственности, то трактовок и оттенков у понятий «национализм» и «патриотизм», которые являются мобилизующими, а также отражают отношение общества к происходящему, должно быть немало. При этом патриотизм досоветский, советский и постсоветский не лишен общего для них смысла – идеи крепкой государственности. Но что есть крепкая государственность сегодня? В реальной практике ответ противоречив и пока не совмещает органично гуманное и справедливое общество с сильной властью. Может быть, поэтому еще не найдено универсальное определение явлению русского и российского патриотизма. Но время предъявляет новый вызов в вопросах формирования общественного сознания. Нужна универсальная система ценностей для нашего народа, т.е. национальная идея. Перечень ее составляющих велик, цель ее заключается в возможности функционирования современного цивилизованного единого сильного государства с учетом интересов всех населяющих его этносов.

В последнее время СМИ часто поднимают вопрос о случаях проявления национализма среди русского населения. Его усиление в политике власти и чувствах людей связано со многими факторами. Когда отсутствует единый духовный фундамент, конфессионально-цивилизационные основы представляют собою слабосвязанные и качественно различные части, рождается идея национализма в этих разных частях. Это не только своеобразная защита от вмешательства извне, но и механизм сохранения существующих ценностей. При обсуждении этой проблемы достаточно часто происходит подмена понятий «национализм» и «ксенофобия», не всегда вычленяются грани, разделяющие их. Но защитников национальных интересов с явно агрессивных позиций становится все больше.

Причины притягательности национализма всегда пытались понять многие. Европейским мыслителям свойственно трактовать национализм как нейтральную или даже позитивную субстанцию. Что есть русский национализм? Без характеристики оценок, близких к универсальной, можно предложить следующую формулировку. Русский национализм есть одна из форм осмысления и попытка решения основного противоречия русской истории – конфликта между имперским государством и русским народом. Оттенки решения этого противоречия могут уходить далеко как вправо, так и влево. Но сегодня разные слои российского общества консолидируются на базе цивилизованного национализма, без крайностей, агрессии, но с прицелом на расцвет и на развитие как русской, так и других наций.

Задачу неоднозначного ответа на вопрос о русском национализме решают авторы монографии, раскрывая его различные оттенки, увязывая его

ЧТО ЕСТЬ БЛАГО ОТЕЧЕСТВА?

проявления с конкретно-историческими условиями, в частности, с усилением национализма в России рубежа XX – XXI веков.

Яркое проявление в политике государства и сознании общества понятий «патриотизм» и «национализм» всегда связано со сложными периодами в истории и подтверждает незавершенность процесса самопознания и самоидентификации государства и общества. Почему это происходит? Причин тому немало. Они могут исходить из давнего и глубокого социокультурного раскола общества; евразийской сущности Российского государства; растущего процесса глобализации; незавершенного процесса самоидентификации и еще из многих причин. Книга будет, несомненно, интересна и познавательна для тех, кто задается этими вопросами. Материал монографии дает почву для размышления об особенностях восприятия происходящего современниками. Это новая страница в истории России, которая задает направление для дальнейших исследований истоков сущности и эволюции российского патриотизма, осознания Россией себя и своей роли в мире, преодоления этносоциального раскола общества и формирования единой государственной идентичности.

Уровень теоретической разработки сформулированной проблемы высок и является необходимым в качестве инструмента для формирования национальной идеи. Исследование проблемы должно быть продолжено, потому что невозможно в рамках одной монографии, даже столь глубокой и многоплановой, исчерпать заявленную проблему. Тем более, что российское общество находится в состоянии поиска адекватной парадигмы современного национального сознания, национальной идеи. Без опоры на историю процесса невозможно разрешить искомую задачу.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.65.
2. Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. 2-е изд., испр. Кунгур: Кунгурский печатный двор ПГФ, 2007. 390 с.
3. Ленин В.И. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1981. Т.36. С.327–345.
4. Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1980. Т.26. С.106–110.
5. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец ХУШ в. – 1991 г.). Коллективная монография / Отв. ред. В.В.Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.
6. Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм // Сталин И.В. О национальном вопросе: сборник статей. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. С.105–120.
7. Шнайдер В.Г. Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. 416 с.

Память наша и коварна –
когда всего нужней,
тогда-то изменяет,
– и неразумна –
является, когда не нужна;
в том, что огорчает,
удержу не знает,
а там, где могла бы порадовать,
не старается.

Бальтасар Грасиан-и-Моралес

**Истории надлежит не судить,
а объяснять.
История не судья,
а адвокат.**

Бенедетто Кроче

Евгения Лупанова

**ПО СЛЕДАМ
ОТШУМЕВШИХ
ЮБИЛЕЕВ**

**РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ О М.В.ЛОМОНОСОВЕ.
1865–2011¹**

УДК
316.42

Имя М.В.Ломоносова занимает значимое место в символическом пространстве, играет важную роль в формировании национальной идентичности и самосознания. Отчасти его образ формировался под влиянием печатных изданий и официальной идеологии. Не всегда идеи, пропагандировавшиеся властью и средствами массовой информации, попадали на благоприятную почву. Историческая память избирательна и вариативна. Данная статья является первым опытом обзора изменения образа М.В.Ломоносова в материалах прессы.

The name of M.V.Lomonosov holds a significant place in Russian symbolic space, plays an important role in forming national identity and self-consciousness. His image was partially formed under the influence of mass-media and official ideology. Not always the ideas promoted by the power and press fell on the fertilized soil. Historical memory is selective and variable. This article is the first attempt to show the transformation of M.V.Lomonosov's image on the materials of press.

Ключевые слова: историческая память; пресса; М.В.Ломоносов; патриотическое воспитание; взаимодействие власти, науки и средств массовой информации.

Key words: historical memory; press; M.V.Lomonosov; patriotic education; sensations; collaboration between power, science and mass media.

E-mail:

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президиума РАН, постановление №176 от 23.12.2014.

Для русского человека М.В.Ломоносов является настоящим национальным героем. На его примере в нашей стране воспитывалось не одно поколение. Его имя в полной мере соотносится с понятием «место памяти».

Согласно определению французского исследователя П.Нора место памяти – это символический элемент наследия национальной памяти. Символы не появляются сами по себе. Как правило, их формирует инициативная группа. Для того чтобы символ стал значимым, необходима благодатная почва, актуальность данного символа для общества, выполнение определенных ритуалов для того, чтобы этот символ сохранял свою значимость для общества. Места памяти существуют в тесной связи с общественным сознанием [84].

Историческая память претендует на истинность и непогрешимость, при этом она часто является односторонней, порождает штампы, оценки, этические модели и мифы. Она тяжело поддается изменению даже при резкой смене общественных отношений, хотя «революционные» изменения часто сопровождаются корректировкой трактовок исторических событий, а иногда – попытками «переписать прошлое» [71, с.359].

Избирательность и безапелляционность исторической памяти порой дают повод для разговора о «ложном историческом сознании» [68, с.147]. По словам А.И.Солженицына, «мы помним не быль, не историю, а только штампованный пунктир, который и хотели в нашей памяти пробить непрерывным долблением» [73, с.75]. Этот «пунктир» во многом определяет национальное сознание. Несмотря на ненаучный характер таких представлений, нужно помнить, что они являются чрезвычайно значимыми, определяют отношение масс к прошлому и настоящему, к прогрессу, власти, социальным проблемам и многому другому [20, с.16–17].

В постсоветском пространстве утрачена вера в православие как основу нравственности и народного единения. Ушли в прошлое и советские идеалы строительства «светлого будущего». На смену им пришли представления потребительского общества, в котором вопросы об идеалах, местах памяти, нравственных и интеллектуальных ориентирах должны приобрести чрезвычайную актуальность, так как длительное существование единой нации, лишенной такой символической опоры, невозможно.

М.В.Ломоносов занимает совершенно особое место в символическом пространстве «мест памяти». Если среднестатистического жителя России попросить назвать имена выдающихся ученых, М.В.Ломоносов будет упомянут одним из первых.

Одним из ритуалов, связанных с «местами памяти», являются юбилеи. История организации праздничных мероприятий и других практик воспоминаний имеет свою историографию [6; 9; 28, 72], однако до сих пор не предпринималось попыток проследить изменения, происходившие в практике воспоминаний о первом русском академике. Предлагаемая вниманию читателей статья является начальным опытом решения этой проблемы. В основе статьи материалы архива Музея М.В.Ломоносова МАЭ РАН. В течение многих лет сотрудники собирали посвященные академику статьи из периодической печати. Сейчас вырезки хранятся в десяти больших папках и представляют собой уникальный материал для изучения исторической памяти.

Становление и развитие места памяти М.В.Ломоносов в простонародной

среде стал легендой при жизни. Уже во второй половине XVIII в. можно говорить о том, что его личность стала местом памяти, и эта память

живет и развивается в течение последующих десятилетий. А.В. Никитенко писал: «Не на школьной скамье я услышал первый раз имя Ломоносова, не в книгах его прочитал; я услышал его впервые в устах бродячих слепцов, которые в детстве моем еще странствовали по южной России и пели его духовные гимны перед толпою благоговейных слушателей» [50, с.30; 14]. Однако все вместе взятые упоминания великого имени едва ли сравнятся по количеству и качеству с теми материалами, которые появились весной 1865 г. и во время последующих торжеств. Достаточно показательно, что первый ломоносовский юбилей, отмечавшийся как крупное событие в жизни страны, был связан со столетием со дня смерти, хотя всего четырьмя годами ранее можно было отметить 150-летие со дня рождения. Это не произошло по той простой причине, что дата рождения была забыта. Ее было несложно найти, но сведения эти не были актуальны. Мероприятия 1865 г. дали мощный импульс становлению ломоносоведения как особого направления историографии, популяризации знаний о великом ученом, становления особого «места памяти» в общественном сознании, и уже в 1911 г. ситуация, в которой день рождения М.В.Ломоносова мог бы остаться забытым, стала практически немислима.

К 1911 г. была приурочена первая попытка создания музейной экспозиции, связанной с деятельностью великого ученого: в Академии

художеств состоялась выставка «М.В.Ломоносов и елизаветинское время». Были изданы статьи, организованы торжества.

Но для страны, где образование не стало обязательным и общедоступным, сложно было влиять на формирование мест памяти посредством печатного слова и юбилейных мероприятий вне крупных городов. Для масс имя великого ученого отчасти было забытым, и ритуалы памяти исполнялись преимущественно представителями образованного общества. Для советской пропаганды личность М.В.Ломоносова оказалась чрезвычайно удобной. Даже в годы, когда изучение истории считалось достаточным ограничить историей ВКП (б), его имя было одним из немногих исключений, а жизнь – разрешенным и поощряемым сюжетом для обсуждения в прессе. Годы советской власти стали временем создания своего рода «культы Ломоносова». Порочность появившихся тогда идеализированных представлений была осознана к концу 1970-х гг. После смерти В.Л.Ченакала, руководившего музеем М.В.Ломоносова с 1949 по 1977 г., в идеологический отдел ЦК КПСС был вызван отставной военный Э.П.Карпеев, перед которым была поставлена задача сформировать достоверный деидеологизированный образ великого ученого: «В результате всех преувеличений и мифологизации образа Ломоносова научная и техническая интеллигенция стала относиться к Ломоносову только как к инструменту партийного воздействия на сознание широких масс. А это <...> пагубно сказывалось на доверии интеллигенции к партийной пропаганде» [23, с.31].

Непонятное равнодушие

Село Ломоносово — родина великого русского ученого — несравнимо выросло, изменилось за годы советской власти.

Здесь появились семилетняя школа, школа художественной резьбы по кости, сельская библиотека, медицинский пункт, мемориальный музей. Работают маслодельный и сыроваренный заводы. Артель художников-косторезов, продолжая славные традиции народного искусства, выпускает ажурные изделия из моржовой и мамонтовой кости.

Однако, здесь часто забывают о том, кто прославил на весь мир этот край, забывают о гордости русского народа — М. В. Ломоносове. Имеющаяся здесь семилетняя школа не проводит ломоносовских вечеров, не имеет ломоносовского уголка. В классах не найдешь портрета Ломоносова.

Не занимается популяризацией жизни и деятельности Ломоносова и местный музей.

— Каждый год из самых различных уголков Советского Союза, — говорит за-

ведующая Холмогорским районным отделом народного образования тов. Панкратова, — поступают запросы от организаторов различных экскурсий и пионерских туристских походов. Интерес народа к жизни и деятельности Ломоносова очень велик, но музей фактически находится под замком.

Музей не пополняется новыми материалами. Вся его экспозиция — это несколько десятков старых фотографий и две-три картины. В нем нет ни одного советского издания сочинений Ломоносова, «Ломоносовских сборников» Академии наук СССР и других солидных трудов о Ломоносове, вышедших за последние годы.

Архангельские областные организации должны активно заняться пропагандой творчества своего великого земляка.

Академия наук СССР могла бы, мне кажется, взять хотя бы временное шефство над этим забытым ломоносовским уголком.

А. МОРОЗОВ

В дальнейшем попытаемся проследить, каким образом вместе с обществом трансформировался образ великого ученого, как менялась историческая память о нем. Так как тема является обширной, многоаспектной и при подробном изучении может быть раскрыта в серьезной монографии, для организации материала в рамках статьи выбрано несколько ключевых вопросов, с которыми связаны ритуалы воспоминания:

- вклад ученого в русскую литературу и гуманитарные науки;
- вклад в развитие точных наук;
- патриотический мотив;
- «паломничество»;
- «сенсационное направление».

**Вклад М.В.Ломоносова
в развитие литературы**

Для многих современников М.В.Ломоносов был известен и понятен как поэт, автор торжественных од, участник организации пышных придворных торжеств. Таким его вспоминали и после смерти. Образ М.В.Ломоносова как поэта и литератора можно считать наиболее устойчивым в структуре изучаемого места памяти. Он сформировался при жизни ученого и прошел через многие десятилетия. Неизменно во время юбилейных торжеств звучали стихотворные строки, написанные великим ученым; слова о его вкладе в развитие русской литературы и становление русской филологии [50, с.34]. Относительно более поздним сюжетом в этой традиции является рассмотрение ряда стихотворных произведений в качестве набросков естественнонаучных трудов и научно-полемических сочинений. В советской печати лекции на русском языке, разработка русской научной терминологии, написание «Риторики» преподносились в рамках патриотического мотива.

**Вклад М.В.Ломоносова
в развитие точных наук**

Роль великого ученого в развитии физики и химии была оценена по достоинству лишь спустя столетие после его смерти. 1860–1890-е гг. были отмечены промышленным переворотом и активной индустриализацией страны. Появлялись новые предприятия, формировался и развивался рынок наемной рабочей силы, машины вытесняли ручной труд и кустарное производство. В условиях

явно ощущавшегося «наступления машин» людей восхищала сила науки; ее видимые достижения поражали воображение обывателей. В то же время и сама наука достигла того уровня развития, когда открытия, сделанные гениальным ученым, могли быть, наконец, поняты и оценены по достоинству. Как известно, целый ряд изобретений и научных выводов М.В.Ломоносова опередили свое время, остались не понятыми современниками и забытыми с течением времени. Юбилейные торжества 1865 г. дали мощный импульс исследованию творческого наследия ученого; поиску, публикации, изучению архивных документов; появлению научных и популярных работ в печати. Важно, что все это происходило на фоне индустриализации и развития технических наук, благодаря чему существовала благодатная почва для того, чтобы понять и донести до широких кругов, что М.В.Ломоносов был не только великим поэтом и литератором, но и не менее выдающимся физиком, химиком, минералогом [46; 57; 58].

33 4

1959

В П Е Р Е Д

„Рассуждение о большей точности морского пути“

Новое о труде М. В. Ломоносова

В Круглом зале бывшей Петровской кунсткамеры, где некогда проходили собрания Петербургской академии наук, научная общественность отметила 194-ю годовщину со дня смерти великого русского ученого М. В. Ломоносова. Заседание было организовано Ленинградским отделением Института истории естествознания и техники Академии наук СССР и Ленинградской группой Советского национального объединения естествознания и техники.

После сообщения профессора П. Н. Беркова «Проблемы научного издания литературных произведений М. В. Ломоносова» выступил известный полярный исследователь профессор Я. Я. Гаккель. Он посвятил свой доклад незаслуженно забытому труду М. В. Ломоносова «Рассуждение о большей точности морского пути».

В мае нынешнего года исполняется 200 лет со дня выхода в свет этого труда, подлинное научное значение которого раскрыто только в советские годы. Великий русский ученый, известный своей разносторонностью, показал себя выдающимся знатком и теоретиком и в области морского дела. Ломоносов в своей работе впервые ставит на подлинно научную основу вопросы кораблевождения, в частности мореходную астрономию и навигацию. В труде, не утратившем значения до нашего времени, широко освещаются также проблемы метеорологии, океанографии, земного магнетизма, явления прилива, методологические вопросы научных наблюдений и обобщений. Ломоносов первым выдвинул идею создания специальной синоптической службы и проведения метеорологических и океанографических наблюдений с участием многих стран, заинтересованных в развитии мореходства. Как известно, это осуществлено только в наши дни, в период проведения Международного геофизического года.

На основе теоретических выводов Ломоносов создал конструкции ряда оригинальных мореходных инструментов, в частности хронометра, механического лага, курсографа, дрейфографа.

Докладчик, подробно проанализировав труд «Рассуждение о большей точности морского пути», подчеркнул, что этой работой М. В. Ломоносов опередил науку своего времени на целое столетие. Как установил профессор Я. Я. Гаккель, этот труд великого ученого, изданный на латинском языке в Петербурге, был переведен им самим, а не специальным переводчиком, как это считалось до настоящего времени. Ломоносову принадлежат также опубликованные в этом издании дополнения, развивающие отдельные положения науки кораблевождения.

Дальнейшее развитие страны по пути индустриализации в советское время способствовало развитию этого направления ломоносоведения. Важно, что в широкой прессе появлялись юбилейные статьи, написанные не только журналистами, но и ведущими учеными [18; 25; 36; 44; 45; 78; 79]. Постоянное взаимодействие научно-исследовательских учреждений и средств массовой информации безусловно можно считать важным достижением советского времени. Другой традицией стал сюжет «советская власть открыла возможности для реализации гениальных замыслов М.В.Ломоносова» [11; 89].

Новым явлением в советских публикациях стал мотив непонятости русского гения современниками, трагичной судьбы его изобретений, что особенно проявилось в дни празднования 150-летия со дня рождения ученого [27; 51; 61].

В воспоминаниях XXI в. об ученом заметна противоположная тенденция – оценка открытий М.В.Ломоносова как популяризации идей, известных европейским ученым того времени, либо как неудачных творческих опытов [22, с.144; 51]. Апогеем такого взгляда стала книга американского историка С.Юситало под красноречивым названием «Изобретение Ломоносова: русский национальный миф» [93].

Патриотический мотив

Патриотический мотив является неперменным атрибутом всех ломоносовских торжеств, начиная с 1865 г. В России 1860–70-х гг. шел активный процесс поиска исторических символов, посредством которых народ представал бы как основной субъект развития страны. Фигура М.В.Ломоносова оказалась удобной для формирования такой символики [30].

Практика воспоминания об ученом трансформировалась вместе с изменениями понятий, связывавшихся с любовью к родине. В имперской России патриотизм был тесно связанным с образом царя и православной веры. Важной частью ломоносовских торжеств 1865 и 1911 гг. были поминальные молебны; в праздничных мероприятиях непременно участвовали представители духовенства. В публикациях было принято подчеркивать роль покровительства Елизаветы Петровны в становлении ученого и создании благоприятных условий для его работы в Академии.

В советской печати неотъемлемой составляющей патриотизма было «участие в классовой борьбе и революционном движении». Поэтому при разговоре о патриотизме, наряду с борьбой против иностранцев в Акаде-

мии наук, созданием Университета, непременно упоминались неприятие праздности и различные конфликты [49]. Особенно ярко это проявляется в публикациях сталинского времени. В передовице *Правды*, посвященной 225-летию ученого, говорится не столько о самом М.В.Ломоносове, сколько о событиях XX в. Круглая дата стала поводом напомнить об увольнении министром народного просвещения Л.А.Кассо группы московских профессоров в 1911 г., о долгой и упорной революционной борьбе трудящихся против царизма, доступности образования в СССР, успехах советской науки, гонениях на ученых в Германии и других капиталистических странах [11].

В связи с работами по физике и химии было принято говорить о материалистических взглядах ученого, неприятии им церковного мировоззрения [19; 88].

Труды по механизации тяжелых работ также преподносились как проявление патриотических чувств, заботы о нуждах трудового народа. М.В.Ломоносов предстал перед читателями прессы как активный борец против религиозных предрассудков и церкви. Неизменно подчеркивалась преемственность научных традиций с ломоносовских времен до наших дней [26; 57; 12; 13; 19; 21; 34; 59; 87; 88].

В годы холодной войны корреспондент писал о великом ученом как о борце за мир и равенство. В тексте статьи служение науке и борьба за мир тесно взаимосвязаны между собой: «Он был великим гуманистом, противником рабства, колониализма и войн, ведущихся с целью захвата чужих территорий и покорения чужих народов. Сознывая, какие бедствия и страдания приносят войны трудящимся массам, он мечтал о том, что наступит время, когда не будет войн, не будет раздоров между народами и люди будут наслаждаться продуктами своего мирного труда» [32]².

Сейчас в средствах массовой информации едва ли можно прочитать такое об авторе «Оды на взятие Хотина». Возвратилась традиция воспоминания о М.В.Ломоносове как о праведном христианине, искренне и глубоко веровавшем человеке. Вновь стали говорить и о важности поддержки со стороны правительства. На второй план ушла борьба против «немецкого засилья». В современных публикациях это не принято подчеркивать так, как в советской печати.

Другие составляющие патриотического аспекта исторической памяти следует признать очень устойчивой традицией. Не подлежит сомнению и изменение вместе с общественными настроениями оценки деятельности

---

² Тот же мотив звучит в статье 1986 г. [91].

М.В.Ломоносова во имя славы и процветания родной страны, просвещения общества.

Патриотический мотив

В статье, посвященной юбилею 1865 г., П.Н.Берков писал о смещении акцентов в памяти о М.В.Ломоносове в обстановке общественного подъема в России периода Великих реформ. Он

выделил два противоборствовавших направления: с одной стороны – «радикальных разночинцев» и представителей демократической общественности, пытавшихся использовать имя великого ученого как основу национального единения и гордости; с другой стороны – дату праздновали «реакционеры». Они устраивали торжественные собрания с речами и обедами, «настойчиво поддерживали неправильное представление о великом человеке», «легенду о Ломоносове – охранителе, слуге монархии, искренне верующем человеке». Историческую справедливость, по мнению П.Н.Беркова, восстановит советская историография, честно назвав «истинных виновников несчастий, преследовавших Ломоносова при жизни, – царскую бюрократию, высшее дворянство и духовенство» [6, с.244–245]. Е.С.Кулябко рассматривала следующий ломоносовский юбилей также в контексте нараставшей общественной борьбы [28].

В советской печати, несмотря на пресловутую цензуру, воспоминания о М.В.Ломоносове подчас не менее успешно, чем в царское время, использовались для полемики и обсуждения острых проблем современности [15]. Например, в заметке 1949 г. читаем о плачевном состоянии недавно открытого музея, неудовлетворительном уровне просветительской работы при наличии интереса к личности ученого в обществе [1].

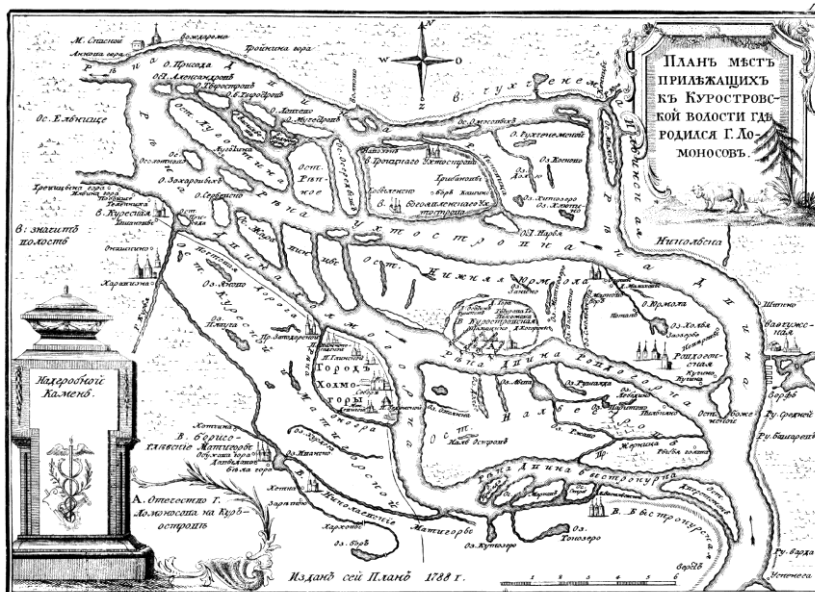
В юбилейных публикациях 2011 г. несложно выделить два направления, соотносящихся, как в 1865 и 1911 гг., с двумя общественными течениями. В одних статьях освещается официальная сторона празднования, рассказывается об официальных мероприятиях, общественных акциях, приуроченных к юбилею событиях. Из них мы узнаем о запуске спутника «Ломоносов», открытии нового фельдшерско-акушерского центра в селе Ломоносова, капитальном ремонте школы, реставрационных работах в церквях, запуске водовода и водоочистительной станции, строительстве библиотеки и косторезного училища, высадке саженцев сосны в форме гигантской надписи «Ломоносову – 300», выделении на эти и многие другие благие дела средств из федерального и местных бюджетов, участия государственных служащих в мероприятиях [3; 74; 4; 80; 62].

Авторы других статей представляют ситуацию в менее радужном свете. Не связанные рамками цензурного контроля, они позволяют себе намного более откровенные высказывания, чем обтекаемая формулировка «несомненное недоразумение» П.А.Бибикова или брошенные в 1865 г. фразы о том, что суть академических публикаций о юбиляре сводится к «самовосхвалению [господ] академиков» и имеют «практическую цель – получить побольше жалованья» [6, с.240]. Современные авторы гораздо более откровенны и многословны. Вот характерное заключение одной из публикаций 2011 г.: «Ломоносовские идеи сбережения российского народа сегодня означают, в том числе, необходимость самых широких и решительных мер по сохранению наших сельских территорий, без которых невозможно ни сохранение русского народа, ни возрождение страны <...> Автор данной статьи ежегодно выезжает на родину своих предков на юг Архангельской области в Коношский район. И что я вижу: край за последние двадцать лет превращается в пустыню. На полях деревни Николаевки вместо ржи – завезенный из-за моря борщевик, коровку на лугу днем с огнем трудно заметить. Коровники пустые, с крыш растащили шифер, каменные здания разрушены, в клубе 20 лет не показывают кино, некогда прекрасная библиотека в клубе была ликвидирована <...> В деревне много опустевших изб <...> Несмотря на <...> высокие президентские и правительственные указы, празднование 300-летия Ломоносова, вероятно, пройдет гораздо скромнее, чем четверть века назад, когда проходило 275-летие со дня его рождения. И тому много есть причин. И, конечно же, все упирается в реальное отношение власти к русскому государствообразующему народу» [64].

**Образ родных мест
М.В.Ломоносова в печати**

«Паломнические» поездки к месту рождения М.В.Ломоносова начались вскоре после смерти ученого. В 1768–1772 гг. состоялась экспедиция И.И.Лепехина «для испытания естественных вещей в обширном отечестве нашем». Маршрут охватывал земли от Санкт-Петербурга до Екатеринбурга; с Урала экспедиция отправилась на Белое море. Посетив родные места своего учителя, путешественник составил «План мест, принадлежащих к Куростровской волости, где родился г. Ломоносов»; к материалам экспедиции были приобщены записанные со слов местных жителей свидетельства о юности академика – земского старосты И.Гурьева, выписки из материалов ревизий 1722 и

1744 г., озаглавленные «О роде Ломоносова», письмо С.Кочнева. Получение последнего датировано июлем 1788 г. [31, с.298–303].

Приобщение к материалам экспедиции письма, полученного через 16 лет после возвращения И.И.Лепехина в Петербург, – любопытный факт. Не вызывает сомнения, что путешественник относился к учителю с большим пиететом, будучи на Севере был рад увидеть родные места М.В.Ломоносова, счел своим долгом написать об этом событии и снять план. Но запрос информации от местных жителей был произведен позже.

В 1783 г. начала работу Академия Российская. Идея Екатерины II и Е.Р.Дашковой заключалась в создании центра изучения русского языка и словесности. С этого момента образ М.В.Ломоносова актуализировался как символ национальной филологической традиции. Опубликованная в том же году книга И.И.Фельдгера представляла первую попытку иконографии ученого – создания идеала для подражания, ориентира в деле воспитания [83]. В следующем году была предпринята попытка опубликовать полное собрание сочинений М.В.Ломоносова. Вышло в свет 6 частей, труды ученого предваряла биография, написанная М.И.Веревкиным. Она была выдержана в духе модной тогда сентиментальной традиции и по сути продолжала создание идеального образа. В 1791 г. путешественник и писатель П.И.Челищев побывал на Курострове, записал воспоминания помо-

ра Варфоломеева и соседей о юности М.В.Ломоносова на его малой родине и поставил первый деревянный памятник ученому. Следующими шагами в этом направлении стало цитирование од Екатериной II, заказ Ф.И.Шубину бюста для Камероновой галереи и установка скульптурного портрета в одном ряду с античными героями. В ряду фактов, свидетельствующих о повышении внимания к памяти М.В.Ломоносова, следует рассматривать и запрос сведений из Архангельской области, записей, приобретенных к публикации материалов экспедиции 1768–1772 гг.

Последующие обращения к образу М.В.Ломоносова дополняли и оттачивали сформированный в последней трети XVIII в. образ, не внося в него принципиальных изменений.

Каждый из упомянутых ломоносовских юбилеев сопровождался поездками на родину ученого и рассказами об этом в печати [47; 16; 31; 38; 42, 86]. Наряду с описанием местных видов природы, домов, в таких заметках часто присутствует прямая речь односельчан или потомков великого ученого. В советское время сохранившуюся народную память начинают преувеличивать. По свидетельству одного из корреспондентов, старожил села Ломоносова рассказывал: «В народе Ломоносову всегда был почет. В день его рождения устраивали праздник, слушали рассказы стариков и знающих людей о жизни и заслугах Ломоносова» [63]. Более того, оказалось, что подобные мероприятия проводились по инициативе «снизу» с дореволюционных времен и в других, даже очень далеких от Архангельска местах [81].

Продолжением этой традиции стал организованный в дни празднования 300-летнего юбилея проект «Ломоносовский обоз, дорога в будущее». Школьники 9–10-х классов со всей России и нескольких стран ближнего зарубежья в течение двух недель проделали путь М.В.Ломоносова из его родной деревни в Москву. Они слушали лекции, посещали экскурсии и мастер-классы, работали над собственными проектами. Так проделанный когда-то одиноким искателем знаний трудный путь по зимней дороге, побег от обеспеченной жизни в отчем доме в голодную и неустроенную неизвестность превратился в познавательно-развлекательную молодежную акцию с комфортабельными автобусами, музыкой, цветами и громкими речами.

Несмотря на такой «перевернутый» характер путешествия, следует признать позитивное влияние проведенного опыта. «Ломоносовский обоз» был широко разрекламирован, стал значимым ритуалом поддержания исторической памяти, способствовал привлечению внимания молодежи к личности великого ученого, популяризации его наследия.

**Традиционный взгляд
vs «новое слово
в ломоносоведении»**

В дни юбилейных торжеств особенно ярко проявляется желание открыть нечто новое, доселе неизвестное о великом ученом. В XIX – первой половине XX в. это было сделать

относительно несложно. С течением времени ломоносоведение накопило обширный материал, охватило различные стороны деятельности русского академика; выявление нового с каждым десятилетием становилось все более сложной проблемой.

В середине XX в. в печати помещали статьи о

- малоизвестных широкому читателю изобретениях и достижениях великого ученого [65; 53; 8; 41; 66; 54; 75; 70; 5; 67; 82; 39];
- ярких страницах биографии [43; 44; 47];
- научных событиях; популярно рассказывали о поисках ученых [60; 55; 10; 76; 37].

«Вечной» является тема актуальности ломоносовских идей для современной науки и общества [17; 87].

С точки зрения изучения исторической памяти интересным феноменом является представление о великом ученом как о сыне бедного рыбака. Посетители современного музея М.В.Ломоносова в здании петербургской Кунсткамеры часто удивляются, когда узнают, что будущий академик родился в семье зажиточного, образованного и уважаемого человека. Устойчивый стереотип едва ли можно объяснить исключительно влиянием советской пропаганды. Даже в 1936 г., во время расцвета «сталинского исторического мифотворчества», в газетах можно было прочитать, что «холмогорские крестьяне <...> вовсе не были убогими и забытыми людьми. Потребность в практических знаниях остро ощущалась в среде поморского зажиточного крестьянства» [90]. Здесь проявляется избирательность памяти. По причинам психологического свойства образ бедного рыбака симпатичнее, ближе и понятнее людям, а потому более устойчив по сравнению с исторической истиной, которая никогда не скрывалась и не замалчивалась.

Сейчас контакт между журналистами и учеными не такой тесный, как в советское время. В современных средствах массовой информации значительно реже встречаются статьи, написанные исследователями (как в советской прессе, заметки И.С.Мелехова, А.А.Морозова, Б.И.Рака и др.). Обе стороны в равной степени причастны к разрушению этого контакта. Ученые считают, что такое общение отвлекает от работы; опасаются, что их слова будут превратно истолкованы, «нарезка» фрагментов из их лекций будет выглядеть совершенно нелепо и скажется на репутации. Действи-

тельно, ряд опытов показывает, что журналисты могут превратить лекцию о телескопах новейшей конструкции в передачу о существовании зеленых человечков. Добросовестные представители средств массовой информации вынуждены страдать от таких коллег и стучаться в двери, которые оказываются закрытыми. Проблема новизны стала решаться за счет перемещения акцентов на те эпизоды биографии, которые ранее оставались в тени. Например, в одной из статей освещается роль украинского духовенства в распространении образования в начале XVIII в. и становлении будущего ученого [77].

Одним из ярких эпизодов последних лет, связанных с погоней за сенсациями в биографии великого ученого, является легенда о порфиородном происхождении первого русского академика. По свидетельству фольклориста, Петр I являлся намного более популярным героем фольклора, чем М.В.Ломоносов. Видимо, на уровне различных песен, анекдотов и преданий, передаваемых из уст в уста, зародился миф о том, как молодую Е.И.Сивкову, мать Ломоносова, возили к царю, чтобы на свет появилась защитник старой веры [23, с.30–31]. При том, что этот чисто фольклорный сюжет не выдерживает никакой критики с исторической точки зрения, о чем не раз писали и говорили в средствах массовой информации [40], удивительна его живучесть, регулярное воспроизводство и та серьезность, с которой обращаются в музей М.В.Ломоносова любители русской истории, спрашивающие, разделяют ли научные сотрудники сии «данные новейших исследований». Легенда очутилась в печати усилиями экономиста, директора ассоциации «Севрыба» В.Ф.Корельского. Авторитет этого человека как признанного специалиста в своей области способствовал восприятию идеи как «выполненной добросовестно, на высоком уровне» [43] работы. Эта легенда является удобным материалом для любимых журналистами «сенсаций» – неважно о чем, неважно, насколько достоверно; важно, что интересно, ново, удивительно, ломает стереотипы и потому будет ходовым товаром для неискушенной публики.

Одним из примеров тому также является статья в одной из самых читаемых газет страны *Аргументы и факты*. Анонс на первой странице сразу после названия издания призван заинтриговать читателя: «Ломоносову – 300! Законный академик – незаконный сын... Петра I?». Заголовок самой статьи не менее красноречив: «Что о дураке жалеть! 300 лет русскому гению М.В. Ломоносову». Несмотря на попытку автора оправдаться словами «у нас вовсе нет задачи очернить его. Напротив, мы могли бы привести огромный перечень его бесспорных достижений в науках, инженерной практике, искусстве и философии», а также подсчет открытий и три

абзаца, посвященные достижениям гения, большую часть статьи занимает различная «чернуха»: тяжелый характер, пьянство, тюремное заключение, миф о порфиородном рождении, объяснение поддержки правительства не успехами в учебе, а знанием о «тайне рождения» [24].

Такие достижения демократии и свободы слова отнюдь не так безобидны, как кажется на первый взгляд. Они разрушают сложившийся образ М.В.Ломоносова как волевого, жаждавшего знаний человека, добившегося больших успехов своим талантом и трудолюбием, и подменяют его другим образом – человека, чья судьба была predetermined с рождения, кому покровительствовали высокопоставленные особы. В этом отношении трансформация исторической памяти льет воду на мельницу формирования общества безвольных потребителей, являясь частью процесса, описываемого в статье Д.Шаргана [89].

Статья имела определенный резонанс среди профессионалов. Так, профессор Липецкого государственного педагогического университета В.В.Фомин писал в *Аргументы и факты* о невозможности согласиться с мнением С.Кашницкого. Однако его материал был признан редакцией неинтересным, и отклик пришлось опубликовать в гораздо менее популярной *Липецкой газете*. В недавнем номере газеты *Аргументы и факты*. *Петербург* помещена статья хотя и под по-прежнему пасквильным заголовком, но с существенно более грамотным и уважительным содержанием по отношению к великому ученому [7].

В заключение нужно сказать, что поддержание адекватных ритуалов, связанных с памятью о М.В.Ломоносове, чрезвычайно важно для современного общества. Социокультура, система ценностей – это то, что делает человека личностью. Современный опыт показал, что потребительское общество – симптом глубокого кризиса цивилизации, отчуждения личности [2, с.12]. Как пишет А.Н.Леонтьев, «личность не может развиваться в рамках потребления, ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ» [29, с.25]. М.В.Ломоносов был выдающимся человеком, на примере которого можно воспитывать патриотизм, целеустремленность, презрение к тяготам и лишениям, принципиальность и, что самое важное, приоритет творческого, созидательного начала.

Библиографический список

1. Архив музея М.В. Ломоносова МАЭ РАН. Д. б/н. Вырезки из газет. Л.7–7 об. (Морозов А. Непонятное равнодушие. 03.08.1949).

ПО СЛЕДАМ ОТШУМЕВШИХ ЮБИЛЕЕВ

---

2. Антипов А.Г. «Архаичное» российское общество и проблемы его модернизации // Социально-гуманитарные знания. 2010. №6. С.3–13.
3. Ашиток Л. Будьте здоровы. В селе Ломоносово возвели первый ФАП по модульной технологии // Архангельск. 06.10.2011.
4. Ашиток Л. Ломоносовым перекармливать нельзя. В этом уверен губернатор Илья Михальчук, побывавший накануне празднования юбилея в Холмогорском районе // Архангельск. 17.11.2011.
5. Бак И.С. Ломоносов и экономическая наука // Советский студент. 15.11.1961.
6. Берков П.Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. (страница из истории общественной борьбы шестидесятых годов) // Ломоносов. Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Вып.2. С.216–247.
7. Богданова Н. Гений, сектант и дебошир? Мифы и правда о Михаиле Ломоносове // Аргументы и факты – Санкт-Петербург. 05.08.2016.
8. Бочаров Ф. Вертолет – изобретение гениального русского ученого М.В.Ломоносова (к 200-летию создания первого в мире вертолета) // Слава Севастополя. 11.07.1954.
9. Буторина Т.С. Хроника Ломоносовских юбилеев // Российской землей рожденный. Архангельск: АГТУ, 2003. С.12–32.
10. Ганшин В., Викторова А. Начертано рукой Ломоносова // Волховские огни. 06.09.1975.
11. Гениальный сын великого русского народа // Правда. 18.11.1936.
12. Гордеев Д. Великий русский ученый (к 250-летию со дня рождения М.В.Ломоносова) // Северо-Западный водник. 19.11.1961.
13. Гордеев Д. Великий сын народа (к 250-летию со дня рождения М.В.Ломоносова) // Смена. 19.11.1961.
14. Грушкин А. Ломоносов и русская литература // Труд. 15.04.1940.
15. Жегис В. Не все ладно в Холмогорах // Советский Мурман. 28.09.1967.
16. Зальвская Н. На родине великого ученого // Правда Севера. 30.08.1961.
17. Заславский Д. Первый наш университет // Правда. 18.11.1936.
18. Зелинский Н.Д. Гений русской науки // Правда. 18.11.1936.
19. Исмаилов Г. Великий мыслитель-материалист // Советская Башкирия. 21.11.1961.
20. Каменский А.Б. Архивное дело в России XVIII века: историко-культурный аспект (постановка проблемы, историография, источники). М.: РГГУ, 1991. 70 с.
21. Карабеков Д. Гигант научной мысли (к 250-летию со дня рождения М.В.Ломоносова) // Дагестанская правда. 19.11.1961.
22. Карпеев Э.П. Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь. СПб.: 2009. 480 с.
23. Карпеев Э.П. Русская культура и Ломоносов. СПб.: Наука, 2005. 139 с.
24. Кашницкий С. Что о дураке жалеть! 300 лет русскому гению М.В.Ломоносову // Аргументы и факты (Москва). 16–22.11.2011.
25. Кольман Э.Я. Теоретик и практик // Правда. 18.11.1936.
26. Комаров В. Традиции русской науки // Известия. 15.04.1940.
27. «Красуйся, ликуй, возвышайся!» // Ленинградская правда. 19.11.1961.
28. Кулябко Е.С. Ломоносовский юбилей, 1911 г. // Литературное творчество М.В.Ломоносова: исследования и материалы. М.; Л.: АН СССР, 1962. С.300–312.
29. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 303 с.
30. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. М.: Книга, 2011. 448 с.
31. Лепехин И.И. Путешествия академика Ивана Лепехина. Ч.IV. В 1772 году. СПб.: АН, 1805.

Ресурсы нации

---

32. Линевский А. На родине великого помора. Путевые заметки // Ленинская правда. Петрозаводск. 01.09.1961.
33. Литинецкий И. Гигант русской науки // Львовская правда. 18.11.1961.
34. Литохин Г.А. Ломоносов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1981. 237 с.
35. Лобанова Т. Верный сын своего отечества // Правда Востока. 19.11.1961.
36. Логунов А.А. «Обнял все отрасли просвещения». К 275-летию со дня рождения М.В.Ломоносова. Уроки гения // Правда. 17.11.1986.
37. Лукин А. Книга о Ломоносове-географе // Правда Севера. 28.07.1978.
38. Люков В. Гордость потомков // Сельская жизнь. Москва. 22.11.1961.
39. Мелехов И.С. М.В.Ломоносов и лесная наука // Правда Севера. 25.11.1961.
40. Мелешко В.И. Михайло, сын... Петра Великого? Кому нужны сплетни, слухи и домыслы о русском гении // Учительская газета. 25.10.2011.
41. «Металлы и минералы сами на двор не придут» С.М.Киров об одном гениальном предвидении М.В.Ломоносова // Комсомольская правда. 18.11.1936.
42. Минкевич В. На родине великого помора. К 250-летию со дня рождения М.В.Ломоносова // Вечерний Ростов. 15.11.1961.
43. Михайло Ломоносов – сын Петра I // Советский Мурман. 16, 20, 21.11.1991.
44. Морозов А.А. Рассказ об одном дне из жизни Ломоносова // Правда Севера. 04.12.1961.
45. Морозов А.А. Юность великого помора // Моряк Севера. 23.05.1950.
46. Мысли М.В.Ломоносова о происхождении ледяных гор в Северных морях // Кронштадтский вестник. 02.04.1865. №38. С.149–150.
47. На родине Ломоносова // Лесник Севера. 18.11.1951.
48. Не на того напали // Калининградский комсомолец. 06.09.1959.
49. Неверов Н. Талант, загубленный царизмом // Красный Север. 03.07.1959.
50. Никитенко А.В. Значение Ломоносова в отношении к изящной русской словесности. СПб.: Печатня Головина, 1865.
51. Никитин Е. Ученый, мыслитель, философ // Коммунист. 19.11.1961.
52. Никонов А. Вы уверены, что Ломоносов – ученый, Циолковский – не фашист, а Черепановы и Ползунов – не плагиаторы? Мифы советской и российской науки. URL: <http://lussien.livejournal.com/117702.html> (дата обращения: 25.10.2016).
53. Новая страница деятельности великого ученого. М.В.Ломоносов – организатор производства огнеупоров // Вечерний Ленинград. 08.08.1955.
54. Новое о работах Ломоносова в области электричества // Вечерний Ленинград. 29.03.1951.
55. Оборотова В. Судьба библиотеки Ломоносова // Гатчинская правда. 13.12.1975.
56. Памяти Ломоносова. 6 апреля 1865 года. Харьков: Университетская тип. 1865. 87 с.
57. Партолин М. Выдающийся философ-материалист // Красное знамя. 19.11.1961.
58. Перевощиков Д.М. Труды Ломоносова по физике и физической географии // Радуга. 1865. №4. С.176–201.
59. Петров Л. Борьба М.В.Ломоносова против идеализма и религии // Восточно-Сибирская правда. 18.08.1956.
60. Пиккиев И. «Портфель Ломоносова» // Правда Севера. 21.11.1961.
61. Плаксин А.А. Гигант русской мысли // Балтийский луч. 15.04.1965.
62. Полянский А. Ученый свет. К 300-летию знаменитого земляка в Холмогорском районе построены новые социальные объекты // Российская газета. 23.11.2011.
63. Попель Д. Холмогоры – Ломоносово // Известия Советов трудящихся СССР. 15.04.1940.
64. Порохин С.А. Юбилей Ломоносова и современность // Русский вестник. 12.11.2011.

ПО СЛЕДАМ ОТШУМЕВШИХ ЮБИЛЕЕВ

---

65. Потапов С. Мысли об ораторском искусстве // Белгородская правда. 19.11.1961.
66. Рак Б.И. Астрономия и мореходство в работах М.В.Ломоносова // Техника. 18.11.1936.
67. «Рассуждение о большей точности морского пути». Новое о труде М.В.Ломоносова // Вперед. 03.05.1959.
68. Рейман М. Перестройка и изучение советской истории // Вопросы истории. 1989. №12. С.145–158.
69. Родва Б. Маршрутами ученого // Правда. 17.11.1986.
70. Ряшенцев К. Автор «Российской грамматики». К 250-летию со дня рождения М.В.Ломоносова // Советская Осетия. 14.11.1961.
71. Сванидзе А.А. Несколько слов об исторической памяти в связи с автобиографией историка // Средние века. М., 2002. Вып.63. С.359–361.
72. Свердлов М.Б. Академический анекдот как особый вид исторической памяти // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2016. №1 (9). С.237–246.
73. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: опыт художественного исследования. М.: Вагриус, 2008. 592 с.
74. Сосны увидят из космоса // Архангельск. 13.10.2011.
75. Стоянов Ф. Первый в мире вертолет. К 200-летию изобретения // Вечерний Ленинград. 12.07.1954.
76. Стрежнев И. Поиски привели в Хельсинки // Правда Севера. 13.04.1976.
77. Таирова-Яковлева Т.Г. «Врата учености»: к вопросу о начальном этапе образования М.В.Ломоносова // Вестник СПбГУ. Сер.2. История. Вып.2. 2012. Июнь. С.36–39.
78. Тимирязев А.К. Физические теории великого ученого // Правда. 18.11.1936.
79. Торопов Н.А. У истоков русской науки // Ленинградская правда. 19.11.1961.
80. 300 самых умных // Архангельск. 17.11.2011.
81. Турдыева Л. Пятьдесят лет назад... // Правда Востока. 19.11.1961.
82. Удод В. Он создал первый вертолет. Замечательное изобретение М.В.Ломоносова // Вечерний Ленинград. 20.11.1961.
83. Фельбигер И.И. О должностях человека и гражданина. СПб.: тип. Брейткопфа, 1783.
84. Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 325 с.
85. Фомин В.В. Почему так ненавидят Михаила Ломоносова? // Липецкая газета. 20 ноября 2012 г.
86. Ханталин Р. В краю, где он родился // Ленинградская правда. 19.11.1961.
87. Чудинов И. Слово о великом земляке // Правда. 17.11.1986.
88. Чудинов И. Традиции Ломоносова в отечественной науке. IX Ломоносовские чтения // Правда Севера. 04.08.1977.
89. Шарган Д. «Маугли» США и СССР: каких детей воспитывает идеология через мультики. URL: <http://whatisgood.ru/tv/cartoons/maugli-ssha-i-sssr-kakix-detej-vozpityvaet-ideologiya-cherez-multiki/> (дата обращения: 30.06.2016).
90. Шторм Г. Михайло Ломоносов // Правда Востока. 19.11.1936.
91. Энциклопедист, патриот, новатор. Торжественное заседание, посвященное 275-летию со дня рождения М.В.Ломоносова // Правда. 20.11.1986.
92. Usitalo S.A. The Invention of Mikhail Lomonosov: A Russian National Myth. Boston: Academic Studies Press, 2013. 298 p.

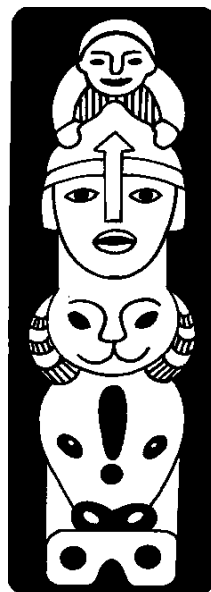
Смешивать королевское правление с правлением доброго короля это значит вводить самого себя в заблуждение. Дабы увидеть, что представляет это правление само по себе, нужно рассмотреть, каково оно при государях недалеких или злых; ибо они либо такими, взойдут на трон, либо же трон сделает их такими.

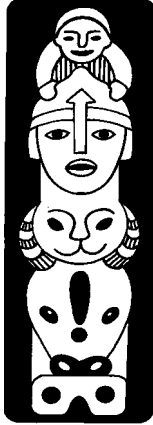
Жан-Жак Руссо

Только Бог способен
уберечь человека от тирании
самого человека.

Этьен Анри Жильсон

Андрей Ранчин

**«ПОВЕСТЬ О ДРАКУЛЕ»
И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ДОБРОДЕТЕЛЬНОМ
И «ЗЛОМ» ГОСУДАРЕ
В ДРЕВНЕРУССКОЙ
КНИЖНОСТИ¹**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК 82.091

В статье рассматривается один из интереснейших памятников литературы и общественной мысли Древней Руси XV в. – «Повесть о Дракуле». Обычно исследователи интерпретируют это произведение как апологию сильной власти и как оправдание репрессий в интересах государства и общественного благополучия. Оценку главного героя, валахского (румьнского) господаря Дракулы, принято считать неоднозначной: Дракула соединяет в себе черты деспота и садистскую жестокость с храбростью, справедливостью и государственной мудростью. В статье доказывается, что оценка главного героя произведения исключительно негативная, а его методы управления представлены не только как греховные, но и как вредоносные. В идейном плане «Повесть о Дракуле» вписывается в древнерусскую традицию и не имеет ничего общего с социально-политическими представлениями таких апологетов «грозной» власти, как публицист Иван Пересветов и царь Иван IV. Оригинальность «Повести» заключается не в авторской позиции, а в средствах ее выражения: автор побуждает читателей самих понять, почему Дракула – деспот, служащий дьяволу.

The author considers "Story of Dracula", one of the most interesting monuments of old Russian literature and social thought of the 15th century. Usually researchers interpret this piece of work as an apology of the strong power and justification of repressions undertaken in the interest of state and the common good. It is assumed that appraisal of the "Story" protagonist, the prince of Walachian (Rumanian) state, hospodar Dracula is ambiguous. Dracula connects traits of a despot and sadistic cruelty with valiance, justice, and statesmanship. As the author argues, the appraisal of the protagonist is totally negative and his methods of rule are presented as not just sinful but as maleficent. Ideologically "Story of Dracula" fits in the old Russian tradition and has nothing common with social-political notions of such representatives of the formidable and cruel power as Ivan Peresvetov and czar Ivan the Fourth. The Story's originality consists not in its author's position but in means of its expression: the Story's author prompts his readers to make an effort and understand why Dracula was a despot who served to the devil.

Ключевые слова: «Повесть о Дракуле»; «Сказание о Магмете Салтане» Ивана Пересветова; Иван Грозный; древнерусская литература и политическая мысль XV–XVI вв.; представления о добродетельном и «злом» государе; справедливость и милосердие.

Key words: "Story of Dracula", "Legend of Magmet-Sultan" by Ivan Peresvetov; Ivan the Terrible; old Russian literature and political thought of the 15th and 16th centuries; ideas of virtuous and "evil" prince; justice and mercy.

E-mail: aranchin@mail.ru

¹ Окончание. Начало: Россия XXI. 2017. №2.

Если взвесить «злые» и «справедливые» (и в этом смысле благие) деяния Дракулы, то выясняется, что злодейства, безусловно, перевешивают: посрамление турок и искоренение преступности соотносятся с остальными поступками валашского князя как 2 к 12². Причем среди бесчеловечных деяний преобладают злодейства чистые, беспримесные: они представлены во фрагментах третьем, четвертом, восьмом, девятом, десятом и тринадцатом; измена православию (двенадцатый фрагмент), не являющаяся сама по себе злодейством, тоже может быть поставлена в этот же ряд как тягчайший грех. Однако и казни прелюбодеек, и решение умертвить ленивую жену (фрагменты шестой и седьмой), хотя и содержат в себе некую моральную мотивировку, по причине своей чрезмерности, экстраординарности мало чем отличаются от остальных злодейств и прочих греховных деяний Дракулы. Таким образом, в девяти из пятнадцати фрагментов «Повести», в которых описывается жизнь Дракулы, он предстает подлинным извергом. В трех отрывках – восьмом, девятом и тринадцатом – наиболее отчетливо проявляются извращенные наклонности Дракулы. В эпизоде, описывающем расправу с венгерским приставом, валашский князь предстает горделивцем, по существу чуждым принципу справедливости.

Допускает ли автор «Повести», что все грехи и преступления Дракулы искупаются весьма своеобразной борьбой со злом? Думаю, нет. С религиозной точки зрения важны не результаты деяний, а их мотивы; Дракула же стремится прежде всего навязать собственную волю и дать выход ненастойной жестокости, а не обеспечить благо своих подданных.

Он жесток и горделив. Между тем гордыня, по церковному учению, – тягчайший грех. В Ветхом Завете царю вменяется в обязанность, чтобы он «научался бояться Господа Бога своего и <...> чтобы не надмевалось сердце его» (Втор. 17: 18–20). Писание содержит целый ряд примеров горделивости: это цари, ожесточившие свои сердца, вознесшиеся, чуждые смирения, – фараон (Исх. 7: 3–4; 10: 20), Сигон, царь Есевонский (Втор. 2: 30), Навуходоносор (Дан. 5: 20).

Кроме того, Дракула совершенно чужд милосердию. (Собственно, гордыня как раз и исключает милосердие.) Согласно Житию Василия Нового – одному из наиболее известных и влиятельных памятников, посвященных загробной участи душ, – грех немилосердия и жестокосердия испытывается после смерти человека на последнем, особенно тяжком мытарстве – двадцать первым: «Егда кто заповеди Божие исправить въсе, а будеть

² Не учитываю фрагмент, посвященный пленению Дракулы, и отрывок о судьбе Валахии после его смерти, а также эпизод с возвращением денег купцу, хотя в последнем Дракула и предстает не только в роли справедливого правителя, но и в греховной роли искусителя.

немилостивъ и неблагосръд и, придеть душа zde, и абые имуть ю сего митарьства истезателие, сринуть ю долу биуще не милостивъно, и в мрачных аду затвореть ю до общаго воскресения. Богу не милующу ее за прочю добродѣтель ее, нь паче ненавиждешу, зане убогу хлѣба не подасть и нищему, ни болещаго посѣти, ни помилова же немощнаго и лишенаго»³ [9, с.187].

Конечно, в христианской церковной традиции деяния правителя оценивались особенной мерой.

На Руси были хорошо памятли речения апостола Павла. Они, например, цитируются, в повести об убиении Андрея Боголюбского, включенной в Ипатьевскую летопись: «Пишетъ апостоль Павелъ: "Всяка душа влаstemъ повинуется" (Тит. 2:1. – *A.P.*), власти бо от Бога учинены суть; естествомъ бо царь земнымъ подобенъ есть всякому чловѣку, властью же сана вышши, яко Богъ. Рече великий Златоустецъ: "Иже кто противится власти, противится закону Божью. Князь же не туне носить мечъ, Божии ибо слуга есть"» [3, с.216] (в действительности это цитата из Рим. 13: 4).

Татья и разбой подлежали строгому наказанию, преступления против государства были в Средние века одновременно и преступлениями против богоустановленной власти. Как давно известно (см.: [6, с.31; 24, р.141–179; 11, с.208–210]), автор повести об убиении Андрея Боголюбского излагает эту мысль, пересказывая так называемый «Царский свиток» – византийский политический трактат, написанный диаконом Агапитом и обращенный к императору Юстиниану. Агапит в своем сочинении считает обязанностью правителя справедливость, исполнение закона; закон же понимается не только как юридические постановления, но и как религиозные заповеди (см.: [7, с.54–55]).

Один из первых древнерусских сборников – Изборник 1076 года, входящий к типу так называемого Княжьего сборника, рукописной книги, адресованной князю⁴, – в «Слове некоего отца к сыну своему, словах душеполезных», наставлял: «Чядо, алчнааго накърми, якоже ти самъ Господь повелѣлъ, жаднааго напои, странна въведи, больна присѣти, къ тъмници доиди, виждь бѣду ихъ и въздѣхни»; «Сътвори си въ чловѣцѣхъ кроткыи, да небесьнии житель будеши»; Бог «просить бо милостина, желаетъ кротости, любить миръ. Тѣмъже ты, чадо, Оного волю сътвори въ малѣ, и Онъ твою волю въ вѣкы: даруй малое – и възьми вѣчное, даждь едино – възьми сторицею; присвоися Бозѣ, да врагомъ си видимымъ

³ При цитировании упрощена орфография и модернизирована пунктуация.

⁴ Составитель, писец Иоанн, сообщает, что все им переписанное «избърано из мьногъ книгъ княжихъ» [2, с.478]. Оригинал Княжьего сборника был, видимо, составлен для болгарских правителей в X веке [13, с.34–37].

вьсьмь и невидимымъ страшнъ будеши»; «Милостынею же купиться царьствие Божие, милостыни же не въ велицѣмъ и мнозѣмъ и малѣмъ даянии лежить, нъ по силѣ даюштааго и всѣмъ сьрдьцьмъ»; «аште бо насытилъ ся еси пиштею – накърми альчьнааго, напилъ ли ся еси – напои жядьнааго (жаждущего. – *А.Р.*), и сьгрѣль ли ся еси – сьгрѣй трясуштаагося зимою, въ храмѣ ли краснѣ и висоцѣ възлежиши – въведи скытаюштаагося по улицамъ въ домъ свои. Възвеселилъ ли ся еси на тряпезѣ – обесели и ськрбьштааго, обрадовали ся о чемъ – обрадуй и сѣтуюштааго, почьстиша ли тя яко богата – почьсти и ты убогыя, весело ли ступаеши по степенемъ, отъ князя исходя, – сѣтвори да в дому твоємъ ськрбьште не ходять» [2, с.410, 412, 414]. Другой памятник в составе этого же сборника, слово «О милостивом Созомене <...>» (из 69-й главы славянского перевода Первой редакции Жития Нифонта Констанцского), рассказывал о благотворителе, которому сторицею воздалось за милостыню (см.: [2, с.476–478]). О милосердии как об обязательном качестве добродетельного правителя писал в своем «Поучении» князь Владимир Мономах: «Первое, Бога дѣля и душа своя, страх имѣйте Божий в сердци своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру». Утверждая эту мысль, князь цитировал Псалтирь: «Кротци же наслѣдятъ землю, наслаждаться на множествѣ мира» (Пс. 19: 21) и добавлял: «Яко отецъ, чадо свое любя, бья, и паки привлачить е к собѣ, тако же и Господь нашъ показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдiti его: покаянемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствия не лишитися» [1, с.456, 460].

В «Послании Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу», памятнике XIII века⁵, пользовавшемся авторитетом и включенном в некоторые списки Кормчей книги, о милосердии говорилось так: «<...> Павелъ велить присно вооруженымъ быти: милостивии помиловани будутъ, милость бо на судѣ при всѣмъ лишше хвалима есть и смерти избавляеть. "Сѣяи щадя, щадя и пожнетъ", рече Павелъ. "Все вашею любовью да бываетъ" (цитаты из 2 Кор. 9: 6 и 1 Кор. 16: 14. – *А.Р.*)» [4, с.390]. Иаков считает, что «должно строго держаться установленного закона, но само содержание закона должно быть продиктовано милосердием, чувством любви и снисходительности» [7, с.89–90]. В другом учительном памятнике XIII века, «Наставлении тверского епископа Семена», описывался диалог между

⁵ Это произведение раньше датировалось и иначе, например, XI веком; в этом случае оно атрибутировалось книжнику XI века Иакову, а его адресатом считался киевский правитель Дмитрий-Изяслав Ярославич. Сейчас датировка памятника XIII веком является общепризнанной (см.: [20, с.191; 18, с.192–193]).

епископом и князем Полоцким Константином. Епископ Семен (Симеон) противопоставляет князя, который «добр, богобоин, жалуеть людей, правду любить», князю, который «без Божия страха, христьян не жалуеть, сирот не милуеть, и вдовицами не печалуеть» [4, с.394]. Справедливость, осуществляемая князем, для тверского епископа неразрывно связана с добротой – они отнюдь не противопоставлены, в то время как Дракула, расспрашивающий двух чернецов, эти два понятия противопоставляет.

«Слово ко всему миру», атрибутируемое киевскому митрополиту Кириллу II (XIII в.), призывает князей: «Тако глаголет Господь: пребудете в страсе божи и в суде правом и в братолюбии, нищих не обидите <...>» (цит. по: [7, с.107]). Исполнение справедливости здесь также неразрывно связано с любовью и милосердием. И в речи Ивана III к наследнику престола внуку Дмитрию сказано: «Люби правду и милость и судъ праведень» [16, с.242]. Несмотря на крутой нрав, Иван III иногда смягчал по «печалованию» митрополита свои решения о наказании виновных: так, в 1488 г. он по прошению митрополита отменил решение отрезать язык сыну боярскому Мунту Татищеву, обвиненному в распространении слухов, порочащих государя; по прощению духовенства он сохранил жизнь князю Ивану Патрикееву и его двум сыновьям, обвиненным в государственной измене (см.: [19, с.333, 338]). Не отказывался, по крайней мере на словах, от идеи милости наравне с принципом справедливости и Иван Грозный, в первом послании к князю Андрею Курбскому напоминавший: «Всегда убо царем подобает обозрительным быти: овогда кротчайшим, овогда же ярым; ко благимъ убо милость и кротость, ко злым же ярость и мучение. Аще ли же сего не имея, то несть царь, царь бо несть боязнь делом благим, но злым. Хочещи ли бо не бояться власти? Благое твори; аще ли злое твориши, бойся, не туне бо мечь носит, в месть убо злодеем, в похвалу же добродеем». Говоря о наказании Алексея Адашева и его «советников», венценосный публицист напоминает о своей милости, замечая: «<...> Сыскав изменны собаки Олексея Адашова со всеми его советники, милостивно гнев свои учинили, смертныя казни не положили, но по розным местом розоспали». Князя Семена Ростовского, обвиненного в передаче сведений о царе и его семье литовским послам, Иван Грозный отправил в заточение, сохранив ему жизнь, что отметил как проявление милосердия: казнь была учинена «еще милостиво» [17, с.20, 41, 40]⁶. Это ни в коей мере не мешало, впро-

⁶ Несмотря на то что в царствование Ивана IV было совершено немало казней по обвинению в государственных преступлениях (причем часто это обвинение было безосновательным), известно также немало случаев прощения или относительно мягкого наказания царем провинившихся бояр (см.: [19, с.384–385]).

чем, в том же послании утверждать идею своеобразного царского произвола, о чем ниже.

Традиционно милосердие, очевидно, противопоставлялось справедливости: милосердие – отступление от закона во имя любви к виновному ближнему. Такие представления о природе государева милосердия выразил попавший в опалу князь Андрей Шуйский в своей челобитной новгородскому архиепископу Макарию, прося о печаловании, заступничестве перед великим князем – малолетним Иваном IV и его матерью великой княгиней Еленой: «<...> печалуйся, чтобы государи милость показали, велѣли на поруку взяти». При этом опальный боярин основывался на библейских заповедях: «Ондрѣй Шуйской <...> сердечными слезами плачеть и молить вашего святителство милости. <...> Сам, государь, божественаго Писанія разумъ языкъ имашь, аще достойного спасти, аще праведного помилovati, ничтоже чюдно, грѣшнаго спасти то есть чюдно: ибо врач тогда чюдимъ есть, еда неврачюемый недугъ исцѣлить, но и царь тогда чюдимъ и хвалень есть, еда недостойнымъ даруетъ что» [10, с.27].

Реальность могла решительно расходиться с религиозно-нравственными назиданиями, однако милосердие и его частные проявления (например, забота о нищих) были для христианского сознания, в том числе и на Руси, обязательными качествами добродетельного правителя.

Поведение Дракулы и его «зломудрие» на фоне всех этих заповедей и назиданий выглядят совершенно экстраординарным и чудовищным. Сближение «Повести о Дракуле» со «Сказанием о Магмете Салтане» Ивана Пересветова – памятником, во многом уникальном для древнерусской книжности своего времени (XVI в.) (см.: [15, с.56–57, 74–75]), – как уже было отмечено выше, не вполне правомерно: Пересветов действительно оправдывает жестокость правителя Магмета как инструмент внедрения справедливости, однако деяния турецкого султана в «Сказании» лишены садизма и «зломудрия»; его репрессии функциональны и достигают желаемого результата. Если «Повесть» и повлияла на сочинение Пересветова, укрепив книжника в мысли об оправданности насилия государственным благом, то такое прочтение истории Дракулы явно не входило в намерения ее автора.

Более очевидно сходство с деяниями Дракулы некоторых поступков и высказываний Ивана Грозного. Когда царь Иван, согласно свидетельству в «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского, велит казнить вельможу, который принял монашескую схиму («ангельский чин»), и сопровождает приказ словами: «Онъ, рече, ангель: подобаетъ ему на небо возлетѣти!» [5, с.440], то он словно подражает валашскому «дьяволу», казнившему слугу, который не терпел трупного смрада; Дракула, напо-

ним, также сопровождал свое приказание саркастической остротой. Когда Иван IV в ответ на обличение Курбского в безвинных казнях бояр, ставших по воле тирана мучениками, издевательски спрашивает беглеца, почему тот не хотел стать сам мучеником: «Аще праведен и благочестив еси, по твоему глаголу, почто убоялся еси неповинныя смерти, же несть смерть, но приобретение? <...> И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити?», то он опять-таки «подражает» валашскому господарю, сделавшему мучеником монаха, обличившего его за зло. Первое послание Курбскому содержит даже своеобразную апологию страха – мысль, герою «Повести» о Дракуле все-таки, кажется, чуждую: «Яко же рече апостол: "овех убо милуеши разсужающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающе" [Иуд.1: 22-23]. Видиши ли, яко апостол страхом повелевает спасати? Тако же и во благочестивых царех о временах много обрящеши злейшее мучение». Одновременно в этом же послании выражена идея, утверждающая совершенный произвол: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же» [17, с.12, 18, 31].

Как и Дракула, Иван Грозный привержен идее карать грешников смертью, очищая от них землю; подобно Дракуле, царь Иван отличается любовью к садистским шуткам. Не исключено, что «Повесть» повлияла на формирование взглядов царя на природу и предназначение монаршей власти, а деяния валашского воеводы стали для русского царя поведенческой моделью.

Показательно, что в сознании современников он ассоциировался с героем «Повести». Однако такая гипотетическая рецепция «Повести» Иваном Грозным отнюдь не доказывает, что и сам ее автор хотя бы в какой-то мере рассматривал Дракулу как образец для подражания. Действия первого русского царя вообще не укладываются в модели поведения государя, характерные для древнерусской традиции: он первый венчанный на царство русский правитель и осознанно утверждает принцип «самовластия», он соотносит себя с карающим Господом – Богом-отцом, первым лицом Святой Троицы, и со «смертным ангелом» победителем Сатаны – архангелом Михаилом. Опричники же царя соотносятся с бесами, карающими грешников в аду [14, с.60–61, 54–78]. Опричный террор связан с особенной ситуацией – обостренными эсхатологическими ожиданиями, характерными для Ивана Грозного [23, с.356–410]. Вместе с тем представления Ивана IV о природе царской власти обнаруживают типологическое сходство с такими ренессансными учениями, как теория Макиавелли, а может быть, в какой-то опосредованной форме, и зависимость от них (см.: [8]).

Любовь Дракулы к садистским издевкам, к саркастическому смеху – черта, говорящая о его связи с бесовским началом: смех в древнерусской книжности безусловно осуждался и считался атрибутом дьявольского мира (см.: [12]). Смех приводил к «расслаблению» души, к ослаблению воли и тем самым – к разгулу страстей: «Укланяй ся многа смѣха, расслабляеть бо душу, расслабѣвши же отъ законъныя узды удобь исхлаштять ся (становится необузданным. – *А.Р.*)»⁷.

Таким образом, в контексте древнерусской книжности деяния Дракулы могут быть истолкованы только как поступки злодея, а он сам – как тиран, связанный с дьявольским началом⁸. При такой трактовке не возникает никаких противоречий между рамкой текста и его ядром: «<...> Русское имя дьявола, перемена веры и позорная смерть от турок говорят явно», что автор «не оправдывает кровавых казней Дракулы, которые и у нас сильно начинались в то время и обещали уже изобилие человеческой крови в следующих столетиях» [22, с.115]. Как замечает А.Н.Ужанков, – в этом с ним можно согласиться, – отступничество Дракулы от православия выявляет его сущность: такой злодей и до этого был православным христианином только номинально (см.: [21]).

Но, может быть, автор «Повести» все-таки не исходит из христианских норм и оценок, когда пишет о Дракуле, а его однозначная оценка в рамочных фрагментах текста лишь прикрывает более сложную, вольнодумную, «еретическую» мысль книжника, который склонен оправдать террор «зломудрого» правителя интересами порядка в обществе и справедливости? Может быть, Дракула полон грехов, но его деятельность как государя исполнена мудрости – уже отнюдь не «злой»? Это предположение принять

⁷ Наказание Исихия, пресвитера Иерусалимского [2, с.426].

⁸ Только в некоторых поздних списках характеристика «зломудр» меняется на «зело мудр». Тихонравовский вид, рукопись РГБ, Тихонравова (ф.399), №379, список конца XVII в.: «Бысть в Мутьянской земли воевода, верою греченин, именем Дракула влашенским языком. Точию зело мудр, яко же по имени его, тако и жития его» [15, с.123]. Вообще в Тихонравовском виде, как заметил Я.С.Лурье, убраны некоторые компрометирующие Дракулу детали [15, с.93]. В списке Забелинского вида РНБ, ОЛДП, Ф. СХСV тоже сказано «зело мудр» [15, с.125, примеч. 13]. Эта замена, даже если изначально она является не целенаправленной правкой, а простой опiskeй, весьма показательна: происходит секуляризация представлений о природе власти, и в Дракуле действительно начинают искать черты государя, в чем-то достойного подражания; в ряде списков убираются некоторые эпизоды, особенно компрометирующие героя, исчезает упоминание, что его имя означает «дьявол» (см.: [15, с.79–80, 82]). Впрочем, наряду с этой тенденцией в истории бытования «Повести» прослеживается и противоположная – наделение валашского правителя прямо и последовательно выраженной однозначно негативной оценкой.

сложно: измена воинов Дракулы, выдавших своего полководца и господина венгерскому королю, – свидетельство краха «политики террора»: валашскому господарю не удалось скрепить свое государство страхом. Утопический проект искоренения зла посредством другого зла не удался⁹.

Остается чисто теоретическая возможность признать, что Дракула интересовал автора как – воспользуемся словами князя П.А.Вяземского о другой эксцентрической личности, графе Федоре Толстом-Американце – «на свете нравственным загадка» и что никакого назидания (ни осуждающего, ни хотя бы отчасти оправдывающего) в «Повести» вообще нет. Однако и такой вывод был бы неверным. Во-первых, (подчеркнем это еще раз), в начале и конце «Повести» Дракуле оценка дана. Во-вторых, самоценный интерес к противоречивой, необъяснимой и страшной личности естествен для ренессансных авторов (таких как Бонфини), которых занимают загадки и возможности человеческого «я», но он в принципе едва ли возможен для русского средневекового книжника. «Повесть о Дракуле» – это назидание и предостережение. Актуальность которого станет очевидной уже спустя полвека после ее создания.

Из сказанного отнюдь не следует, что «Повесть» не новаторское произведение. Она отличается безусловно новыми чертами, но отнюдь не в концептуальном плане. Во-первых, впервые в древнерусской книжности в центре внимания оказывается проблема сущности пределов власти, вопрос о возможностях террора как единственного инструмента в борьбе с грехами и преступлениями. Во-вторых, хотя фигура Дракулы оценивается однозначно, автор не прилагает этой оценки ко всем его деяниям, иные из которых читатель может (хотя не должен) понять и даже принять. Роль читателя в тексте активна, а не пассивна: ему нужно не просто усвоить информацию, а декодировать, расшифровать текст, чтобы определить позицию автора и сформировать на ее основе собственное отношение к «зломудрому» валашскому князю. Древнерусский книжник не проблематизирует конечную оценку Дракулы, но побуждает читателя к ее объяснению. И в этом отношении «Повесть о Дракуле» действительно уникальна для своего времени.

---

⁹ В этом, между прочим, еще одно сходство Дракулы с Иваном Грозным – царем, который, введя опричнину, не укрепил государство и не объединил общество, а расколол на две части (опричнину и земщину) и проиграл Ливонскую войну, заключив унижительный для России мир с Речью Посполитой. Так что в современном споре между «гуманистами»-«либералами» и «государственниками» об оценке правления Ивана IV и, в частности, о том, заслужил ли он памятник, аргументы «против» (если оценивать царствование по итогам, а не по промежуточным успехам) можно было бы выдвинуть как раз с «государственнической» точки зрения.

Список сокращений

БЛДР. – Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука.

Словарь книжников... Вып.1. – Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С.Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. Вып.1 (XI – первая половина XIV в.). 492 с.

Библиографический список

1. БЛДР. 1997. Т.1: XI–XII века. 544 с.
2. БЛДР. 1999. Т.2: XI–XII века. 556 с.
3. БЛДР. 1997. Т.4: XII век. 588 с.
4. БЛДР. 2000. Т.5: XIII век. 528 с.
5. БЛДР. 2001. Т.11: XVI век. 683 с.
6. Вальденберг В. Наставление писателя VI в. Агапита в древнерусской письменности // Византийский временник. 1926. Т.24. С.27–35.
7. Вальдеберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Территория будущего, 2006. 368 с.
8. Дворкин А. Иван Грозный как религиозный тип: Статьи и материалы. Н.Новгород: Изд-во Братства во имя св. князя Александра Невского, 2005. 342 с.
9. Дергачева И.В. Древнерусский синодик: Исследование и тексты. М.: Кругъ, 2011. 404 с.
10. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: В тип. П отд-ния собств. Е[го] и[мператорского] в[еличества] канцелярии, 1846. Т.1. 399+18+15 с.
11. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избр. труды. 2-е изд., испр. и перераб. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С.205–337.
12. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. №3. С.145–178.
13. Мушинская М.С. Княжий сборник – прототип Изборника 1076 года // Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Т.1 / Отв. ред. А.М.Молдован; Изд. подгот. М.С.Мушинская, Е.А.Мишина, В.С.Гольщенко. С.34–37.
14. Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха. Статья первая // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР. Л.: Наука, 1983. Т.37. С.54–78.
15. Повесть о Дракуле / Исслед. и подгот. текстов Я.С.Лурье. М.; Л.: Наука, 1964. 213 с.
16. Полное собрание русских летописей. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1853. Т.6: Софийские летописи. 358 с.
17. Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д.С.Лихачева, Я.С.Лурье; под ред. В.П.Адриановой-Перетц; репринт. изд. 1951 г. СПб.: Наука, 2005. 716 с.
18. Прохоров Г.М. Иаков (XIII в.) // Словарь книжников... Вып.1. С.192–193.
19. Соловьев С.М. Древнерусские князья. СПб.: Наука, 2010. 404 с.
20. Творогов О.В. Иаков (XI в.) // Словарь книжников... Вып.1. С. 191–192.
21. Ужанков А.Н. Лекция 15. Сказание о Дракуле Воеводе. Повесть о Дмитрии Басарге. URL: <https://get-tune.cc/song/5209829-a.n.-uzhankov/63991259-lekciya-15.-skazanie-o-drakule-voevode.-povest-o-dmitrii-basarge/> (дата обращения: 12.01.2017).
22. [Шевырев С.П.] История русской словесности. Лекции Степана Шевырева, ординарного академика и профессора. М.: В тип. Бахметева, 1860. Часть четвертая, содержащая XV-е столетие и начало XVI-го. 198 с.
23. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.
24. Ševčenko I. A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // Harvard Slavic Studies. 1954. Vol.2. P.141–179.

Не может быть никакого сомнения
в том, что методологически
окаймлённая история
и сама приобрела вес независимого
и влиятельного фактора
действительности.

Райнхарт Козеллек

Слова – это единственное,
что остается на века.

Эрнест Хемингуэй

Андрей Келлер

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ГОРОДСКОГО РЕМЕСЛА XVIII–XIX ВЕКОВ¹

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

УДК 94(47)''1717/...''

Если слово «ремесло», обозначающее какую-либо производственную или творческую деятельность, употребляется сегодня обычно как нейтральное, то в случае с понятием «ремесла» в современном употреблении бытует зачастую негативная оценочность, что связано с историей научно-технического прогресса, возникновением индустриально-промышленной цивилизации и, в определенной степени, историографической традицией. Значение «ремесленный» выстраивает, как правило, синонимический ряд с негативными коннотациями: рутинный (ремесленник, а не творец, не художник), узкий, примитивный (примитивные орудия труда), противозаконный (воровское ремесло). В связи с этим мы попытаемся разобраться, что собой представляет работа и производство ремесленника – ремесло это или искусство? Ремесленный мастер – кто он, ремесленник или художник? Но это кажущееся противоречие, эти понятия могут быть взаимозаменяемыми и взаимодополняемыми. Ремесло может быть искусством, а ремесленник – художником, это зависит от интерпретатора, участников и контекста событий, их места и времени.

While the word 'craft' can be used today in a neutral way to denote any productive or creative activity, the concept behind the term often bears a negative connotation: this is connected with the evaluations of technological and scientific progress in industrial civilisation sometimes posited by the historiographical tradition. As a rule, 'craft' is attached to adjectives bearing negative associations, such as 'routine', 'narrow', 'primitive', or 'illegal'. In this article, we attempt to understand what constitutes the work and products of craftsmen – can crafts be art? Are craft masters artists? While this may seem rather contradictory, we show that these terms are interchangeable and complementary. A craft can be art and a craftsman an artist: it depends on the interpreters, participants, and the context in which the activities in question occur.

Ключевые слова: вестернизация; городское ремесло; городской ремесленник; искусство; модернизация; Санкт-Петербург.

Key words: westernisation; city's handicraft; city's craftworker; the Art; modernisation; St. Petersburg.

E-mail: a.v.keller@urfu.ru

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор №14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

I.
**О «мастерствах и художествах»,
или
возникновение терминологической границы между ремеслом
и искусством²**

Если слово «ремесло», обозначающее какую-либо производственную или творческую деятельность, употребляется сегодня обычно как нейтральное, то в случае с понятием «ремесла» в современном употреблении бытует зачастую негативная оценочность. Это связано с историей научно-технического прогресса, возникновением индустриально-промышленной цивилизации и, в определенной степени, историографической традицией. Значение «ремесленный» выстраивает, как правило, синонимический ряд с негативными коннотациями: рутинный (ремесленник, а не творец, не художник), узкий, примитивный (примитивные орудия труда), противозаконный (воровское ремесло). В связи с этим стоит разобраться, что собой представляет работа и производство ремесленника – ремесло это или искусство? Ремесленный мастер – кто он, ремесленник или художник? На самом деле это кажущееся противоречие. На наш взгляд эти понятия могут быть взаимозаменяемыми и взаимодополняемыми. Ремесло может быть искусством, а ремесленник – художником, но зависит это от интерпретатора, участников и контекста событий, их места и времени. Это мы и попытаемся выяснить и вытащить ремесленного мастера из забвения. Пришло время вернуть голос этому «великому немому» прошедших эпох с помощью Г.В.Лейбница, А.К.Нартова, В.Н.Татищева и многих других.

«Художества и ремесла»

Пробуждение повышенного интереса российской и международной научной общественности к истории ремесла с целью переосмыслить данный социально-экономический и культурно-антропологический феномен в свете затяжного кризиса современной социально-политической системы передовых государств западного цивилизационного типа не случайно. При этом историческая наука находится по отношению к смежным научным дисциплинам в более выгодном положении. Так, специалисты в области профессио-

---

² Особую благодарность за советы и рекомендации автор выражает Д.К.Бугрову; С.О.Горяеву, М.А.Киселеву, Е.В.Маркасовой, О.П.Старцевой и Д.В.Тимофееву.

нального образования А.В.Моисеев и А.В.Ефанов справедливо отметили в статье 2014 г. по историко-педагогическому наследию отечественного ремесленного образования: «...анализ категории "ремесленная деятельность" показал, что данное понятие теоретически не разработано, нормативно не закреплено и семантически противоречиво. Его деформация в общественном сознании обусловлена, в первую очередь, технологическим развитием общества, в экономике которого доминирующее положение занимает поточное, конвейерное производство, девальвацией культуры потребления товара, а также противоречивой сущностью самой ремесленной деятельности, ее внутренней неоднородностью» [26, с.80].

Аналогичную мысль высказал экономист Д.Е.Гаврилов в 2012 г.: «"Девальвация" категорий ремесла, ремесленничества, кустарничества есть процесс, обусловленный развитием технологий, совершенствованием механизмов экономической жизни и противоречивой сущностью ремесленной деятельности». Гаврилов отметил, что «технологии ремесленного производства признаются исключительно или по преимуществу ручными, хотя этимологический анализ слова "ремесло" говорит о возможности применения в ремесленной деятельности машин и механизмов»; «ремесленная деятельность в одном из значений рассматривается как шаблонная работа, а ремесленный труд признается нетворческим, что вызывает отторжение категории ремесла, ремесленничества и кустарничества в общественном и научном сознании». Исследователь делает вывод о том, что «сегодня требуется преодолеть сложившийся стереотип понимания ремесленничества как предтечи крупного товарного производства, использующего ручной труд и примитивные технологии». Видится целесообразным принять модифицированное понятие, предложенное этим ученым: «Ремесленничество – система общественных отношений, возникающих в процессе производства и реализации продукции малых предприятий и семейных хозяйств, в которых отсутствует (или присутствует в незначительном размере. – А.К.) функциональное разделение труда, средства производства находятся в собственности или на праве аренды у производящего субъекта, а продукция производится в малом объеме и преимущественно на индивидуальный заказ» [8, с.311, 312]³.

Важной вехой в осмыслении историографии российского ремесла с древнейших времен до 20-х – 30-х годов XX в. стала монография

---

³ См. к современному понятию ремесла: [15].

В.Г.Егорова и С.М.Чистовой о городском ремесленном производстве России, увидевшая свет в 2009 г. Авторы предложили кардинальное изменение оценки ремесла, учитывающее международный опыт его развития: «Установившийся в советское время взгляд на мелкую городскую промышленность как на рудимент, неизбежно исчезающий в эпоху индустриального производства, становится неубедительным в связи с широким присутствием ремесла в развитых капиталистических странах». Они констатировали факт развития городского и цехового ремесла в России и его дальнейший рост, вплоть до 1919 г., несмотря на активную индустриализацию последнего двадцатилетия XIX в. [14, с.215, 222].

В данной статье принимается более расширенная трактовка ремесла как совокупности ремесленников и особого социально-экономического и технологического уклада. Понятие *ремесло* рассматривается в контексте теории «истории понятий» (*Begriffsgeschichte*) [41, с.8–15], чтобы проследить предысторию его бытования в предшествующий период. В данном контексте анализ исторических источников позволяет высветить еще одну грань публичных и непубличных коммуникативных практик для понимания трансфера, трансформации и адаптации смыслов в русском социокультурном пространстве.

**Наложение и близость
значений понятий «ремесло»
и «искусство»**

*...дабы всякой свое рукоделие делали
добрыми мастерствы.*

[31, т.6, с.664]

Рассмотрим сначала историю понятия 'ремесло' в русском языке для понимания взаимосвязи «ремесла и художества», выявления смысловых акцентов и практик их применения на протяжении Нового времени [47, с.157]. Человек, занимающийся ремеслами в XI–XVII вв. – ремесленник или ремесленникъ (прил. ремесленный и ремесленный), т.е. мастер (мастеровой, мастерство) какого-либо ремесла или мастер в каком-либо деле, искусник [37, 1997, с.142–143]. Синонимами ремесла (искусство, умение; дело, занятие) и ремесленника являются и художество и художник, которые, в свою очередь, совпадают со значением *искусства* (умение, знание, опыт; *искусный* – умелый) в древнерусском языке. В XVIII в. искусство является именно художеством, употребляющимся в контексте понятий ремесло, рукоделие, художник и мастеровой [7, с.13–

14; 37, 1979, с. 64–66; 37, 1982, с. 36–39; 37, 1997, с.142]. Этим объясняется долгое соседство в Академии наук, а позже и в Академии художеств ремесел и «высоких искусств».

В записках В.Н.Татищева, относящихся к 1740-м годам, часто встречается определение ремесла как «рукоделия» [46, с.401, 408, 410–414, 417, 419]. В записке «О рукоделиях и ремеслах» характерен образ Левиафана, к которому обращается Татищев, чтобы описать с его помощью «экономическое тело», придав ему антропологические признаки: «Всем искусным в гражданстве известно, что всякой области богатство, сила и честь происходит единственно от прилежности народа к рукоделиям и доброго состояния купечества...; уподобя⁴ рукоделия желудку, которой трудится приятую писчу изнурить тукон, во все жилы разделить, а купечество, яко сердце тот тук, мешая с текучею к нему от всех членов кровию, паки чрез аттерии во все тело разделяет, оные в бодрости и добром состоянии содержит, тако рукоделии сырые те припасы переделывают, а купцы, всюду развозя, требующим продают и, на избытки оных меняя, всех доволствуют⁵. И оное, явно нам показуя, уверяет, где рукоделия и купечество в добром состоянии, тамо все жители земские, крестьяне и пр. богаты и доволны» [46, с.410]⁶.

Смысловая созвучность русского слова *ремесло* с аналогичными словами как в славянских языках, так и в языках Центральной и Западной Европы, вплоть до латыни, не случайна⁷. Древнерусское *рукоделие* перекликается с английским (*handicraft, craft*) и немецким (*das Handwerk*)⁸. Само «ремесло» восходит в современном произношении к

⁴ Далее зачеркнуто: «ремесла».

⁵ Далее зачеркнуто: «Другое видимо»

⁶ В словаре В.И.Даля среди синонимов ремесла (*стар. ремество, ср. рукомесло*) присутствует и «рукодельное мастерство» [13, с.1675].

⁷ Англосаксонское «*getain*» (чинить, восстанавливать), болгарское «ремество», древнепольское «*rzemeslnik*» (ремесленник), древнелитовское «*remesas*» (ремесленник), древнепрусское «*romestue*» (топор, рубить топором), украинское «ремесло» и «ремество», чешское «*remeslo*» [8, с.311].

⁸ Присутствует прямое структурное сходство этих слов с древнегреческим *χειροουργία* (рукоделие, от *χείρ* рука и операция), дословно ручная операция. В древнегреческом и латинском языках также имеются синонимы ремесла, давшие основу для образования современных понятий техники и искусства. Это слова, образованные с помощью «техне» (греч., *τέχνη* – ремесло, совр. техника, *art, craft, workmanship, trade, artfulness*, нем. *Artefakt*, англ. *artifact*) и «арт»: *τεχνουργεῖα* (техника и операция), *χειροτεχνη* и *χειροουργία*,

XVII в. [8, с.311]. Слово *искусник* опосредованно указывает на семантическую связь ремесла с искусством и *художеством*, хотя В.В.Виноградов указывал на то, что этимологическое толкование слова *искусство* не соответствует его семантической истории в древнерусском языке и появляется в русском литературном языке не раньше 2-й половины XVII в., поэтому скорее это западноевропейизм на древнеславянской основе [7, с.13]. Нововременная смысловая нагрузка *искусства* предполагает не только художество или ремесло отдельно взятого *искусного* мастера или *художника* – слово, являющееся сегодня антонимом ремесленнику, – но и *искусство* в современном его понимании: музыкальное, изобразительное, театральное etc. [см.: 7, с.12–13; 16, с.114, 140–144]. Поэтому лишь в начале XIX в. происходит отделение ремесла от «высокого искусства».

На протяжении всего XVIII в. и, отчасти, до середины XIX в., сочетание «художества и ремесла» указывает на семантическую близость ремесла как к художеству, так и к искусству. Семантика слова *художник* имеет непосредственную связь с ремесленником (также *рукохудожником*), ремеслом (*рукоделием*) и искусством (*художеством*)¹². Слова *худогий*, *художный*, т.е. «сведущий, опытный», соответствуют художнику, художеству (укр. *худога* «искусник, художник», др.-рус. *худогъ* «сведущий», *художество*). По мнению М.Фасмера, первоначальное слово **ходогъ* заимствовано из готского **handags* «ловкий», образованного от *handus* «рука» (отсюда нем. *der Handwerker* – ремесленник, *die Hand* – рука и *das Werk* – произведение). Слово *художник* может также обозначать сельского, нецехового ремесленника – *кустаря*: *кустарный* (промысел) заимствовано из средне-нижне-немецкого *kunster* «знаток искусства, ремесла» или ново-верхне-немецкого *kunster, künstler* (с XV в.), которые считают исходным ново-верхне-немецкого *Künstler* – «художник, мастер своего дела» (нем. *die Kunst* – искусство)¹³. Понятие *мастер* (*мастак*, *ремесленник*) является синонимом *художнику*, а искусство – *мастерству*. В древнерусском к художнику применялось также слово «хытрец»¹⁴. Близость ремесла и искусства в русском языке XVIII в. не слу-

artificium (артефакт), *opificium manuum* (мастерство рук) и *opus manifactum* (работа человеческих рук) [27, *рукодело*]. Слово 'рукодело' (церк.-славян.) является, вероятно, производным от слов 'ремесло' и 'рукоделие'.

¹² [27; 38, т.3, ч.1, с.114; 43, т.3, ч.2, с.468–469; 44, т.1, с.513; 44, т.2, с.110–111].

¹³ См.: [38, т.1, ч.2, с.358; 38, т.3, ч.2, с.1415; 43, т.4, с.282; 44, т.2, с.359].

¹⁴ [38, т.1, ч.2, с.358; 38, т.2, ч.1, с.115; 38, т.3, ч.2, с.1415; 43, т.2, с.578–579; 44, т.1,

чайна. Ведь к этому времени произошла адаптация и наложение западноевропейских смыслов на понятие ремесла в русском языке.

У русского *понятия* ремесла имеются и далекие генетические связи с латинским. Устаревшее английское название ремесленника *artificer* произошло от латинского *ars* или *artis* (искусство, природная склонность, умение, талант; лат. *Artifex* – ремесленник), одинаково применимых как к ремеслу, так и к искусству (отсюда *артист* в русском языке), причем дальнейшие значения ремесла / искусства вбирают в себя и фабрику (*fabrica* – мастерская), и разум (*ratio*), и знание (*scientia*, ставшее впоследствии производным для науки *science* в английском) [12, с.110, 141, 275; 27].

Здесь не случайно приведен пример из английского языка (так же, как и из древнегреческого и немецкого более раннего периода), т.к. пересечение или накладывание смысла слов и понятий могло усиливаться по мере увеличения экономических и культурных связей с Западной Европой, начиная уже с конца XV в. В более широком хронологическом диапазоне интенсивные культурные связи имелись преимущественно: в IX–XV вв. – с викингами, греками, итальянцами, в XVI–XVIII вв. – с англичанами, поляками, голландцами, немцами, французами. При этом заимствования могли происходить не только через прямое введение нового иностранного слова, но и за счет изменения значения уже существующего в русском языке. В 1569 г. в Россию из Англии ждали прибытия специалистов (*artificers* – an artistic worker), «которые также должны были обучать русских людей производству железа» [16, с.62]. Факт смысловой близости английского искусного мастера, артиста своего дела, и русского ремесленного художника, говорит о принципиальной возможности нахождения общего языка и технических заимствований в области ремесел.

В современном английском языке ремесленник – это и *craftsman*, и *artisan*. А.В.Моисеев справедливо отмечает, что утраченные «ремесленничеством» в XX в. присущие ему ценностные характеристики вновь возвращаются. В «Современном экономическом словаре» (2007) ремесло определяется как «владение искусством» по созданию материальных вещей, предполагающее наличие «значительного мастерства» [32, с.295; цит. 25, с. 21].

с.513]. – *Хитрец, художник, τεχνίτης, artifex; Хитрость, художество, τέχνη, μεθοδος, ars, artificium; Худог, мудр, επισημων, sapiens, doctus; Художник, зри хитрец [27, художник].*

Широкие заимствования в профессиональных городских языках происходят уже в XVII в., когда «в Московскую Русь направляется с юго-запада волна художников и ремесленников». Это видно на различных ремесленных диалектах, в которых закрепляются западноевропейские слова (напр., нем. *der Geselle* – подмастерье; в рус. гезель: помощник, товарищ; фр. *le artisan* – ремесленник). В сапожном ремесле это дратва, рашпиль, вакса, клейстер, шлифер и мн. др., в столярном и слесарном – стамеска, бляха, бондарь, гайка, верстак, клапан, кран, винт и т.п. В Петровскую эпоху начала XVIII в. эти процессы заимствования еще более усиливаются [6, с.66, 63–64]. Московский исследователь С.М.Шамин показывает, как новые заимствования из голландского, немецкого, французского, английского языков закреплялись в российской, и особенно петербургской, повседневности. «Между тем Петр I с особой любовью относился к иностранным словам. Его примеру следовало придворное окружение. В глазах царя это было свидетельством поддержки реформ и показателем политической благонадежности. Отказ от употребления лексики иноязычного происхождения восприняли бы как откровенный вызов власти» [45, с.181].

В.В.Виноградов писал о том, что в русский язык проникает «множество технических слов, относящихся... к разным видам "мастерства", ремесел», преимущественно из польского и немецкого языка. С усилением в начале XVIII в. немецкого влияния частичным изменениям подверглась и лексика книгопечатного дела, заимствованная в XVI–XVII веках из итальянского языка [6, с.61]. Среднестатистическая частотность употребления слова «Handwerk» 'ремесло' в немецком языке на 1 млн. токенов¹⁵ в 1600–2000 гг. составляет 16,80 и коррелирует с развитием немецкого ремесла и промышленности [47]. В XVII в. наблюдается стабильный рост частотности его употребления с 21.20 (32 упоминания в абсолютных числах) до 25.86 токенов (100 упоминаний) (+4.66 токена) (1600–1699). К началу XVIII в. число несколько снижается до 20.76 (95 упоминаний) и к концу века опускается до 17.00 токенов (154 упоминания) (–3.76 токена) (1700–1799), но показатель, что до 1789 г. число токенов «ремесла» в 21.28 (150 упоминаний) остается стабильным. После 1789 г., видимо, из-за политической нестабильности и войн в Европе, а также ввиду победы либерального дискурса свободного рынка и дискредитации ремесла как формы производства в обще-

¹⁵ Токен – последовательность символов в лексическом анализе в информатике. Токен соответствует лексеме.

ственном мнении и среди экономистов и, следовательно, роста влияния крупного промышленного производства наступает статистическое снижение и стагнирование слова «ремесло», продолжавшееся до конца 1830-х гг. (14,94 токена и 43 упоминания). С началом первого промышленного переворота 1840-х годов и последовавшей индустриальной революции в Германии частотность упоминаний «ремесла» с 1800 до 1899 г. значительно вырастает с 16.70 до 25.81 токенов (+9.11) [47]. Симптоматично, что, когда фабрика «обошла» ремесло в 1830-е гг. (12.52/15.90), она «потянула» его за собой [47]. Это соответствует всеобщей тенденции как для немецкого, так и для русского ремесла, динамика роста которых совпадает с начавшимся примерно с середины XIX в. промышленным переворотом, соответствовавшим специфике развития России (с небольшим запозданием по сравнению с Германией) и Германии (с первоначальным значительным отставанием от Англии).

Не следует преувеличивать роль книги в культурном, научном и технологическом трансфере в XVIII в., особенно среди ремесленников. Из 1 301 перевода книг этого столетия основная часть приходится на литературу историко-географического, морально-политического и религиозного характера, в то время как на область науки и техники всего лишь четыре публикации [4, с.21]. Гораздо важнее был практический опыт общения и обучения российских учеников не только у иностранных мастеров в России, но и за рубежом [3, с.28–29; 29, с.14–15].

**«Художества и ремесла»
в законодательных актах**

Исследователи из различных научных дисциплин давно подчеркивали значение петровских реформ, за которыми «стоят глубокие перемены в области народного образования, просвещения, всей духовной и материальной культуры России – образа мыслей, круга ведущих идей, интересов, форм быта» [3, с.31]. В то же время, несмотря на эпохальные изменения на заре возникновения российского промышленного законодательства в 1-й четверти XVIII в., хорошо видна историческая преемственность слов *ремесленник*, *ремесло*, *мастер* и *мастерство*, применявшихся в Древней и Московской Руси (старослав., древнерус. *рьемство* или *ремество* как умение, способность, также *рукоделие*) [37, 1982, с.37–38; 37, 1997, с.143, 250; 43, т.3, с.468–469].

Говоря об истории ремесла в Санкт-Петербурге, нельзя не сказать о личности Петра I и его пристрастии к ремеслам. Современник царя Жак

Савари де Брюлон (1657–1716), говоря о его преобразованиях в своем «Экстракте», опубликованном в 1747 г., писал в духе времени: «Ничто от любопытства сего Великого Монарха не ушло, и никакое ремесло от Царских ево очей не укрылось; а все сие изволил для такого ревностного усердия смотреть, дабы подданных своих таким же мануфактурам, ремеслам и художествам обучить. А понеже намерен был сам мастером и учителем у них быть, во всяких работах и мануфактурах; то для сего высокого намерения сам всему учился, и к мастерам всякого художества собственною особою ходить изволил. С кузнецами молотом трудился; с плотниками бревна, брусья, и доски тесал; с кожевниками кожи строгал и, одним словом, все то с неописанным усердием своими Монаршими руками делал» [35, с.21–22]. Петр не был здесь исключением, будучи человеком «барочным» по своему происхождению. Французский король Людовик XIII (1601–1643) владел не меньшим количеством ремесел, кроме того, был неплохим каретником, кучером и отменным кулинаром [11, с.77–78].

Практика применения и связь «наук и искусств», а значит «ремесел и художеств», хорошо прослеживается в законодательных актах петровского времени. В «Регламенте или уставе Главного Магистрата» (1721) для обозначения ремесленников употребляются такие слова и выражения, как «художники и ремесленные люди», занимающиеся *промыслами* (отсюда еще один синоним ремесленника – *промышленник*) и живущие в городах «для художества или какого рукоделия»¹⁶. Здесь также «художество и рукоделие» находятся в одном синонимическом ряду¹⁷. Именной указ «О цехах» 27 апреля 1722 г. повелевает «в цехи писать ремесленных всяких художеств... дабы всякой свое рукоделие делали добрыми мастерствами», «...каждое художество или ремесло [имеет] свои особые цунфты (цехи)»¹⁸. Ремесленники называются как «своего художества ремесленны[е] люд[и]» и «художники». 16 июля того же года в дополнение к этому вышел сенатский указ «О записке в цехи мастеровых и ремесленных людей из купечества и из разночинцов, дворовых и приказных людей»¹⁹.

¹⁶ Слова *ремесленник* и *рукоделие* находятся для В.Н.Татищева в одном синонимическом ряду [46, с.412–414].

¹⁷ 3708. Января 16 [1721]. Регламент или устав Главного Магистрата // [31, т.6, с.292–293, 295].

¹⁸ 3980. Апреля 27 [1722]. О цехах // [31, т.6, с.664–665].

¹⁹ 4054. Июля 16 [1722]. О записке в цехи // [31, т.6. С.746].

Кроме цеховых мастеров и городских ремесленников, в большинстве своем мещанского сословия, существовала еще одна категория ремесленников, прибывавших в Петербург из других городов и регионов. Как правило, это были представители крестьянского сословия, в основном строительных профессий: столяры, плотники, каменщики, штукатуры, маляры, шлифовщики и резчики камня и пр. К ним применялось понятие «мастеровых или работных людей», определявшихся как на государственные и частные мануфактуры, так и в работу к ремесленным мастерам²⁰. «Художествами» могли называть и другие «искусства»: научную дисциплину, военное дело или механику. В одном из указов 1724 г. говорилось об обучении переводчиков следующим «художествам»: «математическое хотя до сферических триангулов, механическое, хирургическое, архитектур, цивилис, анатомическое, ботаническое, милитарис, гидроика и прочие тому подобные»²¹. Среди типичных ремесленных профессий мастеровых, трудившихся на Адмиралтейских верфях в 1712–1721 гг., имеются такие нетипичные «ремесла» для сегодняшних понятий, как архитектор, лекарь, живописец, толмач или музыкант [23, с.46–47, 153–155, 259–260, 264–265, 277, 280–281]. Вспомним, что и ремесленные мастера зачастую могли выйти за строгие рамки своей профессии. А.К.Нартов по прошествии времени стал вникать в архитектурное дело и даже давать советы Петру I. Синтетичность или универсальность специального знания и отсутствие пока четкого понимания профессиональной специализации позволяло мастеру токарного дела вникать не только в искусство токарного мастерства, но и в искусство архитектурного дела. То же можно сказать и о мебельных мастерах, отце и сыне Генрихе и Петре Гамбсах, в конце XVIII – начале XIX в. [18, с.97–98].

В 1722 г. с введением цехов происходит знаменательное и принципиально важное событие. Новые слова и представления входят в русский жизненный мир, превращаясь в действия и осмысленные поступки. С цехами появляется иная концепция развития русской промышленности и профессионального образования, иной горизонт событий. Начинает формироваться социальный слой ремесленников с осознанием принадлежности к единой профессиональной группе, а с городской реформой 1785 г. – и принадлежности к одному сословию, одной влиятельной социальной

---

²⁰ 3142. Января 17 [1718]. О взятии свидетельств мастеровым людям, желающим определиться на мануфактуры // [31, т.5, с.531].

²¹ 4438. Января 23 [1724]. О приуготовлении переводчиков книг обучением их художествам // [31, т.7, с.217].

группе. С этим новым институтом в российской культуре прописываются на постоянное проживание новые модифицированные понятия цехового профессионального кодекса поведения, этоса цехового мастера и корпоративной солидарности. Выскажем предположение, что со строительством Петербурга происходит повышение статуса ремесленника: от мастерского к цеховому мастеру, мастеру на казенном предприятии, руководящему мастерскими людьми²². Таким образом, происходит расширение понятия ремесленного мастера – и как артиста своего дела, и как специалиста и профессионала, получившего диплом или патент, подтверждающий его статус. Традиционная система ремесленного обучения Древней Руси дополняется и модифицируется новой, практикующейся в Академии наук и на государственных предприятиях мануфактурного типа. Это хорошо видно на примере петербургского Адмиралтейства с необычной структурой профессиональных кадров. В 1715 г. здесь имелось, кроме 70 мастеров, 12 подмастерьев и 48 учеников, еще 3 953 мастеровых, поступавших, видимо, в распоряжение мастеров [23, с.154–155, 265, 280]. Поиск новых производственных и организационных форм ремесла был связан с неудовлетворительным состоянием массовых и специальных ремесел. И.Т.Посошков в «Книге о скудости и о богатстве» (1724), говоря о плохом состоянии ремесла в России, указывал на отсутствие надлежащего управления и надзора, неполное ремесленное образование из-за раннего отхода учеников от мастера и отсутствие клеймения ремесленной продукции. На его взгляд именно эти задачи и должны были решить цехи. В главе «О художестве» он называет ремесленников «художниками доброго мастерства», а ремесла – «художествами» или «художественными мастерствами» [28, с.17, 139–143].

**Основание Академии наук
и художеств в 1724 г.**

Понеже ныне в России здание к возращению художеств и наук учинено быть имеет...

[31, т.7, с.220]

Заострим внимание на понятии *наука* как синониме *ремесла* и *художества*. В 1717 г. из России в Амстердам отправляются 34 человека «для устройства "в разные науки" в Голландии, Англии и Франции». На самом

²² 4442. Января 27 [1724]. Высочайшие резолюции // [31, т.7, с.219]; [29, с.11].

деле большинство из них специализировалось, к примеру, не в математике, физике или нравоучительной философии – классических точных, естественных и гуманитарных науках, а в ремеслах из области декоративного искусства [29, с.14–15]. Поэтому нельзя согласиться с Ю.Х.Копелевич, склонной видеть в Академии наук и художеств узкоспециальное научное (академики) и образовательное учреждение (гимназия и университет) [17, с.56]. Хотя этот же автор указывает на важность идеи практической «пользы» в концепции новой Академии. К практическим функциям, кроме «обязанности академиков заботиться "о совершенстве художеств и наук" и обучать юношество», относилась забота о пользе для «вольных художеств и мануфактур» внедрения «удобных машин» и «исправления инструментов»²³. Для этого при Академии устраивались ремесленные мастерские и имелись механики, обязанные вместе с членами Академии производить экспертизу технических изобретений, причем ученые обязывались, кроме своих специальных научных интересов, производить научные исследования по практическому применению этих изобретений [17, с.159–160].

Не было ничего естественнее для царя-ремесленника, понимавшего «образование и науку как сугубо практические общественные институты», внести перечень ремесленных мастерских в штат петербургской Академии наук и художеств [20, с.71]. Первое непосредственное знакомство с науками, художествами и ремеслами Петра I в Западной Европе происходит во время Великого посольства 1697–1698 гг., когда он, кроме изучения кораблестроения и связанных с ним ремесел, посетил Королевскую Академию в Лондоне, университеты в Лейдене, Оксфорде, Галле и Лейпциге [17, с.20–21]. Второе большое путешествие царя в Западную Европу (1716–1717) отличалось от первого тем, что вместо военных специалистов приглашались, в основном, архитекторы, художники и ремесленники. Постепенно созревает и оформляется идея создания Академии, включающей Академию наук, будущую Академию художеств, университет с гимназией и технические науки вкуче с ремеслами. Поэтому И.Д.Шумахер во время поездки 1721 г. по Германии, Франции, Англии и Голландии, кроме приглашения для работы в России видных европейских ученых, получает от Петра поручение нанять в Англии слесаря и купить «книгу о всех художествах и прочие новые издания» [22, с.24]²⁴.

---

²³ 4443, Января 28 (1724): Именной. Об учреждении Академии // [31, т.7, с.221].

²⁴ Задание покупки и привоза книг было обычной практикой того времени при поездках в Западную Европу [4, с.83].

Намерения Петра I транслировали ближайшие сотрудники по организации Академии наук и художеств Л.Л.Блюментрост и А.К.Нартов. Будущий первый президент Блюментрост 27 декабря 1723 г. в приглашении к Я.Герману ссылается на решение царя «основать академию для возвращения художества и наук» [22, с.25]. Учреждению Академии предшествовало несколько законодательных актов. В «Высочайшей резолюции на мемориал иноземца Фика» (11.07.1718) постановлено «сделать Академию», чтобы, среди прочего, «из детей искусных купеческих людей художников, ремесленников... получить могли»²⁵. В указе от 20 января 1724 г. говорилось: «О Академии, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатым художествам»²⁶. А через день «обсужден и одобрен Сенатом "Проект об учреждении Академии наук и художеств"» [22, с.25]²⁷. История создания этого проекта неизвестна. По своему содержанию он соединил в себе идеи Петра и его приближенных, высказывавшихся раньше в различных письмах и записках. Окончательная обработка документа, вероятно, принадлежала Блюментросту. Наконец, 28 января появляется именной указ «Об учреждении Академии», гласящий: «Сие есть собственный образец Академии Художеств и Наук»²⁸. Там же в §17 оговаривалось, что «ежели который Академик похощет за деньги партикулярные коллегии иметь, то ему позволено: однакож де не надобно ему токмо ради корысти вельми много Коллегиев держать, и тем прочим своим наукам и размышлениям вред чинить». Имеется в виду возможность устройства мастерских при Академии. Петербургский проект подробно объяснял своеобразие русской Академии по сравнению с подобными учреждениями Европы, что диктовалось условиями русской действительности.

Известно, что Нартов играл не самую важную роль в основании Академии, но интересен тот факт, что Татищев в своей аналитической записке «Например представление о купечестве и ремеслах» от 12 мая 1748 г. ссылается именно на его предложение в декабре 1724 года основать Академию наук и *ремесел* (курсив мой. – А.К.) и на составленное

²⁵ 3208. Июня 11 [1718]. Высочайшие резолюции на мемориал иноземца Фика // [31, т.5, с.574].

²⁶ 4427. Января 20 [1724]. Именной. [...] О Академии ученья языкам // [31, т.7, с.207].

²⁷ Такое название дано документу в литературе. Оригинальная же рукопись «Проекта» с дополнениями и исправлениями, сделанными на полях собственноручно Петром I, не имеет заглавия.

²⁸ 4443, Января 28 (1724): Именной. Об учреждении Академии // [31, т.7, с.220–224].

лично царем расписанное «художеств-мастерств», должных преподаваться в ней [46, с.415]. Устав Академии так и не был составлен и руководствовались его проектом. Но дело этим не закончилось. В 1734 г., с утверждением нового штата, расширяется сфера «художественной» деятельности Академии наук и художеств. В 1735 г. из бывшей мастерской Петра I получены токарные станки, и в штат вошел Нартов, возглавивший Токарную и Инструментальную палаты Академии [30].

По новому штату императорской Академии наук и художеств, согласно Уставу 1747 г., в ней имелись две типографии «российских и иностранных языков», где работали ремесленники по специальностям «рещик медалей и литер» в «словолитном искусстве» с одним подмастерьем, два словолитных мастера с двумя подмастерьями, также несколько человек, «которые литеры льют и которые отбирают». Там же имелись мастер и подмастерье переплетного мастерства, типография «грыдыровальных фигур» с шестью мастерами, шестью подмастерьями, а также работниками [22, с.25]. Кроме них, в других мастерских имелись «художники и мастеровые люди»: архитектор, живописец, «грыдыровальщик портретов», подмастерье, «грыдыровальщик литер», «резного дела мастер», «механик, который притом и математические инструменты делает», мастер барометров, часовой мастер, слесарный, столярный, токарный. Было предписано: «во все мастерские палаты ко всем упомянутым художествам распределить учеников по рассмотрению президента до пятидесяти человек» [33]²⁹. Члены Академии, кроме обязанности предоставлять регулярные разработки или изобретения по механическим устройствам, могли принимать экзамены на звание мастера. 21 февраля 1739 г. академики Л.Эйлер и Г.Ф.Крафт, а также А.К.Нартов и механик И.Брукнер обязывались принять экзамен у подмастерья А.Мартынина из Адмиралтейств-коллегии на звание мастера [30, с.27].

В проекте создания Академии наук и художеств, мыслившейся самодержцем как единое целое, а затем и в именном указе от 22 января 1724 г., где недвусмысленно сказано: «Об академии, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам», эта связь явственно прослеживается. Трактовка понятия наук, искусств и художеств отличается в период реформ Петра I «необычайной широтой, в полном соответствии с комплексным их восприятием». В это время, кроме традиционных ремесел в современном понимании, существуют «мастерства живописные», «художество артиллерийское», «художество

---

²⁹ Грыдыровальщик – гравировальных дел мастер.

флота морского», горное дело и механика как художества, или «рудное художество или мастерство» [16, с.114; 27; 39, с.42].

Когда же появляется в русской языковой и символической практике эта философская и мировоззренческая греко-римско-европейская традиция бытования ремесла в одном смысловом поле с наукой и искусством? Точной даты указать невозможно ввиду специфики взаимодействия культур как в большей или меньшей степени открытых систем, многовекторности взаимодействия и огромного множества одномоментных контактов. Одним из таких многочисленных контактов или событий, подготовленных многими годами переписки и проектов, явился указ Петра I (01.11.1712), подписанный им в Карлсбаде после встречи с Г.В.Лейбницем: «...Готфрида Вильгельма фон Лейбница... в наши тайные юстиц раты определить и учредить ...чтоб науки и искусства (курсив мой. – А.К.) в нашем государстве вящей цвет произошли, употребить...» [21, с.269–270]³⁰.

Назначение Лейбница имело 15-летнюю предысторию. Уже в его записке царю, датируемой 1697 г., ученый говорит о необходимости основания центрального учреждения для наук и художеств. В другой его записке на имя Петра, посланной в 1708 г. русскому посланнику И.Х.Урбиху в Вене, Лейбниц, говоря о «необходимо[сти] учреждения особенной влиятельной коллегии» и имея в виду Академию наук, называет необходимых в ее ведении «художник[ов] и ремесленник[ов] с их произведениями» [17, с.33–34]. Позднее именно этот формат и был реализован.

Из этого примера видно, каким образом мог функционировать механизм трансфера западноевропейских понятий, представлений, концепций и социальных инноваций в Россию и с помощью каких понятий страна вписывалась в общеевропейский контекст. Ведь связка «науки и искусства» не могла существовать в Московской Руси, где *раздельное* употребление этих слов имело иной контекст и практику бытования. Имплицитно новая традиция «ремесел и художеств», являющихся теперь частью понятий науки и искусства, получает свое вхождение в российский лексикон и повседневную практику применения именно в своеобразной комбинации западноевропейских коннотаций и древнерусской традиции. Лейбниц так и не смог реализовать свои далеко идущие планы по основанию Академии наук в Петербурге, а в более широ-

³⁰ Показательно, что в петровском указе дословно приведена формулировка Лейбница из немецкого оригинала его проекта указа: [21, с.269].

ком контексте и по созданию моста между Европой и Азией посредством России, но влияние его идей очевидно³¹.

П.А.Кропоткин говорит о мнимой или явной потере ремесленной (технической) культуры с упадком средневековых городов [19, с.112–113]. Тем не менее в XVIII в., а иногда и в XIX столетии понятия «ремесло-художество-искусство-наука» все еще довольно тесно связаны; зачастую образуют одно большое смысловое и понятийное поле, хотя и имеют тенденцию дальнейшей дифференциации и отчуждения друг от друга. До конца XVIII в. словосочетания «художники и ремесленники» устойчивы в использовании. На это указывают путеводители, составленные немецкими авторами И.Г.Георги (1790), А.К. фон Шторхом (1794) и Г.Л. фон Аттенгофером (1820). Все они говорят о ремесле как об искусстве и художествах, а о ремесленниках – как о художниках (нем. *die Künstler*)³². 17 июня 1812 г. даже появляется манифест с характерным названием: «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах»³³.

**«Искусства и художества»:
основание Академии
художеств в 1757 г.**

При имени «Академия художеств» у современного человека возникает естественная идентификация этого высшего учебного заведения с «высокими искусствами»: изобразитель-

ным искусством, ваянием и зодчеством. Это было не всегда так. В Московской Руси слову *искусство* придавались такие значения, как умение, знание; опыт, эксперимент, что указывает на его близость к ремеслу [37, 1979, с.266]. В.В.Виноградов обращал внимание именно на этот контекст, ссылаясь на лексикон Петровского времени: «слово *экспериенция* (лат. *experientia*, польск. *eksperjencja*) (опыт, испытание) поясняется при

³¹ Утверждать о прямом воздействии идей Лейбница на проект основания российской Академии наук нельзя, ввиду комплексности и неоднозначности трансфера идей и, тем более, их адаптации в новых условиях, но несомненно, что его мнение было весомым и учитывалось в формировании концепций и видения развития «искусств и наук» «по примеру "стран инородних"» [4, с.68, 82, 120]. Другое дело, что механизмы этого влияния и степень трансформации или адаптации западноевропейских идей и концепций в России требуют дальнейшего углубленного исследования (см.: [1]).

³² [2, с.167, 205; 9, с.133, 190, 192, 195–207; 49, р.44, 46, 53, 55, 57, 60, 61, 382, 383].

³³ 25143. Июня 17 [1812]. Манифест. О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах // [31, т.32, с.355–356].

помощи слова *искусство*». Другой пример ученый приводит из примечаний Антиоха Кантемира к переводу сочинения Фонтенелла «Разговоры о множестве миров» (1730): «Экспериментация. "Искус, искусство, знание, полученное через частое повторение какого действия"» [7, с.14]. Из чего ученый делает справедливый вывод о влиянии латинского языка как языка западноевропейской науки и философии. Усиление этого влияния приходится на начало XVIII в., когда латинский язык становится основным языком преподавания, в том числе в одном из ведущих учебных заведений гуманитарного профиля – Славяно-греко-латинской академии, специализировавшейся первоначально на преподавании классических языков – греческого и латыни: «Московская академия возникла как школа славяно-греческая, но с 1700 г. происходит полная переориентация ее на латынь, которая становится языком преподавания во всех классах» [3, с.31]. В более широком смысле слово 'искусство' в XVIII в. является синонимом художества и науки [51, Bd.1, S.353; 5, с.420]. Действительно, словосочетание «искусный художник» могло подразумевать под собой любого ремесленника. В словаре Ф.П.Поликарпова-Орлова само слово 'ремесленник' отсутствует, но есть его синонимы 'рукодельник', 'рукохудожий', 'рукоделатель', а синоним художника и художества – 'хитрец' или 'хитрость', что скорее применимо к ремесленнику [27]. На протяжении XVIII в. наряду с сохранением традиционного значения слова *художник* как ремесленник, в последней трети XVIII в. наблюдается смещение смысловой нагрузки от ремесленной в сторону «высоких искусств». В словаре Ф.Гельтергофа 1771 г. слова 'ремесленник' (*der Handwerker*) и 'художник' (*der Künstler*), т.е. художник в современном понимании артиста или художника, разведены как различные слова [9, с.569].

И.А.Поронина считает, не без доли академического пуризма, что основанная в 1724 г. Академия наук не смогла воплотить в себе идею «союзе художеств и наук» [29, с.29]. Такое совмещение, считает исследователь, было нерациональным и пагубным для развития как «"наук" (т.е. исследовательского и научно-образовательного центра)», так «и "художеств" (центра искусств, ремесел и профессиональной школы)» [28]. Возможно, осуществленный проект был далек от идеала, но интерпретировать этот союз исключительно отрицательно из ретроспективы XX в., на наш взгляд, нельзя, без учета бытования этих слов в рассматриваемый период и существования Художественного отделения при Академии, которое преобразуется при Анне Иоанновне в гравёрно-рисовальную школу. Результатом этого развития явилось основание в

1757 г. отдельной Академии художеств, в которой наряду с «тремя знатнейшими художествами живописи, скульптуры и архитектуры» соседствуют ремесленные мастерские. И это не случайно, если учесть, что собственно к ремеслам, кроме них самих, относились и классические искусства. В 1747 г., когда Академия наук официально стала называться Академией наук и художеств, а изучение искусств было узаконено, при ней продолжали действовать инструментальная, переплетная, столярная, токарная, пунсонного и резного дела палаты, сохранявшие характер производственных мастерских [29, с.16, 37].

В этом свете не оказался ли петровский проект наиболее прозорливым в отношении дальнейшего развития европейских академий? Ведь берлинская Академия искусств находилась до 1907 г. в одном здании с Академией наук на улице Унтер ден Линден, а название самой Академии до 1809 г. – Королевско-прусская Академия художеств и механических наук – долгое время совмещало в своем названии именно комбинацию из «классических искусств» и механических ремесел.

Современники, предлагавшие основать ремесленные школы или Академию ремесел, находились вполне в «концепте времени», если можно так выразиться. Близость, или концептуальная нераздельность, ремесла и «высокого искусства» сквозит в проектах основания как художественной школы, так и самой Академии художеств «с отчетливо выраженным ремесленно-техническим уклоном». Ф.С.Салтыков (1714), Г.Фик (1718) и Ф.Прокопович (1719–1720) предлагали открыть ремесленные школы в смысле специальной художественной школы, предварявшей создание Академии художеств в 1757 г. М.П.Аврамов (1721), А.К.Нартов (1724), Л.Каравакк (сер. 1720-х), как и В.Н.Татищев (1747), в обширном плане «Академии ремесел», составленном при участии П.М.Еропкина, Б.К.Растрелли и Л.Каравакка [29, с.13], – все они в своей интенции организовать в России систематическое обучение «художествам» говорят об обучении в этих «художественных» школах и академиях плотничьему, столярному, слесарному, штукатурному, шпалерному, золотарному, зеркальному и др. ремеслам, наряду с живописью, иконописанием, ваянием и архитектурой. Действительно, Петергофская золотарная мастерская, находившаяся в ведении Кабинета императорского двора, «готовила не художников, а мастеровых», но «художником могли назвать человека любой профессии» – и в этом заключались реалии времени. Поэтому не было ничего естественнее для того времени делать подобные предложения. И.А.Пронина должна была, в конечном итоге, констатировать тесную связь искусства с ремеслами, вытекающую из

представления современников «о неразрывном единстве живописи, скульптуры, архитектуры и графики с отдельными отраслями прикладного мастерства» [29, с.16–17, 50, 51–52].

В.Н.Татищев не случайно, говоря в своей аналитической записке (12.05.1748) об основании Академии наук и художеств в 1724 г., называет ее «Академи[ей] наук и ремесел». По его словам, царь лично составил описание «художеств-мастерств», должных преподаваться в ней [53, с.415]. В XVIII в. происходит дальнейшая дифференциация в области не только наук и возникновение все новых научных дисциплин, но и «художеств», которые должны были быть выделены, согласно проекту Василия Татищева 1747 г., в отдельную Академию ремесел [29, с.37, 52–53].

Данная полифункциональная коммуникативная традиция бытования слова *ремесло* наблюдается, но уже в меньшей степени и в веке XIX. В 1846 г. московский литограф Корнилий Я.Тромонин издал книгу с характерным названием: «О художестве в ремеслах», а в 1847 г. петербургский мастер Василий А.Резанов называет «портное мастерство» искусством, показывая старинную семантическую связь ремесла и художества [41, с.4–5; 49]. В 1893 г. В.И.Межов издает 3-й том «Русской исторической библиографии», в которой вновь видны генетические связи ремесла с наукой и искусством. В разделе: «История учебных заведений, посвященных искусствам», находим следующее. В Москве в 1826 г. некий *Любитель полезных искусств* на страницах журнала *Вестник Европы* рассуждает «О необходимости образования для ремесленников и об открытии для них училища рисования в Москве». В 1827 и 1838 гг. появляются статьи в *Московском вестнике* и *Северной пчеле* на аналогичные темы – о «школе рисования в отношении к искусствам и ремеслам», основанной графом С.Г.Строгановым. 10 июня 1850 г. профессор химии Киевского университета Игнатий Матвеевич Фонберг (1801–1891) выступает с речью о необходимости наук для успеха искусств и ремесел [25, с.460, 499].

* * *

Подводя итог, можно сказать, что понятия 'ремесла' и 'художества' в XVIII в. вбирали в себя как науки, так и будущие высокие искусства: «Тесная связь искусства с ремеслами, свойственная допетровскому времени, также оставалась характерной вплоть до конца XVIII столетия». «С постепенным усилением разделения труда ... разграничивающего область практического ремесла и сферу искусства, декоративно-прикладное мас-

терство начинает вытесняться из стен Академии». По уставу Академии художеств 1802 г. «мастерства отменились, исключая необходимые для художественных произведений», а в другом документе указывалось, что «столярная и токарная работы к художественным произведениям не относятся». Несмотря на это, классы литейного и чеканного мастерства были оставлены при Академии [29, с.51, 57–58, 139–141].

Вхождение новых речевых практик приблизительно со 2-й половины XVII в. и особенно с началом петровских преобразований конца XVII – 1-й четверти XVIII в. может быть прослежено, как нам видится, с помощью модели накладывающихся смысловых полей, взаимодействие которых усиливалось с интенсификацией реформотворческой деятельности и заимствований из западноевропейской культуры. Это приводило, в свою очередь, к появлению адаптационных практик, помогавших приспособить новые-старые понятия и слова к новым реалиям, или отторжению нововведений, как варваризмов и грубых *калек* из европейских языков – избыточных копий, бывших бледным отражением замечательных церковнославянских и русских слов. В зависимости от контекста, в который ставятся понятие ремесла и ремесленника, может быть получен новый смысл, функция и назначение: искусство способно «интегрировать» в себя особенно хорошо ремесла, связанные с производством мебели, одежды, обуви, драгоценностей, а наука – с производством инструментов, приборов, часов и других сложных механизмов. Такое сочетание приводило к возникновению высокоспециализированных отраслей высокотехнологичного ремесла, граничащего по высоте «искусства» работы и технической мысли с (инженерным) искусством и (прикладной) наукой.

Согласно коммуникативным практикам XVIII в., понятия *науки, искусства, художества* и *ремесла* могли применяться в самых различных комбинациях и контекстах, получать новое или дополнительное семантическое значение из западноевропейской традиции, как это произошло со словами *наука* и *искусство*. Этим объясняется кажущаяся противоречивость и «неестественность» их совместного применения с *ремеслом*, исходя из речевых практик XXI в. Выступая в различных сочетаниях, они являлись медиумом передачи представлений человека Нового времени о науке, искусстве и художестве как о ремесле и о ремесле, как о науке, искусстве и художестве. Объединение наук и искусств с ремеслами (художествами) не было случайным ввиду специфики семантиче-

ской традиции «синтетичного» XVIII столетия и тяготения к «универсалиям» того времени³⁴.

Библиографический список

1. Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016. №6. С.3–20.
2. Аттенгофер Г.Л. фон. Медико-топографическое описание Санктпетербурга, главного и столичного города Российской Империи. СПб.: Импер. Акад. наук, 1820. 432 с.
3. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по истории лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 431 с.
4. Бутров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Ураль. ун-та, Унив. изд-во, 2016. 480 с.
5. Вейсман Э. Вейсманнов немецкий лексикон с латинским. Преложенный на российский язык / [Пер. на рус. яз. И.И.Ильинский, И.П.Сатаров, И.С.Горлицкий]. Изд. 2-е. СПб.: Импер. Акад. наук, 1782. [1014] с.
6. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
7. Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. №6. С.3–26.
8. Гаврилов Д.Е. Теоретические основы развития ремесленной деятельности // Теория и практика общественного развития. 2012. №3. С.311–313.
9. Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб.: Лига, 1996. 528 с.
10. Гёльтергоф Ф. Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон. [М.]: Печ. при Импер. Моск. ун-те, 1771. 656 с.
11. Глаголева Е. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII. М.: Молодая гвардия, 2007. 332 с.
12. Громыко И.Н. Русско-латинский словарь. Минск: Новое знание, 2000. 464 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4-х т. Т.3. СПб.-М.: Т-во М.О. Вольф, 1907. 893 с.
14. Егоров В.Г., Чистова С.М. Городское ремесленное производство России в отечественной историографии. М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2009. 272 с.
15. Ефанов А.В. К вопросу о ценностях современного ремесленничества // Становление и развитие ремесленничества и профессионального ремесленного образования в России:

³⁴ По материалам немецко-латинско-русского словаря лютеранского священника Эренрейха Вейсмана, впервые изданного в Штутгарте (1673) и переизданного в Петербургской Академии наук в (1731, 1782), а также 5-й части Словаря Академии Российской (1794), хорошо прослеживается именно эта взаимосвязь и преемственность ([50; 51, Vd.1, S.353; Vd.2, S.413; 5, с.326, 420, 495; 43, стлб.114–115]. См.: [7, с.14; 37, 1979, с.266]).

Европейские параллели

- сб. науч. ст. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург.: Рос. гос. проф.- пед. ун-т, 2011. С.17–22.
16. Киселев М.А. Возникновение российского промышленного законодательства в 1-й четверти XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010. 303 с.
  17. Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. 211 с.
  18. Кочеткова Н. Династия мебельщиков Гамбсов в Петербурге // Немцы и немецкая культура в истории Санкт-Петербурга = Die Deutschen und die deutsche Kultur in der Geschichte von Sankt Petersburg: [Сб. по материалам конф. учащихся Школ. центра Гос. Эрмитажа, 24 мая 1997 г.]. СПб.: Гос. Эрмитаж, АО «Славия», 1997. С.94–99.
  19. Кропоткин П.А. Анархия: [Сб.] / Сост. и предисл. Р.К.Баландина. М.: Айрис-пресс, 2002. 574 с.
  20. Ларина Я. Осмысление роли образования в государственном строительстве: проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века // «Регулярная академия учреждена будет...». Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Ред. И.Федюкин, М.Лавринович. М.: Новое издательство, 2015. С.70–89.
  21. Лейбниц Г.В. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Репринт. воспроизв. изд. 1873 г. М.: Рипол Классик, 2013. 410 с.
  22. Летопись Российской Академии наук. СПб.: Наука, 2000. Т.1, 1724–1802 / Отв. ред. Н.И.Невская. 994 с.
  23. Материалы для истории русского флота Ч.3. Балтийский флот. 1702–1725. СПб.: Тип. мор. м-ва, 1866. 726 с.
  24. Межов В.И. Русская историческая библиография: указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам: за 1800–1854 вкл. СПб.: Тип. И.Н.Скороходова, 1893. Т.3. 514 с.
  25. Моисеев А. В. Развитие ремесленного образования на Урале в XVII – начале XX вв. (Историко-педагогический аспект), автореф. дисс. канд. пед. наук. Екатеринбург, 2015.
  26. Моисеев А.В., Ефанов А.В. Исследование историко-педагогического наследия отечественного ремесленного образования (онтологический, аксиологический и функциональный аспекты) // Инициативы XXI века. 2014. №4. С.80–82.
  27. Поликарпов-Орлов Ф.П. Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М.: Синодаль. тип., дек. 1704. 403 л.
  28. Посошков И.Т. Книга о скудости и о богатстве. Завещание отеческое / Сост., авт. вступит. ст. и коммент. Н.В.Козлова, Л.Н.Вдовина. М.: РОССПЭН, 2010. 591 с.
  29. Пронина И.А. Декоративное искусство в Академии художеств: Из истории русской художественной школы XVIII – первой половины XIX века (К 225-летию Академии художеств СССР). М.: Искусство, 1983. 312 с.
  30. Пронина И.А. Ломоносов и основание Академии художеств. URL: <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st009.shtml> (дата обращения: 15.02.2017).
  31. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т.5. 1713–1719. 781 с.; Т.6. 1720–1722. 818 с.; Т.7. 1723–1727. 925 с.; Т.32. 1812–1814. 1109 с.
  32. Райзберг Б. А. (и др.). Современный экономический словарь. 5-е изд. М.: Инфра М, 2007. 495 с.
  33. Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, 1747 г. // Уставы Академии наук СССР / Отв. ред. Г.К.Скрябин. М.: Наука, 1975. 206 с. С.40–61.

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ГОРОДСКОГО РЕМЕСЛА XVIII–XIX ВЕКОВ

34. Резанов В.А. Взгляд на ход портного мастерства в России и на учение крестьянских мальчиков ремеслам, в особенности портному. СПб.: Гутенберговая тип. [4], IV, 23 с.
35. Савари де Брюлон Ж. Экстракт Савариева лексикона о комерции / Пер. с фр. С.Волочков. [СПб.]: [Тип. Акад. наук], [1747]. [12], 58, 937, 52 с.
36. –Словарь Академии Российской. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1794. Ч.5. От Р до Т. [2] с., 1084 стлб.
37. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып.6 (Зипунь–Иянуарий). 360 с.; 1982. Вып.9 (М). 358 с.; 1997. Вып.22 (Раскидатися–Рященко). 298 с.
38. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т.1. Ч.2. 807 с.; Т.2. Ч.1. 851 с.; Т.3. Ч.1. 910 стб.; Ч.2. 911–1684 с.
39. Стенник Ю.В. Эстетическая мысль в России XVIII в. // XVIII век. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. Сб.15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С.37–51.
40. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 456 с.
41. Тимофеев Д.В. Методология «истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века // Новое прошлое. 2016. №4. С.155–168.
42. Тромонин К. О художестве в ремеслах. М.: Унив. тип., 1846. 32 с.
43. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополн. О.Н.Трубачева. 4-е изд. М.: Астрель – Аст, 2004. Т.2. 671 с.; Т.3. 830 с.; Т.4. 860 с.
44. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз., 1999. Т.1. 623 с.; Т.2. 560 с.
45. Шамин С.М. Россия после Петра I: реакция на преобразования в области языка (по материалам Коллегии иностранных дел) // Русский язык и литература во времени и пространстве: Сб. науч. ст. и докл. К 45-летию Гос. ин-та рус. яз. им. А.С.Пушкина. М.: Гос. ИРЯ им. А. С.Пушкина, 2011. С.180–188.
46. Экономические записки В.Н.Татищева // Исторический архив. М.; Л., 1951. Т.7. С.397–427.
47. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 15.02.2017).
48. Hahn H.-W. Zwischen Fortschritt und Krisen: die vierziger Jahre des 19. Jahrhunderts als Durchbruchphase der deutschen Industrialisierung. München: Stiftung Historisches Kolleg, 1995. 47 S.
49. Storch H. Gemälde von St. Petersburg. Riga: Johan Friedrich Hartknoch, 1794. Тl.2. 524 S.
50. Weismann E. Lexikon bipartitum latino-germanicum et germanico-latinum in quo latinitas prisca et pura ... ex probatissimis autoribus methodo perspicua explicatur. Тl. 1-2. Stuttgart: o. V., 1673. 1176 S.
51. Weismanns Petersburger Lexikon von 1731. München: Verl. Otto Sagner, 1982. (I). 394 S.; 1983. (II). 788 S.

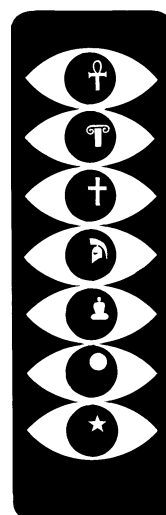
(Окончание следует)

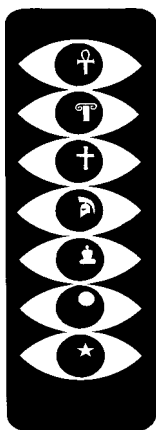
**Революционеры демонстрируют
верность делу и солидарность
лишь до тех пор,
пока им нечего делить.**

Элиас Хоу

**Дипломатия –
это длиннейший путь
из одной точки в другую.**

Адриан Декурсель

Валерий Журавлев

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЭПОХИ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА

**К СТОЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 94(47)“1917”

Люди способны оставаться самими собой (и в худших, и в лучших своих проявлениях) при любых обстоятельствах. Аксиома «интерес правит миром» остается неизменной и в приложении ее к революционным эпохам. Причем диапазон такого рода проявлений личного интереса со стороны представителей различных социальных страт и политических сил общества следует признать всеохватывающим. От потребности в духовной самореализации, далекой от мелкого и даже крупного корыстного, иного «прозаического» расчета – до осознанной установки на то, что революционная волна способна поднять «примкнувшего» к ней на другой, несравненно более высокий уровень социальной стратификации. По типу «кто был ничем, тот станет всем». Анализ структуры личных интересов, их содержания, качества, иерархии, сложного переплетения и противостояния в революционную эпоху в сравнении с периодами эволюционного развития позволяет более предметно судить о том, в какой мере революцию можно считать болезненным, но в итоге благотворным, социальным стрессом, а в какой – стадией «коллективного помешательства» отчаявшихся масс, как это сегодня стало модным декларировать.

People are capable to remain themselves (in the best as well in the worst manifestations) in any situation. The “interest rules the world” axiom remains to be hard and fast even if it is applied to revolutionary epochs. The range of such personal, private interest manifestations on the part of representatives of various social strata and political forces of the society should be recognized as all-pervading one. This range embraces a great variety of manifestations, from a requirement of spiritual self-realization which is a far cry from petty or even big selfish or other “earthly” calculation to a conscious set of assumptions aimed at a hope that the revolutionary wave can raise people who joined it to the other, higher level of social stratification, in accordance with “the last will be the first” principle. Analysis of private interests’ structure, private interests’ content, quality and hierarchy of private interests, their complex intertwining and conflict in a revolutionary period in comparison with periods of evolutionary development allows making more detailed and more correct judgments in respect of extent to which a revolution can be considered as a painful social process which finally brings salutary results and to what extent revolutions can be considered as stages of “mass insanity” of desperate masses as it is fashionable to declare nowadays.

Ключевые слова: поворотные эпохи; революция и человек; социально-психологические типы революционных эпох; личные интересы в революции.

Key words: pivotal epochs; revolution and a person; social-psychological types of revolutionary epochs; private interests in revolution.

E-mail: kaf-nnir@mgou.ru

Столетие, отделяющее нас от самого бурного, событийно и эмоционально насыщенного года в многовековой истории Отечества, – это не только юбилей, но и новая точка отсчета в восприятии и осмыслении нашего драматического прошлого. Она заставляет нас по-иному взглянуть на многие проблемы, еще вчера казавшиеся малозначительными, несущественными. В том числе переключить свое внимание от истории *внешней* к истории *внутренней*. Образно говоря, от грома пушек Петропавловской крепости, нацеленных на Зимний дворец в Октябре 1917 года, – к тишине внутреннего мира Человека революционной эпохи, в душе и голове которого тоже совершалась своя революция, шли подспудные процессы кардинального переворота в оценке и переоценке ценностей, идеалов, взглядов, социальных настроений.

В контексте вызовов современности в истолковании событий столетней давности на первый план во все большей мере выходят такие активно разрабатываемые современной социологией, политологией, гражданской и политической историей проблемы, как социально-политическая культура, социально-политическая психология, средства политики и власти, социально-политическое поведение, мораль и политика, этика социально-политическая, вера и доверие в социальных отношениях и политике, гуманистические основы социальных отношений и политики, социально-политические приоритеты и ценности, социально-политический имидж, социально-политический дискурс и некоторые другие.

В приложении к истории России конца XIX – начала XX столетия они могут выступать и как составные элементы широкого исследовательского направления, актуальной целью которого является углубленное познание социально-политической психологии активных деятелей (актеров) поворотных эпох, в том числе субъектов самореализации в революционных процессах. Тем более что начиная с 90-х годов прошлого столетия в западной, а несколько позднее и в отечественной историографии «под растущим влиянием социологии действия актер, или человек действующий, вышел из тени, в которой он находился прежде, и занял центральное место в общественных науках». Соседствуя и активно перекликаясь с модным в современной западной историографии трендом в изучении «социальности» как совокупности первичных форм коллективной жизни и социальной коммуникации под углом зрения их анализа в качестве источника и инструмента политизации общества [9, с.12, 166–167].

Проблемы политической (и добавлю – гражданской) культуры в *историческом* их аспекте в последние два с небольшим десятилетия начинают только осваиваться в отечественной историографии. Являясь, на мой взгляд, органической составной частью более широкого подхода к истори-

ческому прошлому. Подхода, который – с легкой руки основателей Школы Анналов во французской историографии (Марк Блок, Люсьен Февр) – стал называться антропологическим, предоставляя нам возможность не только рационально представить, но и эмоционально *прочувствовать* смысл и дух непосредственных событий и явлений прошлого.

Суть данного подхода, как известно, состоит в том, чтобы усматривать в Человеке главное мерило исторического процесса и исторического прогресса, а поступательное движение истории – с его неизбежными зигзагами, ожидаемыми и неожиданными поворотами – оценивать, в первую очередь, через внутренний мир погруженной в ту или иную эпоху Личности. И этим самым наглядно показать, что две исходные составляющие нашего бытия и сознания – Человек и История – взаимодействуют в неудержимом потоке времени по типу сообщающихся сосудов, когда История раскрывает себя через Человека, а Человек – через Историю.

«Интерес правит миром»

В русле очерченной выше широкой и многоаспектной тематики социально-психологической типологии деятелей поворотных эпох важное значение приобретает анализ *соотношения личных и национальных интересов*, на которые неизбежно ориентируется человек, оказавшийся в сфере притяжения революционного круговорота.

Прежде чем ставить проблему национального интереса, что может составить предмет специального внимания, необходимо разобраться с такой категорией, как *личный интерес*. Ибо последний представляет собой не что иное, как первооснову, так сказать, исходный материал, из которого история формирует в нелегкой борьбе социальных и политических сил парадигму общественного и – на конкретно-исторической основе – национального интереса.

В пору «спокойного» развития индивидуум, как правило, старается не афишировать свои сугубо личные интересы и претензии к государству и обществу в целом. В поворотные же эпохи (какую мы все, кстати, пережили в 1990-е годы) всей обстановкой крушения старых и болезненного формирования новых общественных отношений личный интерес субъекта рождения нового мира как бы «выталкивается» на авансцену, являя собой феномен своего рода «социального стриптиза». С уточнением, что одних «раздевает» само время, экстремальные жизненные условия и резко меняющиеся обстоятельства, а другие охотно – и даже демонстративно – «раздеваются» сами, выставляя миру и истории свое социально-психологическое естество.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЭПОХИ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА

Это и заставляет нас вернуться под углом зрения поставленной проблемы к анализу революционных эпох прошлого, пытаясь распознать в ткани конкретно-исторической индивидуальности и неповторимости процессов и явлений нити их определенной похожести, как бы повторяемости.

Считая себя приверженцами и даже носителями марксистской методологии (нередко упрощаемой и даже вульгаризируемой), адепты определенной, «твердокаменной» составляющей советской историографии подчас блуждали между двух сосен, будучи не в силах органически соединить исходные ее постулаты. Первый из них: *«История развивается по объективным законам, действие которых не зависит от воли и сознания отдельных лиц, классов и партий»*. Второй: *«История – это деятельность преследующего свои цели человека»*. Неспособность состыковать указанные положения в ходе анализа революционных эпох находила свое проявление, в частности, в том, что такая категория, как «личный интерес», если и вводилась в научный оборот, то лишь для характеристики мотивов поведения (конечно же, корыстных) защитников старого строя. Мотивация же действий «истинных революционеров» зиждилась на доминанте мессианского начала, что выражалось в формуле: *«Они сознательно жертвовали собой ради счастья будущих поколений»*.

Не отрицая фактора жертвенности в революции (что также требует специального изучения), хочу лишь подчеркнуть, к каким абберациям способна привести гипертрофия, и тем более абсолютизация, этого фактора. Ни одного истинно верующего христианина не могут смутить сообщения евангелистов о том, как любимый и преданнейший ученик Христа апостол Петр после данной им клятвы: «Господи! С Тобою я готов и в темницу, и на смерть идти» [6 22:33] – за одну ночь трижды, прежде чем пропел петух, отрекся от своего учителя. Затем, правда, возвратившись в свое «исходное» состояние. Попытка, пусть даже на основе самых достоверных источников, описать аналогичным образом деятельность того или иного «истинного революционера», не «запятнавшего» себя оппозиционностью, могла быть воспринята в свое время в лучшем случае как преступная неприязненность.

Между тем люди способны оставаться самими собой (и в худших, и в лучших своих проявлениях) при любых обстоятельствах. Аксиома *«интерес правит миром»* остается незыблемой и в приложении ее к революционным эпохам. Причем диапазон такого рода проявлений личного интереса со стороны представителей различных социальных страт и политических сил общества следует признать всеохватывающим. От потребности в духовной самореализации, далекой от мелкого и даже крупного корыстно-

го, иного «прозаического» расчета – до осознанной установки на то, что революционная волна способна поднять «примкнувшего» к ней на другой, несравненно более высокий уровень социальной стратификации. По типу «кто был ничем, тот станет всем».

Попытки игнорировать это обстоятельство приводят к парадоксальным результатам. Созданный официозной партийно-советской идеологией миф о непогрешимости помыслов и действий «истинных борцов за народное счастье» возымел обратный эффект, будучи активно используемым фальсификаторами истории современного поколения в их стремлении отказать событиям большевистского Октября в праве называться революцией и составной частью единого революционного процесса 1917 года, а их активным участникам – революционерами. «Большевики сами утверждали, что революционер должен быть безгрешен. Могут ли они, многогрешные, претендовать на это звание?» – такова нехитрая логика подобного рода построений.

Но дело даже не в этом. За приведенным выше частным случаем скрывается проблема более широкая и методологически значимая: *что есть революции в истории человечества?* Закономерный, исторически детерминированный, неизбежный при определенных обстоятельствах и в целом благотворный, как учит марксизм, способ решения зашедших в тупик проблем общественного развития? Или же это (по аналогии с определением, данным С.М.Соловьевым Смуте конца XVI – начала XVII вв.) болезнь «общественного тела», в котором «скопилось много дурных соков»? [10, с.377] Более того, некий генетически заложенный в организм российского социума и передающийся по наследству недуг, который к началу XX столетия подвергся модификации, приобретя черты «красной смуты» с ее «яростью загнанного в угол маленького человека»? [2, с.67]

В любом случае революции приходят и уходят, а человек (как и человечество в целом) остается. Закономерно поэтому, что в рамках многофакторного анализа данного социального феномена П.А.Сорокин в своем классическом труде «Социология революции» подходит к нему не столько с уровня констатации внешних, сугубо преходящих проявлений «коллективного бессознательного», сколько с позиций раскрытия внутренних, глубинных трансформаций сознания и поведения индивидуума, оказавшегося в зоне притяжения «роковых» событий: «Революция – это, прежде всего, определенное изменение поведения членов общества, с одной стороны, их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок, с другой» [11, с.59]. В границах этих изменений не последнее место занимает категория *интереса* – личного и общественного.

Через призму личных интересов и наклонностей конкретного индивидуума вполне можно судить с достаточной определенностью, насколько он нормален и здоров, способен ли к физическому и духовному совершенствованию или же, напротив, деградирует. Сходную методику правомерно, на мой взгляд, применить и при социально-психологическом обследовании общества в целом. Анализ структуры личных интересов, их содержания, качества, иерархии, сложного переплетения и противостояния в революционную эпоху в сравнении с периодами эволюционного развития позволит более предметно судить о том, в какой мере революцию можно считать болезненным, но в итоге благотворным социальным стрессом, а в какой – стадией «коллективного помешательства» отчаявшихся масс?

Не имея возможности в данном случае углубляться в самую конкретно-историческую ткань революционных эпох под углом зрения предлагаемой проблематики, ограничусь лишь некоторыми соображениями постановочного характера. И начну с исходного понятия.

«Личный интерес» Само слово «интерес» (от латинского *interest* – имеет значение, важное) пришло в русский язык, как утверждает В.И. Даль [3, с.47], из французского с первоначально ведущим смыслом его как аналога пользы, выгоды, прибыли, роста на деньги. Основное в XIX веке значение прилагательного «интересный» и существительного «интересант» – это «своекорыстный», «оберегающий только свои выгоды». В чем можно увидеть ответ настороженно относящейся к таким явлениям российской традиционалистской ментальности той поры с ее чертами общинной психологии и соборного типа мышления. Черты эти перешли в советскую эпоху, укрепившись и получив своеобразное истолкование, в соответствии с которым личный интерес не отождествлялся с пороком лишь в том случае, если он находился в подчиненном положении по отношению к интересу общественному. По типу популярной в свое время песни: «Раньше думай о Родине, а потом о себе».

Сформировавшееся в условиях господства коммунистического варианта социалистической идеологии понимание интереса как, прежде всего и главным образом, системы коренных запросов классов и социальных групп, их отношения к совокупности социально-политических институтов, материальных и духовных ценностей общества в целом не только растворяло частное (личный интерес) в общем (социальный интерес), затемняяло характер реальных отношений между ними, но и противопоставляло второе – первому. Была даже поставлена утопическая, но далеко не безобидная задача «формировать», в том числе в рамках «Морального кодекса

строителя коммунизма», личные интересы советского человека на основе и в зависимости от волюнтаристски провозглашаемых «общественных», но нередко – по сути своей – корпоративных интересов партийно-государственной номенклатуры.

Возвращение фактору личного интереса реального места в анализе системы общественных отношений невозможно без конкретно-исторических исследований. Если признать, что личный интерес индивидуума – это главный побудительный мотив любого его социального действия, а также перманентный энергоресурс в процессе достижения им поставленных целей, то в революционные эпохи, в пору качественных сдвигов в сферах собственности и власти он – этот интерес – приобретает особенно выпуклые, рельефные формы. Более богатым, емким становится его внутренне наполнение, более разнообразными и радикальными – пути реализации. На первый план выходит фактор достижения (или отстаивания) личного интереса одних за счет ущемления прав и интересов других.

То обстоятельство, что борьба за кардинальный передел власти и собственности выходит в пору революции (осуществляемой как «снизу», так и «сверху») за пределы существующего на тот момент правового поля, как бы обнажает, о чем уже говорилось, истинные устремления и вождения акторов революционного процесса, находящихся как по одну, так и по другую сторону баррикад. Да и сами эти баррикады сплошь и рядом могут быть условными, подвижными, прозрачными, допуская взаимное перетекание участников борьбы из одного лагеря в другой. И это объяснимо, ибо революция – не только грубый, а потому и временно эффективный способ достижения личных интересов (подчас в гипертрофированном, недоступном для «спокойных» эпох виде), но и поле формирования их новой структуры, их качественно иного баланса.

Понять исторический смысл и предназначение той или иной революции невозможно без совокупного представления о том, *кому и что* она реально дала и *у кого и что* она отняла в экономическом, социальном, политическом, духовно-нравственном, мировоззренческом и идеологическом отношениях. А это выводит нас на проблемы классификации личных интересов в отношении той или иной революционной эпохи, установления их иерархии, реального содержания и вариантов взаимодействия и противоборства.

При этом необходимо учитывать, что число людей, которые априори знают (или же абсолютно уверены в том, что знают), что им нужно в революции и от революции, относительно невелико. По приблизительным экспертным оценкам западных историков и политологов, ряды активных, сознательных борцов с монархией составляли не более одного процента

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЭПОХИ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА

населения в пору Английской революции XVII в. и не более двух–трех процентов в ходе Великой Французской революции. Вряд ли большим было и число активных и сознательных защитников незыблемости старого строя.

Что же приводит в таком случае в движение общество в целом? Острая *неудовлетворенность* значительных масс населения своим положением, обстановка *ожидания* перемен (при этом не всегда ясно – каких именно), ситуация резко возросших *надежд и иллюзий* относительно возможности быстрых, эффективных подвижек к лучшему. Субъекты, носители всех этих настроений, и составляют к началу революции «выжидающее большинство», которому еще предстоит найти или потерять себя и свой интерес в бурных и переменчивых революционных буднях.

От того, как и по каким путям пойдут эти поиски, какой эффект они дадут тем или иным социальным группам, зависят ход и результаты революционного процесса. Всякая революция отсюда – это «езда в неизвестное». Ни одному идеологу и лидеру известных нам в истории революций не удавалось предугадать ее истинных результатов, спрогнозировать ее реальные последствия.

В подходе к изучению проблемы личного интереса в революции важное значение приобретают выявление и анализ *социально-психологических типов*, отражающих в структуре и парадигме своих интересов характерные тенденции, веяния эпохи. Это большая и сложная задача. В данном случае попытаемся дать эскизные наброски главных, на наш взгляд, типов.

Убежденные революционеры Относительно узкая прослойка последовательных сторонников революционного переустройства общества на заранее определенных доктринальных основаниях. Именно они являются и заглавными носителями революционной пассионарности. Их доминирующий личный интерес – воплощение доктрины в жизнь. На неизбежных поворотах и «ухабах» революции наименее прагматичные из них все в большей степени становятся пленниками идеи, ее заложниками. Присущие их социальному поведению черты жертвенности способны эволюционизировать в фанатическое упорство в реализации идей, неадекватность которых потребностям жизни все более и более выявляется в ходе революционного и постреволюционного процесса. Такие люди идут к цели, не ограничивая себя в средствах, не останавливаясь перед жертвами и этим обрекая и себя на роль жертв уже в ходе революции (якобинцы) или в постреволюционную эпоху (большевики-ленинцы).

К доктринальной убежденности у представителей данной категории изначально могут примешиваться (а то и преобладать) интересы другого уровня и качества: от поиска романтики до удовлетворения чисто авантюристических наклонностей. С началом и в ходе революции ее жесткие реалии и резкие повороты приводят к размыванию этой категории за счет притока разношерстных конъюнктурщиков и корыстолюбцев.

Убежденные защитники старого строя

В политическом словаре – это контрреволюционеры. Они во многом являют собой зеркальное отражение черт и качеств, присущих представителям предыдущей категории. Никогда не примиряются со случившимся, видят в революции «конец света», попрание всех устоев общества и моральных норм. На восходящем этапе революции способны испытывать состояние временного шока. Но, постепенно обретая себя, идут в борьбе с революцией до конца. Не признавая компромиссов и полутонов, видят лишь один приемлемый результат своей борьбы. Это реставрация в максимально возможных масштабах и формах старых порядков, включая возвращение к власти тех, кто (как в свое время французские Бурбоны) «ничего не забыл и ничему не научился».

Именно социальная энергия указанных выше двух социально-психологических типов (включающая в себя комплекс разнородных составляющих: от силы реального социального и политического убеждения до внушения, манипулирования сознанием, зомбирования, превращения человека в послушного исполнителя чужой воли) в равной мере вносит в общество наиболее мощные импульсы ожесточения, непримиримости. При всей незначительности, как уже говорилось, доли тех и других в составе населения, их пассионарность и категоричность могут оказаться достаточными для того, чтобы острый социальный конфликт перевести на уровень гражданской войны.

Вместе с тем ориентация как революционеров, так и их принципиальных противников на те или иные социальные интересы тесно переплетается со служением определенному роду ценностей и идеалам. Это делает их большей частью натурами цельными в социально-психологическом и мировоззренческом плане. Чего не скажешь о представителях двух последующих категорий.

Незначительную, но непременно присутствующую прослойку в ряду современников эпох «бури и натиска» составляют **«злопыхатели»** – личности, потерявшие себя в дебрях разнородных, но одинаково конфликтно проявляющих себя событий и явлений быстротекущей революционной ситуации. И в силу этого исповедующие философию «чума на оба ваши

дома». Их нельзя отождествлять с представителями «третьей силы» в революции, ибо они, мысленно и гласно хороня страну заживо, не воплощают никакого действенного начала.

Что же касается представителей самой «**третьей силы**», то их социально-психологические установки являют собой конгломерат свойств и качеств акторов двух вышеупомянутых ведущих сил, схлестнувшихся в идейном и организационном противостоянии. При этом комбинация и внутренняя структура составляющих этого конгломерата подвержена весомым изменениям по мере трансформации реальной ситуации. Постоянным остается лишь стремление адептов «третьего пути» в революции к соблюдению адекватной удаленности от тех сил (в нашем национальном случае «белых» и красных»), которые составляют мейнстрим революционного и контрреволюционного противоборства.

Оборотни революционных эпох   Социальная активность их сравнима с активностью убежденных революционеров или же контрреволюционеров, но формы и цели ее реализации иные. Доминирующая ценность и личный интерес – власть как таковая со шлейфом ее многообразных атрибутов и привилегий как инструментов самореализации личности. Основная цель их кипучей деятельности – оставаться на Олимпе власти вне зависимости от ее содержания и метаморфоз.

Иногда подобную категорию деятелей называют ренегатами, что, на мой взгляд, неточно. Ибо ренегатство (от латинского *renegare* – *отрекаюсь*) предполагает отступничество, измену своим убеждениям. Оборотень же (без внесения в данный термин какого-либо нравственно-оценочного и, тем более, уничижительного смысла) ориентирован только на себя и на свой интерес к власти. В этом смысле он никому и ничему не изменяет, оставаясь верным самому себе и меняя свой облик (оборачиваясь) синхронно с изменением условий борьбы за власть. Обладая при этом такими недюжинными качествами, как способность рисковать и действовать на опережение. В утверждении основ очередного режима и в отрицании, попрании принципов предыдущего такие люди выступают с позиций «святое Папы римского».

Наличие такого рода категории способных, хватких, бесподобно мимикрирующих политиков – одна из социальных основ последующего термидорианского перерождения революционной власти. Показательный пример из истории Английской революции XVII в. дают нам политические биографии Г.Милдмея и М.Уайтокера, Великой Французской революции – Ш.Талейрана и Ж.Фуко. Последний из них, как помним, начав

карьеру в роли палача монархии и ее символа – Людовика XVI Бурбона – через цепь причудливых преобразений закончил свой «трудовой путь» верным слугой другого Бурбона – Людовика XVIII.

Значительное внимание «перевёртышам», «комбинаторам», «циникам» в революции уделяет П.А.Сорокин в упомянутом нами труде. В его трактовке это «талантливые в маневрировании циники – крупные жулики, держащие нос по ветру, хорошо чующие погоду, готовые переменить свои убеждения и взгляды в любой нужный момент, не признающие ничего святого, кроме собственного благополучия». Питирим Александрович особо подчеркивает, что среди них «нередко бывают талантливейшие специалисты своего дела. При таких свойствах большинство представителей данного типа благополучно проходит все стадии и реставрации революции. Однажды поднявшись на верхи, они остаются там навсегда. Искусно меняя свои взгляды, ловко маневрируя, обнаруживая талант в выполнении ряда функций, необходимых любой власти, эти "комбинаторы" подвергаются меньшему риску, чем представители других типов. Обычно люди этого типа вместе с военными оказываются ближайшими наследниками, а иногда и могильщиками революционных героев...» [11, с.295–296].

Сосредоточив свое внимание всего на трех типах деятелей революционных эпох (убежденных революционеров и контрреволюционеров, которые им объединяются, военных диктаторах и «циниках»), Сорокин выявляет их последовательную смену в ходе эволюции революционных процессов: «От авантюристов и фанатических идеалистов – к военным диктаторам и талантливым циническим комбинаторам – такова линия развития революции в ее фазах. Только с момента вхождения революции в русло мирной жизни люди иного психологического типа начинают восходить в командные слои».

Сопоставляя эти три типа и резко переходя при этом от присущей ему строгой аналитики к явно эмоциональным оценкам, Питирим Александрович формулирует любопытное, хотя и не бесспорное умозаключение: «Как ни неприятны люди второго и третьего типа, все же приходится предпочесть их людям первого типа: цинические комбинаторы, по крайней мере, умеют жить сами и дают жить другим, тогда как непримиримые революционеры-сектанты и сами не умеют жить и не дают жить другим. Революционный и контрреволюционный фанатизм страшнее цинизма – такова горькая истина, преподносимая историей» [11, с.297].

И в данном случае Питирима Александровича можно понять, прежде всего, как живого человека, на себе испытавшего все трагические изломы революционных событий 1917 года и еще не «остывшего» от воздействия их на собственный психологический настрой. Тем более что эти оценки

формулируются им, только что изгнанным в 1922 году из страны, по свежим следам еще не завершившегося, в сущности, революционного процесса. Напомним, что книга вышла в свет на русском языке в Чехословакии в 1923 году. «Пепел Клааса» (в унисон с легендарным Тилем Уленшпигелем) все еще продолжал стучать в сердце великого социолога.

Феномен оборотней в приложении к истории российских революций требует специального внимания и изучения в силу специфики исторических условий нашей страны. Если в предреволюционные эпохи личный интерес маргинальных элементов подобного рода социальных типов способен вылиться в феномен провокаторства (Е.Азеф, Р.Малиновский), то обстановка революции открывает им новые – несравненно более масштабные – перспективы.

Эпоха же 90-х годов прошлого столетия, если признать ее революционной (в качестве революции «сверху»), способна дать нам не один образец, приближающийся к классическим меркам. Примеры политических деятелей, снискавших репутацию верных слуг трех режимов (если использовать слова М.С.Горбачева, сказанные им в адрес А.Н.Яковлева) – режимов советского, перестроечного и постперестроечного в рамках 1990-х годов – общеизвестны.

Вспоминается шутка с очень серьезным подтекстом, которая распространялась в Париже в 1838 году: «Говорят, что Талейран умер. Интересно было бы узнать, для чего это ему понадобилось?» Действительно, оборотни – классики прагматизма. Но их прагматизм своеобразен и не находится в тесной связи с тем, приносит ли он пользу делу, которому данный актер служит на том или ином этапе своей карьеры (что далеко не исключается), или же идет во вред этому делу. Ибо прагматизм этот, замешанный на стремлении его носителя всегда оставаться на гребне изменчивой власти, целиком сфокусирован на собственном «я». Которое, впрочем, при необходимости вполне может меняться для публики на другое и третье «я».

Яркий и, главное, весьма репрезентативный пример всему этому дают нам мировоззренческие, идеологические, политические и поведенческие зигзаги, сопровождавшие карьеру вышеупомянутого А.Н.Яковлева. Своеобразный итог своих мировоззренческих, идеологических, моральных и этических «исканий», зафиксированных в ряде трудов, написанных с «глубоко нравственных позиций», он как бы подвел (незадолго до смерти) в своем выступлении на представительном международном симпозиуме в январе 2005 года: «До тех пор, пока мы по-настоящему не поймем, что у нас в 1917 г. произошла контрреволюция, что у нас 70 лет правили страной уголовники и было уголовное фашистское государство со всеми его по-

следствиями (выделено мной. – В.Ж.), мы и дальше будем жить с раздвоенным сознанием» [13, с. 18].

Оратор при этом и сам предпочел «не заметить», что продемонстрировал раздвоение и даже «растроение» собственного сознания, начисто отрекшись от своих прежних «его». В том числе целиком отбросив тот факт, что на протяжении десятилетий он не только верно и ревностно служил этому «уголовному фашистскому государству», но и выступал в роли одного из идеологов режима. Достойный итог многолетних нравственных и этических исканий!

Вместе с тем нельзя не солидаризироваться с бывшим членом Политбюро ЦК КПСС и куратором советских СМИ (а ранее – в августе 1968 г. – координатором в Праге пропагандистского обеспечения вторжения стран Варшавского Договора в Чехословакию) в следующем его утверждении: «Пока не будет более глубокого понимания истории, не будет мира в наших душах» [13, с.19].

Но что мы видим «в сухом остатке»? *Для чего (!)* понадобились оратору все эти апокалипсические декларации? В тексте выступления явно просматривается уязвленность политика и человека, удержавшегося на гребне трех волн сложного, переломного политического процесса, но оказавшегося не у дел на четвертом этапе, в реалиях России после Ельцина: «Я вот влез в эту кашу. Ну и что? Плевки, клевета, угрозы убить. Больше ничего. Одно утешение – десять лет работаю на общественных началах (SIC! – В.Ж.) председателем Комиссии по реабилитации» [14, с.14].

Поскольку симпозиум собрал в том числе «цвет» российской внесистемной оппозиции начала XXI столетия, к обиде на проигнорировавшие его новые властные структуры добавилась не такая уж и тайная надежда занять лидирующие позиции в рядах потенциальных ниспровергателей не принявшей его постельщинской власти. В функционировании которой он уже готов был усматривать «фарс, даже по сравнению с советским строем» [13, с. 16]. (напомним: «где бандитизм и вовсе стал государственной политикой» [13, с. 14], согласно авторской интерпретации).

Таков диапазон, алгоритм политического действия и метода последующего его обоснования, присущие весьма нетривиальной категории акторов, способных оставаться «в седле» – при всех поворотах и ухабах исторического процесса – «до дней последних донца».

Специалисты

Отнюдь не тождественной оборотням следует признать категорию **специалистов**, готовых работать при любом режиме (что отнюдь не адекватно – служить ему). Личный интерес специалиста – зани-

маться своим делом вне зависимости от изменений общественно-политического строя. Тем более, когда социальные функции их профессионализма претерпевают незначительные изменения (хотя социальный статус профессии может трансформироваться в ту или иную сторону). Наличие в целом индифферентного к политическим колебаниям в обществе слоя специалистов может стать при определенных условиях и фактором углубления революции, и одной из основ ее движения вспять.

В ходе Февральской революции абсолютное большинство специалистов (банковских и иных финансовых служащих, чиновников государственного аппарата в целом, инженеров, работников культуры и образования и др.) без колебаний перешло на службу Временному правительству. Определенная их часть, не примкнув к массовому антибольшевистскому «саботажу» после Октября 1917 года, продолжила свою работу и в советских госучреждениях. Трудно согласиться с П.А.Сорокиным [11, с.297], который относит таких известных деятелей, как Н.Н.Кутлер или Н.В.Некрасов, к «перевёртышам» и «циникам».

Николай Николаевич Кутлер (1859 – 1924) проделал сложный путь от крупного чиновника («правой руки» С.Ю. Витте), изгнанного из царской администрации за отстаивание принципа отчуждения части помещичьих земель в пользу крестьян. Став одним из лидеров кадетской партии (членом ее ЦК), он не принял Октября и даже финансировал бастующих чиновников ряда банков. Но в 1919 году стал сотрудничать с Советской властью, работая в качестве члена Правления Государственного банка РСФСР и одного из «отцов» знаменитой финансовой реформы 1922–1924 годов [8, с.174–175]. Оставаясь при этом строго нейтральным в идеологическом и политическом отношениях.

Николай Виссарионович Некрасов (1879–1940) – член ЦК кадетской партии, лидер ее левого крыла. Со 2 марта по 2 июля – министр путей сообщения Временного правительства. После Октября участвовал в его подпольных заседаниях. Но в 1921 году, пройдя через ряд арестов и освобождений, принял личное предложение В.И.Ленина и 10 лет отдал работе члена правления Центросоюза РСФСР и СССР. Одновременно преподавал в Московском университете и Московском институте потребкооперации. Стал жертвой сталинских репрессий. Реабилитирован. На идеологические и политические позиции нового режима никогда не переходил [8, с. 231–232].

Как видим, главным мотивом и интересом, толкавшим их и многих других, подобных им, на сотрудничество с мировоззренчески и идеологически чуждой им властью, было стремление реализовать себя как специалиста, знатока своего дела. Не больше и не меньше.

**Мученики,
страстотерпцы
революции**

Это весьма своеобразная категория представителей как революционного, так и контрреволюционного лагеря, которые воспринимают свою личную роль в событиях, свой доминирующий интерес не в борьбе за достижение конкретных целей, а в нравственном очищении, катарсисе, достигаемом посредством личных страданий. Приведем два наиболее ярких примера.

Первый – Николай II Романов. За малозначимостью, тривиальностью черт и качеств его как последнего Самодержца Всероссийского мы только в последнее время начинаем различать по-своему цельную фигуру человека, оказавшегося на высоте понимания своего нравственного долга в момент добровольного отречения от власти и в ходе последующих событий. Не столько понимая, сколько чувствуя, что он уже не в состоянии «спасти и умирить» Россию, последний Романов отошел от власти, не цепляясь судорожно за нее, но с той долей внутренней свободы и достоинства, которую от него после известных событий 1905 года, казалось, трудно было ожидать.

Достаточно вспомнить подписанный 8 марта 1917 года уже бывшим императором и Верховным Главнокомандующим Русской армией приказ №371. Документ, в котором, казалось бы, «дежурный» пафос органично переплетен с чисто человеческой искренностью: «В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые мною войска... Исполняйте же Ваш долг, защищайте доблестную нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в Ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине» [1, д.2415. л.1–2 об.].

Все это стало шоком для новой власти. Генерал-майор свиты и историограф императора Д.Н.Дубенский записал в этот день: «Немедленно после того как Государь подписал этот приказ, в Ставке была получена телеграмма от Гучкова как военного министра с воспрещением распространять этот приказ и печатать его. Таким образом о существовании прощального слова Государя к войскам не было известно даже некоторым командующим армиями» [5, с.97–98].

Сознательно самоустранившись от воздействия на последующие события, но внимательно наблюдая за ними, Николай выражал таким образом, как можно понять из его дневника, свое понимание долга в сложившихся обстоятельствах. Жесткие оценки в дневнике прозвучали лишь в отношении событий октября – ноября 1917 г.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЭПОХИ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА

---

17 ноября 1917 г., прервав традиционные описания своих ежедневных прогулок, он как бы подвел итог своему несчастливому царствованию: «Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве.

Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени».

Уже следующий день принес опальному эксценценту новый удар в виде дошедшего до него сообщения о начале переговоров большевистского правительства с Германией о заключении сепаратного мира. Комментарий его на это событие можно считать уникальным по своему эмоциональному накалу за многие годы ведения дневника: «Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнения народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны» [4, с.340].

Уникальна эта запись и тем, что впервые (и, скорее всего, единственный раз!) за все десятилетия ведения дневника – и безвозвратно ушедшего в прошлое царствования в целом – Николай употребил понятие «мнение народа».

Так постепенно и с катастрофическим запозданием от стремительно несущихся мимо него событий у «гражданина Романова» шел процесс вызревания того, что можно было бы назвать «политической культурой».

Другой пример, на этот раз из эпохи Первой русской революции: Петр Петрович Шмидт, лейтенант Черноморского флота, руководитель Севастопольского восстания 1905 года. Лучшие качества проявил в отстаивании и утверждении своей моральной правоты и бескомпромиссности в ходе самого восстания, судебного процесса и казни над ним. Являясь в определенном смысле личностью «надпартийной», позиционировал себя в качестве «беспартийного социалиста», в чем-то солидаризируясь с убеждениями и программными положениями партий кадетов, эсеров, социал-демократов, а в остальном противореча им.

В социально-психологическом плане выявил почти детскую открытость и эмоциональность в восприятии событий нараставшей революции. А также в желании и стремлении своим личным участием и под свою личную ответственность добиваться воплощения в жизнь постулатов Манифеста 17 октября 1905 г., не уступив никому «ни одной пяди завоеванных... человеческих прав». И даже свою грядущую казнь считая «очень плодотворной в смысле революционизирования России».

Эти две диаметрально различающиеся фигуры объединяет то, что и тому и другому удалось стать в час своих личных испытаний нравственным камертоном тех социальных сил, которые объективно стояли за ними.

Петр Шмидт стал страстотерпцем нарождающейся российской демократии, утверждавшей свою историческую справедливость в противопоставлении разлагающемуся абсолютистскому режиму.

Николай II же личным поведением воплотил понимание «последнего долга» теми кругами высшей российской аристократии, которые оказались способными следовать принципу «уходя – уходи». Показательно, что газета «Русское Слово», опубликовав уже 8 марта 1917 г. беседу с министром юстиции Временного правительства, завершила ее следующими словами: «Все великие князья, по словам А.Ф.Керенского, заявили, что все совершившееся признают и сделают все, что пожелает Временное правительство».

И, пожалуй, главное: в нелегкой для любого человека внутренней борьбе – в обстановке жесточайшего выбора между ценностями и интересами – два антипода эпохи революционных потрясений в России начала XX столетия (Николай и Петр) бестрепетно продемонстрировали верность своим ценностям, убеждениям и идеалам. В том, конечно, виде, как они их понимали.

Приведенные примеры убеждают: без учета подобного рода вариантов социального поведения наше понимание проблемы *соотношения личного интереса и личного долга* в революции будет неполным. Социальная значимость поступков «мучеников революционных эпох» состояла в том, что их действия выходили за пределы сложившихся жестких «правил игры»: своего самоутверждения они достигают как раз тогда, когда им удается подняться над своими личными интересами.

Как свидетельствуют факты, психология мученичества в революционные эпохи не только удел «избранных». Она становится популярной и в психологически неустойчивой части общества в целом, особенно его средних слоев, оказавшихся между жерновами социального противоборства. То есть в обстановке, когда «революционный хаос» – неперемнная составная часть (но только *часть!*) любого революционного процесса – проявляет себя, по оценке исследователя насилия в революции, «как раскрытие "варварского" человеческого естества, запрятанного под ставшей тесной оболочкой "цивилизаторского" насилия власти» [2, с. 5].

В психопатологическом варианте данный феномен составляет одну из подоснов такого характерного явления поворотных эпох, как суицид, – резкое возрастание не связанных напрямую с материальными, бытовыми, иными неурядицами самоубийств в пору обострения, резких зигзагов революционной и постреволюционной поры. Писатель-сатирик Е.Дольский в одном из фельетонов 1917 года увековечил данный психологический подтип и соответствующее ему поведение, становившиеся сво-

его рода извращенной «модой», в образе «умирающей Маруси»: «Убей меня! Я так хочу быть жертвой революции! У меня даже платье готово, я такая красивая буду лежать» [12, с.206].

Обыватель революционной поры

Большая и специальная тема – анализ такой категории, как обыватель революционной поры, под которой автор понимает (опять-таки не вкладывая оценочного, «обидного» смысла) наиболее приверженную традиции, консервативную часть общества, поднятую революцией «со дна» своего повседневного, «укорененного» по всем параметрам жизнедеятельности состояния¹ не столько по собственной воле, сколько самой революционной обстановкой.

В ходе революции обыватель нацелен в наибольшей степени не на приобретение новых социальных и материальных выгод (от которых он, конечно, не будет отказываться), но на сохранение уже имеющихся и на возврат тех, которые были потеряны им в процессе кризиса и разложения старого строя.

В фельетоне А.Бухова «Контрреволюция», увидевшем свет в 1917 году, обращается внимание именно на эту «ползучую» социальную тенденцию: «Контрреволюцией называется такое состояние общества, когда оно хочет демократическую республику с неограниченным монархом, выборную милицию с несменяемым околоточным надзирателем и полное осуществление гражданских свобод в другом государстве» [12, с.217].

В гармонии с такой позицией (а точнее с отсутствием всякой позиции) находится и «признание отставного чиновника»:

« – Я согласен на все строи от монархии до анархии, я согласен даже на такое смешение строев: чтобы вместо династии Романовых воцарился на престол Ленин и открыл бы собой новую династию, Лениных. Но при условии: я сохраняю мою пенсию и если будет раздел имущества, то мое не делится, но умножается при дележе чужого» [12, с.152].

Облик и социальное поведение обывателя – более надежная визитная карточка революции, чем социально-психологический портрет ее активного ядра. Если второй (портрет революционера) позволяет понять в той или иной мере, как, с чего и почему началась революция, то первый (облик обывателя) без утайки подскажет нам, чем она неизбежно закончится.

Ибо парадигма, реальное соотношение и исход «игры интересов» в рамках консервативной части взбаламученных революцией масс – та сила,

---

¹ Согласно трактовке В.И.Даля, обыватель – «житель на месте, всегдашний; водворенный, поселенный прочно, владелец места, дома» [3, с.47].

которая по мере своего «оседания», возвращения к традиционному укладу жизни способна опустить на грешную землю любые и горделивые замыслы, и головокружительные начинания революционных радикалов, всегда склонных считать себя «друзьями народа». А точнее – мессиями, уверовавшими в свою способность не только спрогнозировать, но и сконструировать на практике – в согласии с апокалипсическими видениями Иоанна Богослова – «новую землю и новое небо; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...» [7, 21, 1, 5].

Среднеактивный субъект революционного процесса Это еще один социально-психологический тип. Состоящая из его представителей часть общества в принципе склонна к переменам и первоначально готова (для каждого конкретного случая – в разной степени) поддерживать их. Это динамичный, но и наименее устойчивый участник событий. Он не чужд новаций, но болезненно реагирует на те из них, которые не дают ожидаемого эффекта и, тем более, хотя бы временно ухудшают его социальный и материальный статус. Этот тип людей составляет массовую базу революционного процесса на этапе его подъема. Способен резко менять ориентацию на революционных поворотах и ухабах. Обречен колебаться между революционерами и обывателями, то придавая ускорение революционному процессу, то замедляя его, а то и способствуя поражению.

Живая, многоликая действительность переломных, «судьбоносных», как модно было говорить на заре «перестройки», эпох, конечно же, никогда не укладывается в рамки ее последующих научных воспроизведений. Явления и люди – субъекты этих эпох – поддаются типологизации с немалой долей релятивности. И тем не менее...

Подводя предварительные итоги, хочется сказать следующее: Революции как «ярмарки личных интересов», как эпохи, когда пульс этого интереса бьется хотя и в лихорадочном ритме, но мощно и в итоге достаточно последовательно, где в жесткой схватке гибнут одни, нарождаются и утверждают себя другие интересы, где на смену рухнувшему балансу личных и социальных интересов в муках каждый раз рождается их новый баланс, – такие эпохи вряд ли можно отнести к категории патологических состояний общественного организма. Вопреки утверждениям некоторых из современных исследователей и «примкнувших к ним» публицистов.

Не требует специальных доказательств или опровержений тот факт, что всякая революция представляет собой крайне противоречивое, драматическое явление. И в первую очередь, как эпоха разорванного бытия и сознания. Ее «селекционная роль в области знаний и опыта», по терминологии

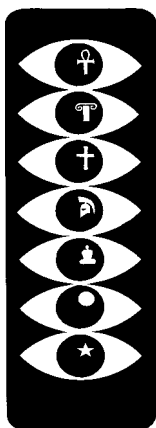
логии Питирима Сорокина, заключается в том, что она переворачивает «вверх дном» внутренний мир человека в силу «громдного разочарования в идеологиях, еще недавно бывших "святыми"». Но, наряду «с такой селекционной ролью, революция – трагическая школа жизни – содействует новаторству и обогащению в ряде областей бытия.

Исключительность событий выводит из спячки самые ленивые умы и заставляет их "шевелить мозгами", пробуждает интерес, знакомит с массой новых явлений, расширяет умственный кругозор и ведет к "открытиям"» [11, с.241–242].

Познав лишь одну сторону *противоречивой целостности* искомого явления, нельзя подойти к уяснению социальной сущности и исторического предназначения эпох «бури и натиска» в процессах российской и мировой модернизации. Не пройдя как бы повторно – вослед далеким предкам, но уже на уровне освоения опыта прошлого – тернистый путь этих разочарований и открытий, которые принесли с собой России и всему миру события 1917 года, трудно представить и понять последующую – постреволюционную и современную – жизнь нашей страны. Наше сегодняшнее бытие, мировоззрение, мироощущение и миропонимание.

Библиографический указатель

1. ГА РФ. Ф.601. Оп.1. Д.2415.
2. Булдаков Владимир. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
3. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. М.: Русский язык, 1978. Т.2. 1979. 779 с.
4. Дневники императора Николая II (1894 – 1918): в 2 томах / отв. ред. С.В.Мироненко. – М.: РОССПЭН, 2013. Т.II. Часть 2. 784 с.
5. Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России. Записки-дневники // Русская летопись. Кн.3. Париж, 1922.
6. Евангелие от Луки.
7. Откровения святого Иоанна Богослова.
8. Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В.Волобуев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. 432 с.
9. Словарь историка. Пер. с фр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 222 с.
10. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн.IV. История России с древнейших времен. Т.8. М.: Мысль, 1989. 752 с.
11. Сорокин П.А. Социология революции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 552 с.
12. Яичница всмятку или несерьёзно о серьёзном: Над кем и над чем смеялись в России в 1917 году. М.: Британский Бизнес Клуб, Российский независимый ин-т социальных и национальных проблем, 1992. 252 с.
13. Яковлев А.Н. А дальше как? // Пути России: двадцать лет перемен/ Под общ. ред. Т.Е.Ворожейкиной. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), 2005.

Валерий Любин

**«НЕИЗВЕСТНАЯ»
КОНФЕРЕНЦИЯ**

**АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ
НАКАНУНЕ ЯЛТЫ
(МАЛЬТА, 30.01 – 02.02.1945)**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(4)''1939/45''

В статье повествуется о конференции на Мальте в конце января – начале февраля 1945 г., в ходе которой английские и американские дипломаты и военные обсуждали свои планы, связанные с окончанием войны и переустройством мира. Во время встречи руководители США и Великобритании Рузвельт и Черчилль пытались согласовать общую линию по главным вопросам переговоров с возглавлявшим делегацию СССР Сталиным, которую они хотели бы отстаивать на конференции «большой тройки» в феврале 1945 г. в Ялте.

The article deals with the conference held on Malta at the end of January - early February of 1945. At the conference British and American diplomats and military discussed their plans connected with the end of war and reorganization of the world. During the meeting leaders of the US and Great Britain Roosevelt and Churchill tried to accord the common line they wished to maintain in respect of principal issues of negotiation with Stalin who was the head of the USSR delegation at the "Big Three" Yalta conference in February, 1945.

Ключевые слова: Вторая мировая война; англо-американская дипломатия; конференция на Мальте 1945 г.; Рузвельт; Черчилль.

Key words: World War II; Anglo-American diplomacy; Malta conference, 1945; Roosevelt; Churchill.

E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

«Забывтая» конференция

В наши непростые времена, когда молодежи в странах «западной цивилизации» внушают, что единственным победителем во Второй мировой войне являются США, Краков и другие города и страны Восточной Европы освободили американцы, а русские в 1945 г. сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, необходимо противопоставлять подобным фальсификациям правду о войне.

Историки Второй мировой войны уделяли и уделяют основное внимание боевым действиям на разных фронтах этой войны. Не менее важным направлением борьбы была дипломатия великих держав, союзников в совместной борьбе против гитлеровского нацизма и его вассалов в Европе и японского милитаризма в Азии. Интересны нюансы и повороты отношений между державами-союзниками – СССР, США и Великобританией, переписка их лидеров, результаты их трех совместных встреч. Однако больше было двусторонних встреч между американским и английским лидерами Ф.Д.Рузвельтом и У.Черчиллем. Об одной из них, на Мальте, и идет речь в этой статье.

В ряду конференций лидеров великих держав (СССР, США, Великобритания) в годы Второй мировой войны конференция на Мальте 30 января – 2 февраля 1945 г. занимает менее заметное место, чем известные и неплохо исследованные историками конференции в Тегеране, Ялте и Потсдаме 1943–1945 гг. В отечественной историографии ей, как правило, посвящалось лишь несколько строк или пара абзацев в тех трудах, где исследовались дипломатические встречи и противоборство периода войны 1939–1945 гг.

Сплоченные общими, во многом сходными интересами два руководителя союзных СССР великих держав президент США Ф.Д.Рузвельт и премьер-министр Великобритании У.Черчилль, ставшие во время войны, по мнению издателей книги «Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны», друзьями, сумели провести немало официальных встреч. Они обменялись более чем 1700 письмами, телеграммами и другими посланиями, более 700 было направлено Рузвельтом и более 1000 Черчиллем. В августе 1941 г., когда Америка была еще формально нейтральной, состоялась «первая из девяти конференций, на которых два руководителя скрепили свою дружбу» [5, с.5–7]. Она прошла на борту двух военных кораблей у побережья Ньюфаундленда. После того

как США вступили в войну, Черчилль несколько раз посещал Вашингтон для переговоров с Рузвельтом: в декабре 1941 г., июне 1942 г., мае и сентябре 1943 г. Оба они выезжали в Касабланку в январе 1943 г., в Квебек в августе 1943 г., в Каир и Тегеран в ноябре того же года, вновь в Квебек в сентябре 1944 г. и в Ялту в феврале 1945 г.

Авторы названной книги подсчитали, что «всего они провели вместе более 120 дней», и отметили, что «основа того успеха, которого они достигли на совещаниях, в значительной степени была заложена еще в их переписке как делового, так и личного характера». Установленный контакт «способствовал поддержанию чувства общности целей и общности планов действий даже при наличии некоторых разногласий по вопросам стратегии и тактики». И это при том, что оба руководителя по настоящему не знали друг друга ко времени начала войны [5, с. 7–8].

Заметим, что в ряду перечисленных встреч двух лидеров, сознательно или нет, пропущена конференция на Мальте в январе–феврале 1945 г. Зато не пропущена конференция в Каире в ноябре 1943 г., предварявшая встречу лидеров трех великих держав в Тегеране. Ее можно рассматривать как предшествующую Мальтийской, там была апробирована сходная методика англо-американской дипломатии [11; 6, с. 3, 11]¹.

Во Вступительной статье к сборнику архивных документов из советских архивов «Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании, 4–11 февраля 1945 г.» содержится лишь один абзац, в котором подчеркнута, что «до прибытия в Крым американская и английская делегации 30 января – 2 февраля 1945 г. провели конференцию на острове Мальта. Главной задачей этой конференции являлось определение стратегического плана союзников в Западной Европе» [7, с. 13].

Между англичанами и американцами были согласованы почти все политические вопросы, которые предполагалось обсудить на Крымской

---

¹ Каирская конференция – англо-американо-китайская встреча президента США Рузвельта, премьер-министра Великобритании Черчилля и президента Китайской Республики Чан Кайши при участии военных и дипломатических советников – состоялась накануне Тегеранской конференции. Официальное коммюнике, опубликованное в Каире 1 декабря 1943 г., свидетельствовало, что военные миссии перечисленных государств «договорились о будущих военных операциях против Японии», которые должны будут обеспечить ее капитуляцию. Наряду с выработкой военных планов конференция обсудила политические принципы, которые, по словам Рузвельта, обеспечат «мир на Дальнем Востоке для многих будущих поколений».

«НЕИЗВЕСТНАЯ» КОНФЕРЕНЦИЯ

конференции [7, с.13]. Министр иностранных дел Великобритании А.Иден в ходе совещания на Мальте 1 февраля с государственным секретарем Э.Стеттиниусом сказал: «У русских будут весьма большие требования, мы можем предложить им не очень много, но нам нужно от них очень много. Поэтому нам следует договориться о том, чтобы собрать воедино то, чего мы хотим, и все, что нам придется отдать. Это распространялось бы также и на Дальний Восток» [10, с.501].

Во время совещаний начальников штабов, ежедневно проводившихся на Мальте (лишь на последнем таком совещании 2 февраля присутствовали оба лидера – Рузвельт и Черчилль), был принят «план завершающего этапа военных действий в Германии»: нанесение удара в направлении Рура и вспомогательного в сторону Франкфурта-на-Майне – Касселя. При этом «как можно скорее, пока наступление русских на восточном фронте не завершилось полным поражением немцев» [7, с.13].

Как отмечается в двухтомнике «Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны»² [4], «29 января британская делегация в главе с Черчиллем прилетела на Мальту (кодовое название в шифропереписке союзников «Крикет»). Премьер провел следующие два дня в совещаниях со своими советниками, переписке и чтении книг. Флотилия с американской делегацией была еще в пути. Из Мальты «Аргонавты» планировали лететь в Крым отдельными авиаотрядами. Черчилль извещал Сталина о согласованной с Рузвельтом отсрочке прибытия англо-американцев в Ялту (кодовое название «Магнето»), по сравнению с ранее намеченной датой». 1 февраля британский премьер-министр отправил полученное Сталиным в тот же день «срочное, совершенно секретное и личное послание»: «Так как Президент не придет на Мальту до 2 февраля, мы не сможем прибыть в Ялту раньше 3 февраля. Однако я протелеграфирую снова, как только будет возможно указать более точное время. Мы, конечно, зависим от погоды. Мы

---

² Авторы нового издания «Переписки» – В.О.Печатнов и И.Э.Магадеев – проработали свыше 5000 засекреченных прежде документов из архивов МИДа России, Архива внешней политики, Архива Президента Российской Федерации, а также архивов Великобритании и США. Эти документы, многие из которых публикуются впервые, позволили выявить подоплеку переписки "большой тройки", ее сложный политический и психологический подтекст. Первое издание этой переписки было подготовлено к печати в 1951 г. (одновременно должны были выйти ее переводы на восемь иностранных языков, включая китайский), но она была издана лишь в 1957 г. (с переводом только на английский язык). См.: [3]. О трудной истории этого издания см.: [2;4, т.1, с.5–6, 22].

полетим в отдельных самолетах, но самолеты последуют группой. Предвкушаю встречу с Вами» [4, т.2, с.398–399].

**Ход войны в 1941–1944 гг.
и дипломатия
«большой тройки»**

Уместно, хотя бы кратко, обрисовать здесь историческую канву предшествующих событий, рассказать в том числе и о предыдущей встрече лидеров большой тройки в Тегеране,

проблемах, которые были на ней затронуты и решались в дальнейшем в своей полноте уже на конференциях в Ялте и Потсдаме.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. и последующего в течение считанных месяцев отступления Красной армии до Москвы среди западных политиков было немало скептиков, ожидавших скорого разгрома советских войск и захвата гитлеровскими войсками европейской части страны. Они считали, что СССР разделит судьбу Франции и Польши, армии которых смогли обороняться несколько недель и были наголову разгромлены вермахтом.

На советско-германском фронте действовали 260 дивизий противника, 210 из них были немецкие [6, с.8]. В планах нацистской верхушки было расчленение территории Советского Союза и ликвидация большей части населяющих его народов, прежде всего славянского населения. Генеральный план «Ост» предусматривал выселить в течение 30 лет около 31 млн. человек с территории Польши и западной части Советского Союза и поселить на эти земли около 10 млн. немцев. Оставшееся здесь местное население, около 15 млн. человек, предполагалось онемецить и сократить путем проведения «специальных мероприятий». План «Ост» продолжал уточняться немецким руководством в 1941–1942 гг. На захваченных восточных территориях предполагалось расселить «приблизительно сто миллионов представителей германской расы». В ноябре 1941 г. Геринг объявил итальянскому министру иностранных дел Чиано: «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдет; ведь некоторые народы необходимо сокращать» [12, с.276; 13, с.234–235].

Нельзя сказать, что подобные намерения Гитлера и его приспешников не были известны в Москве еще накануне войны³. Нацисты прямо

---

³ В «Дневнике» посла СССР в Англии И.М.Майского (участника Ялтинской конференции, редактировавшего там же на месте своей рукой многие ее документы) в записи от 20 января 1939 г. отмечено: «После 6-недельного перерыва видел Ванситарта. Нашел его в

заявляли о своих планах. Так, например, оберфюрер СА Б.Каше еще в 1936 г. так обозначил границы империи Германии в Евразии: «Цель будет достигнута, если за Уралом мы выйдем к линии Обь–Иртыш–Тобол, и если граница оттуда пройдет к Аральскому морю и вдоль западного побережья Каспийского моря, через южную границу Грузии, через Черное море, на Днестре и вдоль Карпат через Чехию к восточной части Австрии, вдоль южной границы на Базель, и если на севере границами будут Балтийское море, старая финская граница и Ледовитый океан. То, что на западе немецкая граница будет установлена севернее линии Базель–Бордо–Бискайский залив и достигнет открытого моря, это только вопрос времени» [13, с.235, 238].

По плану нападения на Советский Союз, получившему название план «Барбаросса», нацистские главари «разработали целый ряд документов, в которых преступления и зверства были возведены в разряд государственной политики». Распоряжения «об особой подсудности» и «об особых мероприятиях войск» от 13 мая 1941 г. предусматривали массовое уничтожение советского мирного населения; «план Ольденбург» и «Зеленая папка» Геринга предписывали правила ведения экономической войны, т.е. ограбление захваченных областей и уничтожение их промышленного потенциала; директива высшего командования

состоянии большой тревоги. Европейская ситуация, по его мнению, исключительно опасна. 1939 г. будет решающим годом (на днях то же самое мне говорил Кадоган). Гитлер и Муссолини окрылены своими успехами. Они потеряли равновесие и готовятся к диким авантюрам. В частности, Гитлер уже прямо ставит перед собой в качестве цели – мировое господство. Оба диктатора считают момент для выступления чрезвычайно удачным: они спекулируют на "дефектах вооружения" и "внутренних раздорах" в Англии и Франции, а также на "изоляционистских настроениях" и "внутреннем ослаблении" СССР. Растущие экономические трудности также толкают Гитлера и Муссолини к внешнеполитическим авантюрам. Неизбежен в близком будущем взрыв – где? Вероятнее всего, на Западе, но Востока также нельзя исключать». А в записи от 4 февраля 1939 г. сказано: «Из хорошего источника узнал, что общая установка Гитлера сводится к след[ующему]: Задача дальнего прицела – раздробление СССР и создание в его пределах ряда "независимых" государств, находящихся в "дружеских" отношениях с Германией. Однако прежде, чем приступить к реализации "этой большой и сложной задачи", Гитлер считает необходимым обеспечить свой тыл на Западе путем получения "реальных гарантий" от Англии и Франции, что они не выступят против него в то время, как он будет занят реализацией своих восточных планов» [16, кн.1, ч.1.].

вермахта (ОКВ) от 12 мая 1941 г. предписывала уничтожение советских политработников и комиссаров в войсках и т.п. [15, с.240].

Однако победа советской армии в Московской битве в декабре 1941 г., ставшая доказательством, что «непобедимая» прежде германская армия скоро окажется разбитой, изменила ситуацию. У врага была вырвана стратегическая инициатива, были созданы условия для перехода советских войск в общее наступление зимой 1941–1942 гг. Вермахт для отражения этого наступления был вынужден направить на советско-германский фронт более 40 дивизий и около 800 тыс. человек маршевого пополнения. Московская битва стала поворотным этапом в ходе войны, за которым последовали Сталинградская и Курская битвы и другие победные операции советской армии, приведшие к разгрому гитлеровской Германии [14, с.17].

«Удивительная перемена стала очевидной, – отметил Черчилль 12 декабря 1941 г. в своем обзоре положения на фронтах. – Теперь стала ясна огромная мощь русских армий», их «славная стойкость и энергия» [14, с.16]. Эти же настроения отразились в посланиях Сталину от Черчилля и Рузвельта в середине декабря 1941 г. Так, 15 декабря Черчилль написал: «Невозможно описать то чувство облегчения, с которым я каждый день узнаю о Ваших замечательных победах на русском фронте». И признавался: «Я никогда не чувствовал себя столь уверенным в исходе войны» [4, т.1, с.121]. Рузвельт еще раньше, 14 декабря, написал Сталину: «Я хочу еще раз сообщить Вам о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успеха Ваших армий в защите Вашей великой нации. Позволяю себе надеяться, что предварительные конференции, намеченные мною на ближайшую неделю, приведут к установлению более постоянной организации для планирования наших усилий. Гопкинс и я шлем Вам свои личные горячие приветы» [4, т.1, с.120].

Оба послания были получены в Кремле 16 декабря. В ответе Рузвельту 17 декабря Сталин заметил: «Разрешите поблагодарить Вас за выраженные Вами чувства по поводу успехов Советской Армии. Желая Вам успеха в борьбе против агрессии на Тихом океане. Шлю Вам и г. Гопкинсу мои личные горячие приветы» [4, т.1, с.71]. Так складывалось боевое содружество союзников. Оно укреплялось в ходе войны, но к ее окончанию его начали ослаблять остро стоявшие проблемы послевоенного устройства, когда становилось ясным, что пути расходятся.

В своем первом послании Сталину, отправленном 7 июля и полученном в Москве 8 июля 1941 г., Черчилль подчеркивал, что «храбрость и упорство русских солдат, советских солдат и народа вызывают всеобщее

восхищение. Мы сделаем все, чтобы помочь Вам, поскольку это позволят время, географические условия и наши растущие ресурсы. Чем дольше будет длиться война, тем большую помощь мы сможем предоставить» [4, т.1, с.131]. 16 декабря Черчилль написал Рузвельту: «Неудачи и потери Гитлера в России являются главным фактором в войне в настоящее время. ... Сейчас вместо быстрой и легкой победы, как сначала предполагалось, он (нацистский режим. – *В.Л.*) встретился с потрясающим зимним поражением и потерей огромного количества горючего и военного снаряжения. Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не сыграли какой-либо роли в этом событии» [14, с.16].

В послании Рузвельту 17 декабря Сталин, видимо намеренно, не называет страну-агрессора Японию, напавшую 7 декабря 1941 г. в Перл-Харборе на США, что привело к объявлению 8 декабря Америкой войны Японии. 11 декабря Германия и Италия объявили войну США. 9 декабря Китай объявил войну Германии и Италии. Рузвельт был заинтересован заполучить в войне на Тихом океане такого мощного союзника, как СССР, который, однако, связанный трудной обстановкой на фронтах войны в европейской части страны, не жаждал открывать свой второй фронт на Дальнем Востоке. СССР сохранял там крупную группировку войск, служившую сдерживающим моментом для планировавшегося японцами нападения на западного соседа. «Почти в течение целого года после нападения в Перл-Харборе Рузвельт и Черчилль были заняты, прежде всего, попытками исправить тяжелое военное положение, в котором оказались Англия и Соединенные Штаты», – констатируют авторы издания «Секретная переписка Рузвельта и Черчилля» [5, с. 71].

На протяжении 1942 г. основным корреспондентом Сталина продолжал оставаться Черчилль, стремившийся быть главным посредником в отношениях СССР с Западом. Рузвельт начинал тяготиться этим положением, пытаясь усилить контакты со Сталиным и даже предлагая ему встретиться наедине. Тайная дипломатия Рузвельта осложняла его отношения с Черчиллем, и тот утрачивал роль посредника между Москвой и Вашингтоном [4, т.1, с.118, 344]. «Особые» отношения между главами СССР и США и известное сходство позиций начали проявляться во время Тегеранской конференции и стали еще заметнее на Ялтинской конференции, ставшей для Рузвельта последней из встреч «большой тройки» 1943–1945 гг.

Как известно, главной темой переписки и переговоров лидеров трех держав стало в то время открытие второго фронта союзниками в Западной Европе. Советский Союз с самого начала Великой Отечественной

войны настаивал на этом, но встречал постоянные отказы под предлогом неготовности армий союзников начать боевые действия в Западной Европе, предположительно во Франции. Затягивание открытия второго фронта после побед советских войск в Сталинграде и на Курской дуге становилось невыгодным и самим союзникам, что видно из переписки Черчилля и Рузвельта между собой. Возможно, эта задержка побудила Сталина отозвать советских послов Литвинова и Майского, получивших популярность на Западе, и заменить их в конце войны на представителей молодого поколения А.А.Громыко и Ф.Т.Гусева.

Вопрос о втором фронте на западе Европы остро стоял и на Тегеранской конференции, собранной после длительной подготовки. Дискуссию об этом открыл на первом же заседании 28 ноября 1943 г. президент Рузвельт, сообщив, что в августе 1943 г. на англо-американской конференции в Квебеке принято решение о вторжении союзников во Францию около 1 мая 1944 г. Сталин заявил, что наилучший результат принес бы удар в Северной или Северо-Западной Франции, которая является «наиболее слабым местом Германии». В СССР рассматривали операции союзников в Средиземноморье как второстепенные, считая, что итальянский театр военных действий непригоден для наступления на Германию, так как путь закрывают Альпы.

Результатом Тегеранской конференции стало парафирование тремя сторонами военных решений, которые предусматривали проведение высадки во Франции, получившей название операции «Оверлорд», в мае 1944 г. Советская сторона обязывалась предпринять в то же время наступление своих войск, чтобы не допустить переброску войск вермахта с восточного фронта на западный. Военные штабы должны были поддерживать тесный контакт в том, что касалось предстоящих операций в Европе. СССР заявил, что вступит в войну против Японии после разгрома нацистской Германии.

На Тегеранской конференции затрагивались и некоторые проблемы послевоенного мироустройства. Их рассмотрение имело предварительный характер, оно послужило основой для важных политических соглашений, заключенных впоследствии в Ялте и Потсдаме. Советский Союз, имея в виду, прежде всего, свои собственные интересы, настаивал на создании после войны надежной системы международной безопасности. Именно с этих позиций СССР подходил к решению столь важных для него вопросов, как германский и польский. В противовес предлагавшимся западными партнерами решениям данных проблем Советский Союз выдвинул в Тегеране и продолжал отстаивать в Ялте и Потсдаме

свой подход. В Тегеране Сталиным был поставлен вопрос о передаче СССР незамерзающих портов Кенигсберга и Мемеля и части Восточной Пруссии, и союзники с этим согласились. Согласились они и с будущими очертаниями советско-финской границы, установленной по советско-финскому договору 1940 г. Были рассмотрены предложения по созданию после войны международной организации безопасности, сделаны наброски по структуре Организации Объединенных Наций. Все это способствовало оценке этой конференции как «весьма успешной», «важной вехи в прогрессе человечества» [6, с.39].

Таков был исторический фон перед Ялтинской конференцией, на который сильно влияли события на фронтах Второй мировой войны. Ясно, что к ней тщательно готовились не только советские дипломаты, вместе с высшим военным руководством составившие делегацию на эту конференцию во главе со Сталиным и собиравшиеся отстаивать свои предложения по послевоенному миру. Готовились к ней и англо-американские союзники, настроенные дать бой «дядюшке Джо» и вырвать для себя побольше уступок в тех спорных вопросах, в том числе германском и польском, которые стояли в повестке дня.

Мальтийский вариант

Почему у руководителей Великобритании и США, в первую очередь у первого из них, возникла идея «свернуть часы» и попытаться разработать общую стратегическую и тактиче-

скую линии накануне их встречи со Сталиным и делегацией СССР в Ялте? И почему для этого был выбран именно мальтийский вариант?

Начнем со второго пункта, так как на него ответить гораздо легче. Мальта в тот момент представляла собой фактически британскую колонию. Этот скалистый остров выдержал, оставшись в неприкосновенности во время Второй мировой войны, все атаки противников, для которых он был лакомым куском, так как в случае завоевания итальянцами и немцами Мальты, она могла бы стать перевалочной базой для их кораблей, доставлявших войска для сражений с англичанами в Северной Африке. В то время, когда Черчилль предложил Рузвельту встретиться там, угроза итальянской и немецкой оккупации Мальты миновала. После высадки в июле 1943 г. английских и американских войск на Сицилии и их дальнейшего продвижения вглубь материковой части в Италии рухнул фашистский режим. К власти в стране одно за другим приходили новые, демократические правительства, южная часть была освобождена,

и союзники совместно с итальянскими партизанами из движения Сопротивления перенесли боевые действия на север, где концентрировались немецкие войска. Немцам тоже было уже не до проведения операции по захвату Мальты, они заняли оборону на Севере Италии. Собравшиеся там же в так называемой республике Сало приверженцы Муссолини с помощью немцев в начале 1945 г. все еще контролировали часть северных провинций. В целом ситуация на Мальте была безопасной для устройства предложенной англичанами встречи. Черчилль собирался уговорить Рузвельта забыть разногласия и согласовать на Мальте линию, которой англо-американской дипломатии надлежало следовать в Ялте.

Теперь по второму вопросу: кому и зачем понадобилась сепаратная встреча на Мальте перед главной встречей в Ялте? Настаивал на ней, судя по документам, Черчилль. Рузвельт же, к тому же и не очень важно себя чувствующий, похоже, отнесся к этому предложению союзника с некоторой досадой. Черчиллю удалось уговорить американского президента прислать на Мальту в разгар только что начавшейся военной кампании высших американских армейских и флотских руководителей для достижения сближенных подходов с их британскими коллегами и своего госсекретаря, которому надлежало пообщаться с Иденом. Военные обменялись мнениями, и это, возможно, помогло координации действий на полях сражений в Германии. Они же выработали на Мальте стратегию и тактику будущих сражений союзников в других частях света.

Сама встреча Рузвельта с Черчиллем была первому менее интересна, так как у американской внешней политики были иные, чем у британцев и Черчилля, подходы и цели. Речь шла о том, кто будет доминировать в Европе и мире после разгрома Германии. Тут вступали в силу объективные англо-американские противоречия. Это стало более ясным на конференциях в Ялте и Потсдаме. Все клонилось к тому, что по окончании войны Британская империя в ее прежнем виде перестанет существовать. Поэтому Великобритания превращалась в теряющего свои козыри игрока на мировой арене, который под влиянием обстоятельств, т.е. выдвижения на главенствующую роль супердержав США и СССР, лишается своих доминирующих позиций в мировой политике. Хотя британцы привыкли за века господства на морях и океанах и распространения своих имперских территорий по всему свету к тому, что в их владениях «никогда не заходит солнце».

Великобритания судорожно пыталась удержать эти свои позиции как можно дольше, однако очевидно, что даже Черчилль начинал осозна-

«НЕИЗВЕСТНАЯ» КОНФЕРЕНЦИЯ

вать (но не принимать) то, что англичанам пора подвинуться и уступить первенство в «западном, демократическом» мире Америке. Он намеревался добиться того, чтобы СССР получил как можно меньше выгод после победы над Германией (впоследствии также и победы над Японией, в достижении которой Англия играла уже не столь заметную роль, как США и СССР). Разумеется, Черчилль осознавал, каких жертв стоила советскому народу победа в этой изнурительной войне с потерями многих миллионов людей и огромными разрушениями на своей территории. Возможно, это заставляло его часто признавать правоту неуступчивого Сталина, добивавшегося на конференциях «тройки» всего лишь возвращения ранее принадлежавших Российской империи земель (за исключением, пожалуй, Кенигсберга с окрестностями в качестве незамерзающего порта на Балтике). Американский и британский лидер признавались, что они ожидали от Советской России гораздо больших территориальных запросов пропорционально ее огромному вкладу в дело победы над Германией и Японией.

Рузвельт и Черчилль на Мальтийской конференции, 02.02.1945

Смысл англо-американской встречи в преддверии Ялты

Встреча на Мальте была еще одной попыткой английской дипломатии переломить ситуацию, которая была для англичан нелегкой и ранее. Сначала, в 1939–1940 гг., им пришлось в

одинокую борьбу с нацистской Германией, потом вместе с Америкой воевать с немцами на западных фронтах: в Италии, Франции, других странах. А затем, к окончанию войны в 1945 г., проводить широкомасштабное наступление уже в Германии с намерением, как уже было сказано, опередить советские войска, в это же время неумолимо приближавшиеся к немецкой столице с востока. Британия цеплялась за союз с Америкой в надежде с ее помощью как можно дольше сохранять после войны свою империю.

О военном и политическом сотрудничестве британцев и американцев и шла речь на Мальте. И если вопросы согласования военных действий американцев и англичан могли решаться по ходу событий, то к вопросам будущего устройства мира англо-американская дипломатия и сами лидеры двух стран еще нащупывали подход, стараясь не допустить ошибок, которые потом дорого бы стоили. Для двух лидеров великих держав необходимым представлялось нахождение совместной политической линии, которая могла бы не обидеть понесших огромные жертвы в войне русских, сгладить противоречия с ними и в то же время как можно лучше отстоять в ходе конференции в Крыму жизненно важные национальные интересы своих держав в послевоенном мироустройстве.

Что касается конкретного хода и значения конференции на Мальте, отметим, что во время войны события развивались столь стремительно, что к тому времени то, что рассматривалось на конференции в Тегеране, уже казалось «вчерашним днем», и в связи с приближавшимся окончанием войны на первый план выходили иные проблемы. Речь шла уже о послевоенном урегулировании, и все главные действующие лица в мировой политике задавались вопросом, на каких условиях великие державы собираются продолжить сотрудничество в наступающее мирное время, как ликвидировать последствия этой огромной войны и устроить на земле мир без войн.

Хотя война в Европе и близилась к концу, в начале 1945 г. она еще продолжалась. Задачей военачальников держав-союзниц было победоносно закончить войну в Европе. При этом добиться полного военного (и политического) разгрома и капитуляции Германии, а затем осуществления на практике идей лидеров своих стран, которые они озвучивали сначала на Тегеранской, а затем на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Одним из вопросов был тот, как при решении неотложных проблем в конце войны избежать многочисленных жертв, которые так или иначе приходилось приносить, ибо сопротивление Германии и ряда ее союзников, несмотря на их агонию, оставалось ожесточенным.

В работе Н.А.Нарочницкой [17, с.5–27] отмечено, что еще до прибытия в Крым американская и английская делегации провели 30 января – 2 февраля свою двустороннюю конференцию на острове Мальта. На ней в качестве главной задачи стояло определить стратегический план союзников в Западной Европе. Но не менее важным было обсуждение западными союзниками важных политических проблем. Встреча двух лидеров на Мальте не сняла противоречий между Великобританией и США, которые затем отчетливо проявились на Ялтинской конференции. Рузвельт был настроен на сотрудничество с Москвой. Он полагал, что СССР в отличие от Великобритании не был империалистической державой, и одним из приоритетов послевоенного урегулирования считал ликвидацию колониальной системы, замечает А.О.Наумов [18, с.30].

Американский президент, продолжает он, вел сложную дипломатическую игру. Хотя Великобритания продолжала оставаться ближайшим союзником и конфидентом США – о степени доверия свидетельствует то, что знаменитый «атомный проект» осуществлялся с ведома Лондона, но втайне от Москвы, – но советско-американское сотрудничество, на взгляд Рузвельта, позволяло осуществлять глобальное регулирование системы международных отношений в послевоенном мире. «В этой схеме "жирному британскому коту" с сохранявшейся его Британской империей Рузвельт отводил более скромное место и был на самом деле склонен использовать в этой игре советского лидера, под водительством которого Красная армия шла от победы к победе» [18, с.31].

Следует добавить, что после смерти Рузвельта занявший пост американского президента Трумэн и его окружение уже по-иному воспринимали «сотрудничество» с Советским Союзом. «Если в жизни есть что-то неизбежное, то таким неизбежным является война между США и Россией, и ее начать надо как можно раньше», – отмечалось в документе госдепартамента. В 1946 г. администрация Трумэна твердо решила – «какую бы политику ни проводила Москва, само существование Советского Союза несовместимо с американской безопасностью, и принялась по новой отсчитывать круги ада», – напоминает В.М.Фалин [19, с.37].

Накануне Мальтийской конференции Черчилль сообщил Рузвельту, что придает большое значение предварительной встрече военных руководителей их стран перед конференцией в Крыму. В последней части письма американскому президенту от 8 января 1945 г. он запрашивает его мнение о конференции в Ялте (после названия «Магнето» она получила новое кодовое обозначение «Аргонавт», связанное с легендарным путешествием древнегреческих аргонавтов в Черное море) и прогнози-

рует: «Что Вы думаете о продолжительности нашего пребывания на "Аргонaute"? Это может стать судьбоносным совещанием, проходящим в момент, когда великие союзники столь разобщены, а тень войны становится все длиннее. В настоящее время я полагаю, что конец этой войны может оказаться более разочаровывающим, чем в прошлом» [10, с.31].

Данное высказывание показательное для настроений, охвативших тогда британского руководителя. С окончанием войны наступал своего рода период неопределенности, и Черчилль уже готов был признать некоторые разочаровывающие итоги своей политики. Эту его неуверенность по окончании европейской войны уловили, вероятно, английские избиратели. Несмотря на его военные заслуги, они оказали предпочтение на выборах его конкуренту, и на Потсдамской конференции Великобританию представлял уже не У.Черчилль, а его бывший заместитель в правительстве, а затем противник, лейборист К.Эттли, ставший в результате выборов 5 июля 1945 г. премьер-министром.

Наряду с совещанием военного руководства двух государств Черчилль намеревался добиться согласия на встречу министра иностранных дел его кабинета Идена и американского госсекретаря Стеттиниуса в Египте «у пирамид или в Александрии» для предварительного обсуждения повестки дня предстоящей в Крыму конференции [10, с.31]. Такая встреча и открылась на Мальте 1 февраля. Обсуждалась прежде всего германская проблема. Иден потребовал достижения «тройного соглашения» по Германии, чтобы определить будущие экономические и политические параметры поверженной и подлежащей послевоенному восстановлению страны. Стеттиниус подчеркнул, что важно достичь, в первую очередь, согласия между США и Великобританией о зонах оккупации, так как «русские скоро могут оказаться в Берлине». Обсуждался польский вопрос, было решено противодействовать русским в вопросе признания просоветского люблинского правительства и содействовать приходу к власти в Польше лондонского эмигрантского правительства. Но из-за жесткого сопротивления Сталина и советской делегации в Ялте этот маневр англо-американской дипломатии не удался.

Рассматривался и вопрос о будущих границах послевоенного польского государства, причем была отвергнута идея признать его западную границу по линии Одер–Нейсе. Английская делегация была согласна с восточной польской границей по линии Керзона, американцы выступили за передачу полякам Львова (это также не прошло в Ялте из-за несогласия советской делегации, считавшей, что Львов должен остаться за Украиной). Рассматривалась и судьба балканских стран, в первую оче-

редь Югославии и Греции, которая затем будет обсуждаться на Ялтинской конференции. Не оставались в тени и другие крупные проблемы, касающиеся в том числе государств, находящихся далеко от Европы.

Накануне прозвучали весьма резкие ноты в ответе Сталина от 27 декабря 1944 г. на письмо Рузвельта от 16 декабря и заявление г-на Стеттиниуса, главы госдепартамента США, по польскому вопросу от 18 декабря, в которых отстаивался американо-английский подход к польским делам. Эта резкость вызвала немалую тревогу в союзных столицах. Глава Советского правительства подчеркнул, что «Польша является пограничным с Советским Союзом государством и проблема Польши неотделима от проблемы безопасности Советского Союза. К этому надо добавить, что успехи Красной армии в Польше в борьбе с немцами во многом зависят от спокойного и надежного тыла в Польше, причем Польский Национальный комитет вполне учитывает это обстоятельство, тогда как эмигрантское правительство и его подпольные агенты своими террористическими действиями создают угрозу гражданской войны в тылу Красной армии и противодействуют успехам последней» [4, т.2, с.370].

В послании прямо заявлялось, что «мы не можем мириться с таким положением, когда террористы, подстрекаемые польскими эмигрантами, убивают в Польше солдат и офицеров Красной армии, ведут преступную борьбу против освобождающих Польшу советских войск и прямо помогают нашим врагам, союзниками которых они фактически являются». Сталин требовал от союзников отказа от поддержки эмигрантского польского правительства, установления отношений с Польским Национальным комитетом и признания законным создаваемого им Временного правительства. «В противном случае я боюсь, – заключал он, – что доверие польского народа к союзным державам может ослабнуть. Я думаю, что мы не можем допустить, чтобы польский народ мог сказать, что мы отдаем интересы Польши в жертву интересам кучки польских эмигрантов в Лондоне» [4, т.2, с.369, 371].

Послание возымело действие, которого добивался Сталин. Польский вопрос был решен на Ялтинской конференции в пользу Советского Союза. В письме на имя Сталина от 29 декабря, полученном в Москве 31 декабря, Рузвельт заметил, что он «очень обеспокоен и глубоко разочарован» посланием советского лидера от 27 декабря относительно Польши и призвал в ходе ближайшей встречи «втроем» достичь решения польской проблемы. Советским представителям удалось затем не допустить реализации американского плана передачи полякам Львова и

отстоять необходимость перехода двух третей земель Восточной Пруссии к Польше и одной трети с ее столицей Кенигсбергом к СССР.

Деловые заседания на Мальте и сверка позиций начальников штабов проходили фактически ежедневно с 30 января до 2 февраля, начинаясь в 10 утра. В них принимали участие начальники штабов американской и британской армий, другие высокопоставленные военные: Дж.Маршалл, Д.Эйзенхауэр, Б.Смит, адмиралы Э.Кинг и Арнольд и другие с американской стороны, А.Брук, Ч.Портал, адмирал Э.Кэннинхэм и другие – с английской. Всесторонне обсуждались вопросы наступлений в западной части Германии, в их числе форсирования Рейна и дальнейшего продвижения англо-американских войск в западной, северной и южной частях Германии. Шла речь и о координации действий с советскими войсками, наступавшими с востока. Как известно, генерал Д.Эйзенхауэр был очень благодарен советскому военному руководству, когда советские войска по просьбе западных союзников поддержали своим наступлением его армию, которая подверглась последней отчаянной атаке немецких войск в январе 1945 г. в Арденнах и была вынуждена перейти к обороне. Он отправил теплое послание русским коллегам с восторженными похвалами, за что был одернут Маршаллом, пососоветовавшим ему впредь выбирать более сухой, официальный язык для подобного общения с русскими⁴.

22 января 1945 г., спустя два дня после его вступления в четвертый раз в должность президента США, Рузвельт отплыл из Норфолка (военно-морская база США) в Вирджинии на борту крейсера «Куинси», чтобы в последний раз встретиться с Черчиллем и Сталиным. Поскольку Черчилль настаивал на встрече на Мальте до того, как они оба встретятся со Сталиным, Рузвельт согласился сделать остановку там 2 февраля, где к нему присоединились генерал Маршалл, адмирал Кинг и госсекретарь Стеттиниус.

Встреча Рузвельта и Черчилля состоялась после прибытия американского президента за обедом на борту корабля «Куинси». На ней присутствовали с американской стороны «президент Рузвельт, г-жа Беттиджер,

---

⁴ *Интересно, что с потерпевшими поражение немцами Эйзенхауэр общался, по-видимому, по-иному. Так как его предки были эмигрантами из Германии, он хорошо знал немецкий язык (об этом мне рассказала внучка Эйзенхауэра, с которой мне удалось побеседовать во время мероприятия, проходившего в Константиновском дворце близ Санкт-Петербурга в июне 2005 г., она сожалела, что дети и внуки Эйзенхауэра уже не говорили по-немецки).*

госсекретарь Стеттиниус, г-н Бернс, адмирал флота Леги», а с английской – всего трое: «премьер-министр Черчилль, г-жа Оливер, министр иностранных дел Иден» [10, с.546]. После обеда с Черчиллем американский президент присутствовал на заседании союзного комитета начальников штабов, обсуждавшего в течение четырех дней на Мальте операции на Европейском континенте, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке. Рузвельт выразил признательность начальникам штабов за достигнутые в столь короткий срок успехи в разработке военных вопросов.

Но Рузвельт избегал политических дискуссий с Черчиллем. «Англо-американская сторона столь же плохо подготовилась к Ялтинской конференции, как раньше к Тегеранской конференции», считают издатели сборника «Секретная переписка Рузвельта и Черчилля». Это вызвало тревогу у Идена, заявившего советнику президента Гарри Гопкинсу, что «нам предстоит участвовать в конференции, имеющей решающее значение, а мы пока что не договорились ни о тех вопросах, которые будут обсуждаться, ни о том, как мы будем их решать совместно с медведем, который, конечно, будет знать, чего он хочет» [5, с.735].

«Никаких переговоров не было»

В процитированном в книге «Ялта – 45» документе из Дневника В.М.Молотова «Прием министра иностранных дел Великобритании Идена 4 февраля 1945 г. в 12 часов в

Юсуповском дворце» в самом конце зафиксировано высказывание английского министра: «Иден говорит, что никаких переговоров между американцами и англичанами на Мальте не было. Что касается премьер-министра и президента, то они только совершили поездку на автомобиле по Мальте» [1, с.46]. Вот уж поистине язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Этот ответ показывает, что союзникам было что скрывать от СССР. Отсюда следует вывод о двойной линии и двойной игре англо-американской дипломатии, пытавшейся ввести в заблуждение своего союзника в том, что на последнем этапе войны у нее якобы нет от него никаких секретов.

Большинство историков, особенно английских и американских, упоминающих в своих трудах конференцию на Мальте, делают упор на то, что это было, прежде всего, совещание военных руководителей двух союзных держав и политические вопросы были отодвинуты на второй план. Какие вопросы оказались на этой встрече главными, какое значение она имела для достижения общей линии двух держав на последую-

щих Ялтинской и Потсдамской конференциях и тем самым определения вместе с СССР основных параметров послевоенного обустройства, все еще не до конца прояснено исследователями.

Но именно на Мальте в 1945 г. при разработке общей линии англичан и американцев перед ялтинской встречей проявились тенденции ограничить, а то и вообще снять выдвигаемые СССР территориальные и прочие претензии к побежденным противникам, ослабить результаты его победы над нацистской Германией. Затем в послевоенные годы бывшие союзники искали способы, которые позволят не допустить преобладания СССР в странах Центральной и Восточной Европы.

Эти страны, занятые советскими войсками в конце войны, вошедшие затем в социалистическую систему с ее экономической и политической кооперацией и создавшие военный союз – Варшавский договор, стали для СССР своего рода «кордоном» безопасности. Западные союзники сочли это неприемлемым, хотя сами они в 1920–1930-е годы создали свой «санитарный кордон» против СССР. Как только социалистический лагерь ослаб в конце 1980-х годов, бывшие советские сателлиты, как презрительно называли их на Западе, устроив у себя «бархатные» революции и перестроив экономику на капиталистический лад, перешли на другую сторону, вступив в структуры НАТО и Евросоюза.

Выработанные на Мальте англичанами и американцами подходы были прообразом широко применяемых в послевоенные десятилетия вплоть до нынешнего времени пресловутых «двойных стандартов» стран Запада. Они используют их тогда, когда воспринимают вызовы современной международной политики как угрозу интересам своей национальной безопасности, часто понимаемой превратно и эгоистически, без учета интересов не входящих в западные военно-политические и экономические структуры государств, в том числе и таких играющих не последнюю роль в мире держав, как Россия и Китай.

Библиографический список

Документы

1. Дневник В.М.Молотова, запись от 4 февраля 1945 г. Цит по: Ялта – 45. Начертания нового мира. Документы и фотографии из личного архива Сталина. М., 2010. С.46.
2. Записка В.Молотова и А.Вышинского И.Сталину 23 сентября 1951 г. // Архив Президента Российской Федерации. АВП РФ. Ф.3. Оп.34. Д.63. Л.140–149. Цит. по: Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Москва: Просвещение, 2017. Т.1. С.5–6, 22.

«НЕИЗВЕСТНАЯ» КОНФЕРЕНЦИЯ

---

3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. Т.1. 408 с. Т.2. 704 с.
4. Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Москва: Просвещение, 2017. Т.1. 656 с. Т.2. 814 с.
5. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Под ред. Ф.Л.Лоуэнхейма, Г.Д.Лэнгли, М.Джонаса. М., 1995. 800 с.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании, 28 ноября – 1 декабря 1943 г. М., 1978. 198 с.
7. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании, 4–11 февраля 1945 г. М., 1979. 326 с.
8. Ялта – 45. Начертания нового мира. Документы и фотографии из личного архива Сталина. М., 2010. 288 с.
9. Churchill and Roosevelt: the complete correspondence. ed. by Warren F. Kimball. 3 vols. Princeton: Princeton university press, 1987. 742 p.
10. United States Department of State Foreign Relations of the United States. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. Washington, D.C., 1955. LXXVIII, 1032 p.
11. United States Department of State Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. Washington, D.C., U.S. Government Printing Office, 1961. LXXXVIII, 932 p.

Литература

12. Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. Сборник статей по истории так называемого «Дранга нах Остен» М.: Прогресс, 1965. 348 с.
13. Дашичев В.И. Европа в завоевательных планах германского фашизма // Берегиня-Сова-777. Научный журнал. Москва–Воронеж, 2014. №4 (23). С.221–238.
14. Желтиков И.С. Крах «блицкрига» // Москва. М., 1986. №12. С.3–18.
15. Лебедева Н.С. СССР и Нюрнбергский процесс // Берегиня-Сова-777. Научный журнал. Москва–Воронеж, 2014. №4 (23). С.239–254.
16. Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. В 2-х кн. Кн.1, Ч.1. 1934 – 3 сентября 1939. М.: Наука, 2006. 531 с.
17. Нарочницкая Н.А. Ялтинская конференция 1945 года и современная геополитика // Ялта – 45. Начертания нового мира. Документы и фотографии из личного архива Сталина. М., 2010. С.5–27.
18. Наумов А.О. Ялта – 1945: «большая тройка» на пути к Победе // Ялта – 45. Начертания нового мира. Документы и фотографии из личного архива Сталина. М., 2010. С.28–40.
19. Фалин В.М. К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией // Партия Вторая мировая. Кто и когда начал войну? М., 2009. С.32–101.

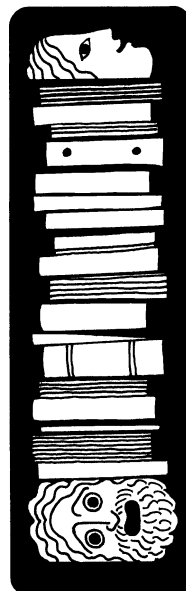
Грубые проявления прогресса
называются революциями.
Когда они кончаются,
можно заметить,
что человечество получило
хорошую встряску,
но зато подвинулось вперед.

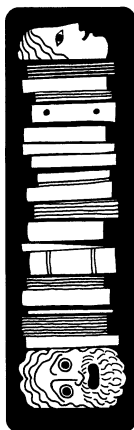
Виктор Гюго

**Революция есть догнивание
старого режима.
И нет спасения ни в том,
что начало гнить,
ни в том, что довершило гниение.**

Н.А.Бердяев

Альберт Ненароков

**«СИБИРСКИЕ
МАРКСИСТЫ»
ОБ ЭКЗАМЕНЕ
РЕВОЛЮЦИЕЙ
1905 ГОДА¹**

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
94(47) "1908–1912"

Мы продолжаем публикацию одного из тех документов времен Великой Российской революции 1917 года, которые призваны ликвидировать существенный пробел в представлениях о том, как российские социал-демократы пытались в годы, последующие за первой русской революцией, осмыслить, пусть еще невеликий, но свой собственный исторический опыт. Определить и сформулировать специфику экономического и политического развития страны, ее общественных групп, их политической культуры, объяснить неизбежность пересмотра и уточнения ряда программных представлений РСДРП.

We keep on publication one of those documents of the Great Russian revolution of 1917 that should close up a significant gap in our notions of how the Russian Social-Democrats tried to comprehend not considerable but their own historical experience in the years after the first Russian revolution, how they tried to define and enunciate particularity of Russia's economic and political development, Russian social groups, their political culture and to explain inevitability of some Russian Social Democratic Labor Party's programmatic ideas revision and refinement.

Ключевые слова: марксизм; Международное товарищество рабочих; Интернационал; большевики; меньшевики; социалисты-революционеры.

Key words:

E-mail: rgaspi@inbox.ru;

---

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2017. №2.

Прежде всего о том, кто такие «сибирские марксисты». Тем более что и о самом марксизме и его роли в истории России и мира сегодня мало кто имеет реальное представление.

Между тем для нескольких поколений представителей мировой социалистической мысли марксизм являлся символом «веры в *поступательное* (*курсив мой. – А.Н.*) движение человечества» [17, с.190]. Именно он воплощал для них «...весь исторический смысл этого движения; всю силу его оправдания, всю неотразимость его убежденности в том, что оно призвано к перестройке современного строя, что оно создатель строя грядущего» [20, с.717].

И никакие новейшие сегодняшние взгляды на марксизм и его основоположников не могут не учитывать того, что «люди определенной эпохи» имели право на свои оценки и выводы, основанные на «той действительности», которая была «доступна их наблюдению и изучению» [1, с.114].

«Сибирскими марксистами» короткое время именовали группу российских социалистов всех направлений: социал-демократов от большевиков до меньшевиков, а также социалистов-революционеров – правых, левых и центристов, сплотившихся к началу Первой мировой войны в сибирской ссылке вокруг Церетели. Деятельность этой группы сыграла значительную роль в сибирской политической ссылке, которая после поражения революции 1905 года весьма репрезентативно отражала весь спектр массового демократического движения России. За период между 1905 и 1917 гг. через Сибирь прошло более 22 тыс. политических ссыльных 39 национальностей, представлявших 34 политические партии и группировки [27, с.23].

Когда глубокой осенью 1914 года в Иркутске Церетели и его ближайшее окружение (большевики В.С.Войтинский, Н.А.Рожков, Н.Г.Чужак, меньшевики С.Л.Вайнштейн, Ю.С.Вайнберг, Ф.И.Дан, эсеры А.Р.Гоц, М.А.Веденяпин, Е.М.Тимофеев, А.А.Краковецкий и другие) задумали издавать журнал широкой демократической ориентации, к ним потянулись многочисленные единомышленники со всей Сибири.

Первый номер журнала, который издатели не мудрствуя лукаво называли «Сибирский Журнал», вышел 10 декабря 1914 года [23]. Его политическую линию определял И.Г.Церетели. Кроме него, в редакционную коллегию входили В.С.Войтинский и Н.А.Рожков.

В открывавшей номер статье «Наши задачи» Войтинский от имени издателей подчеркивал: «Мы не будем гоняться за крикливыми извес-

тиями. Мы дадим читателю лишь строго проверенные факты. И эти факты будут освещены на страницах нашего журнала не заревом военных пожаров, а факелом научного исследования. И нашей верой в то светлое будущее, к которому шла Россия. К которому шло человечество в мирные годы. И к которому мы придем через бедствия войн» [23, стб.1–2].

И действительно все статьи, помещенные в журнале, отвечали поставленной цели. Несомненно, именно поэтому его закрыли еще до Нового года. Вскоре та же участь постигла и пришедший ему на смену журнал «Сибирское Обозрение» [24], содержание которого было предопределено статьями, подготовленными для так и не состоявшегося второго номера «Сибирского Журнала».

Так уж случилось, что именно в этих не получивших продолжения изданиях, убогих с точки зрения полиграфии, неудобных для читателя по верстке и абсолютно безликих по оформлению, была предпринята наиболее яркая попытка объективного истолкования основных острейших проблем времени. Это и проблемы милитаризации государственной и общественной жизни ведущих стран мира накануне войны, характеристика разразившейся войны как величайшей в истории человечества катастрофы (статьи Войтинского «Все против всех», «Воюющая Россия»; Рожкова – «Война и хозяйство России», «Россия накануне войны»; Дана – «Две войны» – о параллелях русско-японской и первой мировой). О первых итогах десятилетнего периода развития страны после 1905 года (статья Вайнштейна «За десять лет» и его же о развитии общественных и профессиональных организаций и рабочей взаимопомощи – «Война и рабочая самопомощь» и «О формах рабочей взаимопомощи»). Вопросы межнациональных отношений (статьи Вайнберга «Национальный вопрос в Польше» и А.Я.Горнштейна «Евреи и война»). Это и данный И.Г.Церетели всесторонний и глубокий анализ кризиса, что постиг с началом мировой войны Второй Интернационал – крупнейшее массовое международное объединение рабочих партий, – который до того с более или менее переменным успехом продолжал традиции Международного товарищества трудящихся (или Международного товарищества рабочих), основанного Карлом Марксом еще в 1864 году.

Кризис этот проявился уже в первые дни крупнейшей катастрофы, постигшей мир, когда, согласно «вековым традициям патриотизма», европейская социал-демократия, включая ведущую и во многом эталонную для всех, в том числе и для русских социалистов, германскую, проголосовала за поддержку собственных правительств и выделение необходимых им военных кредитов. В отличие от тех, кто, оценивая сло-

жившуюся ситуацию крайне негативно, призывал «называть» виновных поименно, «выявлять», «обличать» и «клеймить» их, Церетели в статье «Война и Интернационал» [7, стб.44–51; статья подписана одним из псевдонимов Церетели – Квирильский; впервые републикована – 5, с.44–51] оптимистично утверждал: «Кто знаком с развитием рабочего движения, тот знает, что ошибки и промахи отдельных организаций не в состоянии извратить исторического пути пролетариата. Не усилиями отдельных руководителей, а законами исторического развития создавалось интернациональное пролетарское единение. Рост этого движения может быть временно задержан внезапным натиском таких событий, как нынешние. Но именно подобные катастрофы в своем дальнейшем развитии ярче всего демонстрируют рабочим массам невыносимость того строя, против которого направлено их общее движение. Выдержанная в начале войны правильная тактика социалистических организаций могла бы в дальнейшем ее ходе облегчить неизбежное вступление пролетарских масс в русло классового действия. Но устранить эту неизбежность не смогли бы и худшие ошибки вождей» [5, с.51].

Это заявление Церетели, как и многие другие его выводы, были во многом созвучны плану «интернациональной борьбы за мир», что выдвинул и обосновал один из патриархов российской социалистической мысли П.Б.Аксельрод [2; впервые републиковано: 16, с.98–102]. Но Церетели не мог использовать его выводов и формулировок. Он просто не успел получить те декабрьские номера ежедневной социал-демократической газеты «Голос», в которых публиковались размышления Аксельрода [4]. Она издавалась на русском языке в Париже и пользовалась такой популярностью, что даже далекий от какой-либо комплиментарщины В.И.Ленин называл ее «лучшей социалистической газетой Европы» [4, 1914, 23 и 27 октября. №№ 37 и 38; см. также: 13, с.31].

В Сибирь номера «Голоса» с материалами Аксельрода могли поступить лишь к концу января 1915 года. К тому времени Церетели успел опубликовать в «Сибирском Обзрении», сменившем «Сибирский Журнал», свою вторую статью «Демократия среди воюющей России» [8, стб.35–44, в реконструированном виде впервые републикована: [16, с.142–150]. В ней он высоко оценил заявление обеих групп социал-демократической фракции Государственной Думы четвертого созыва – большевиков и меньшевиков – от 24 июля 1914 г., в котором вся ответственность за развязанную войну возлагалась на правящие круги всех втянутых в нее стран и декларировалась невозможность «единения власти и народа» в этом вопросе. Церетели назвал это заявление «предме-

том гордости молодой рабочей демократии России». Подчеркнув, что факт этот «в годину испытания солидарности международного пролетариата, когда националистическим гулом заполнился весь мир», свидетельствует о том, что российское «рабочее представительство» в Думе, «вместе с самыми трезвыми членами великой семьи Интернационала мужественно возвысило свой голос против мировой войны» [16, с.142].

При этом особое внимание Церетели обратил на то, что свое заявление думская фракция российских социал-демократов подкрепила «конкретным действием»: выходом из зала заседаний перед голосованием проекта о связанных с войной финансовых мерах и формулы перехода с возложением ответственности за начало войны на противника. Конституруя вместе с тем определенную «выдержанность» в заявлении и поведении с.-д. фракции», он выводил ее из «особенностей в положении молодого рабочего представительства России, подчеркивая: «Ни в какой другой стране рабочее движение не находилось в таком противоречии со всем строем, нигде не приходилось ему преодолевать такие трудности в борьбе за право существования». И именно в этой борьбе росла и крепла «связь рабочего представительства с лишенной прав гражданской демократией России». Оттого «лозунг "всеобщего единения" для войны», по его мнению, звучал «для русского рабочего иначе, чем для рабочих других стран», и именно это помогло ему «сохранить трезвое отношение к событиям» [Там же].

Вместе с тем Церетели весьма резко критиковал и те крайности, которые неизбежно выявились в оценках сложившейся ситуации лидерами крупнейших фракций и групп российской социал-демократии.

Абсолютное неприятие у него вызвало следующее заявление В.И.Ленина: «При данном положении нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии» [26, 1914, 1 ноября. №33; 12, с.21].

По этому поводу Церетели заметил: «...Недавно была сделана попытка приписать части демократии взгляд, по которому она "наименьшим злом" нынешней войны будто бы считает поражение родной страны. Удивительнее всего то, что подобное желание приписано депутатам Государственной Думы, которые в декларации 26 июля перед лицом

всей страны определенно высказали свой взгляд на войну и свои пожелания» [16, с.148]. «Можно как угодно оценивать думскую декларацию социал-демократов, – заметил он, – но нельзя не видеть, что она совершенно исключает возможность желания военного разгрома России» и каких-либо призывов к нелегальной борьбе, социальной революции, готовности превратить «войну, начатую буржуазией и правительствами», в войну гражданскую, выдвигая лозунг «поражения родной страны» [Там же]. Что касается слов о «наименьшем зле», то, по мнению Церетели, они выглядят цитатой, «вырванной из неизвестного текста». И напомнил, что подобный способ аргументации «потерял убедительность» еще тогда, когда для обвинения апостола Павла в безбожии оказалось достаточным упустить часть его слов [Там же].

Все свои замечания по поводу ленинской пораженческой позиции, равно как и его попытки приписать аналогичные взгляды всей социал-демократической думской фракции, Церетели высказал в развернутом примечании к тексту, который совсем не требовал подобного комментирования. Сделано было это по двум соображениям. Во-первых, речь шла о т.н. манифесте «Война и российская социал-демократия», опубликованном в виде передовой статьи газеты «Социал-Демократ» – нелегального издания большевистского крыла российской социал-демократии. Ссылаться на нелегальное издание в легальном журнале было нельзя. Во-вторых, манифест провозглашал позицию той части российской социал-демократии, которая объединилась в январе 1912 года вокруг Центрального Комитета, избранного на фракционной Пражской конференции сторонников В.И.Ленина. И именно он был ее автором и глашатаем. Вот почему Церетели, оформляя ту часть своей статьи, где критиковал ленинские взгляды, предпочел убрать ее из основного текста, оформив ее виде самостоятельного, однако, как мы уже отмечали, ничем не мотивированного примечания.

Стараясь, с одной стороны, уйти от обвинений цензуры в использовании материалов запрещенных в России изданий, а с другой, – избежать прямого столкновения с Лениным, он все еще лелеял надежду, что, «разделенные прежними несогласиями две [социал]-д[емократических] фракции», нашедшие в себе силы выступить в Государственной Думе «воедино», явят собой «действенный символ необходимости единения рабочей демократии России перед лицом надвигающихся событий» [16, с.150].

Учитывая все вышесказанное и желая привлечь внимание к церетелиевской оценке ленинских воззрений на войну и задачи российской социал-демократии, мы при повторной републикации статьи

И.Г.Церетели «Демократия среди воюющей России» в 4-м томе много-томника «Первая мировая война в оценке современников. 1914–1918» сочли возможным и необходимым, не меняя ни одного слова и ни одной запятой в самом тексте, вернуть ее из примечания в основной корпус статьи [16, с.148].

Как попытку парализовать политику протеста против войны, представленную думской фракцией российской социал-демократии, Церетели квалифицировал и публичные заявления Г.В.Плеханова, сделанные им с началом Первой мировой войны [16, с.40–41, 75–89]. Наиболее подробно остановившись на плехановском утверждении о том, что «столкновение происходит между двумя сторонами, из которых одна является носителем более высоких начал гражданственности, чем другая», и потому «при однородности целей воюющих сторон победа первой стороны обнаружит преимущества ее более высокой культуры» [22, 1914, 2(15) октября; 16, с.40–41]. Церетели заметил: «Пусть преимущество высокой культуры на стороне государств Тройственного соглашения, взятых вместе. Можно ли быть уверенным, что в самом ходе нынешней войны это положение не нарушится?» [16, с.143].

Церетели напомнил, что «добродушный немецкий Михель первой половины прошлого века всего двумя десятилетиями отделен от пруссика 70-х годов». И сложился этот «новый облик Михеля» лишь «в результате его объединения с Бисмарком для защиты отечества от "безумного канцлера" тогдашней Франции». Ведь со стороны Пруссии ее война с Францией до окружения и разгрома в сентябре 1870 года армии Наполеона III при Седане носила оборонительный характер. Отсюда «объединение Михеля и Бисмарка». «Безумный канцлер» тогдашней Франции Тьер заключил в феврале 1871 года унижительный для Франции прелиминарный договор с Пруссией, пытаясь предотвратить выступление революционно настроенных парижских рабочих. Плачевным итогом франко-прусской войны стало подписание 10 мая 1871 года грабительского в отношении Франции Франкфуртского мирного договора. «Такой пример, – отмечал Церетели, – особенно поучителен для народов с неокрепшей гражданской культурой» и подчеркивал: «И потому задачей тех, кто дорожит интересами прогресса, является не подыскание оправданий воюющей стороны, а решительная борьба с вызванным войною всеобщим одичанием» [16, с.144–147].

Весьма негативно отнесся он и к заявлению Потресова о том, что тот единогласное голосование германской социал-демократии квалифицирует как «промах», «необъяснимую загадку» и «скверный анекдот» [3,

1914, 37/9. с.121–129; 16, с.70]. Назвав сами потресовские суждения «скверным анекдотом», расходящимся с позицией «русской с.-д. фракции», Церетели оставит без должного внимания провокационность его заявления. Между тем Потресов оказался единственным, кто в полемическом угаре не забыл вспомнить о важных международных инициативах немецкой социал-демократии предвоенного периода. Вместе с тем не забыв отметить и то обстоятельство, что, к сожалению, до конца эти инициативы были явно не осознаны самим Каутским и его единомышленниками и потому не доведены до логического завершения [16, с.71]. Лишь много месяцев спустя Церетели поймет всю точность и ценность потресовских суждений.

О том, сколь необычно широкой по охвату и тщательности анализа общественных настроений оказалась церетелиевская статья, абсолютно точно названная им «Демократия среди воюющей России», можно судить хотя бы потому, что автор не оставил без внимания и отношение к войне представителей т.н. «народнических настроений». Так он особо отметил «триумфальное шествие по органам алармистской печати» знаменитого письма П.А. Кропоткина, от 2 сентября 1914 г. [10; 3, 1914, 31 октября. №12]. Именно в нем, после вероломного вторжения Германии в пределы нейтральной Бельгии, Кропоткин призвал французов, отбросить пустые «иллюзии», предпринять «сверхчеловеческие усилия» и вооружиться всем, чтобы отстоять свое право «вдохновлять своей цивилизацией, своими идеями свободы, равенства и братства народы Европы [16, с.41]. По этому поводу Церетели с горечью констатирует: «...Самыми неумеренными в деле бряцания оружия оказались как раз те, которые до войны считались самыми крайними противниками милитаризма» [16, с.149].

Касаясь думской декларации лидера трудовиков А.Ф.Керенского [9, стб.18], Церетели отметит его заявления «об ответственности правительств европейских государств, толкнувших народы на братоубийственную войну», о том, что «страшной войны не было бы, если бы основной деятельностью правящих классов были великие идеалы демократии». И поразится тому, что, «вместо вывода о солидарном действии международной демократии на основе этих великих идеалов», декларация трудовиков завершится трафаретным призывом к решительному отпору врагу [16, с.149].

Весьма жестко охарактеризовал Церетели и «оглушающий военно-демократический барабанный бой», обрушенный на читателей статей Ник. Иорданского в «Современном Мире» [6, с.188–196]. С несказанным сарказмом он заметит по этому поводу: «Прав Н.Иорданский, обли-

чая бессмыслие тех, кто в интересах культуры пожелал бы поражения России. Победа и поражение культуры не связаны с победами и поражениями на поле брани. Но одно несомненно: если в ходе войны с Россией произойдет то, что произошло с «Современным Миром», т.е. если действительная демократическая мысль в стране превратится в игру демократическими словами, то победа и поражение России одинаково будут сопровождаться разрушением ее культуры» [16, с.148].

Именно по прочтении этой и других статей сибирских журналов Мартов поспешил сообщить Ф.И.Дану из Парижа: «Это почти историческое событие, что такие статьи появились у нас в такое проклятое время. Я [уже] писал Вам, что Павел [Аксельрод] был в восторге» [17, с.323].

Оба иркутских журнала, несмотря на незначительные тиражи, большая часть которых к тому же была конфискована, за короткое время стали известны не только во всех сибирских центрах политической ссылки, но и в центральных и окраинных губерниях России и за ее рубежом. О них одинаково в превосходной степени отзывались: меньшевик-интернационалист Б.И.Николаевский, сосланный в одно из сел Енисейской губернии [28, с.79–83], и большевик Я.М.Свердлов, отбывавший вместе с И.В.Сталиным ссылку в Туруханске [11, с.388–403]. Упомянутая нами ранее статья Ю.О.Мартова «Сибирские марксисты» в «Нашем Слове» стала неоспоримым признанием самостоятельности и значимости их позиций. Однако уже осенью 1915 года, когда после созванной в Циммервальде международной социалистической конференции группу Церетели первый раз назовут «сибирскими циммеварльдийцами», представле-

ние о приоритете их выступлений будет приглушено, а впоследствии и откровенно подправлено, да так, что задолго до наших дней окажется напрочь забытым, что не только несправедливо, но и мешает правильно понять и оценить те выводы и уроки, которые российская социал-демократия извлекла из экзамена революцией 1905 года.

И.Г.Церетели, В.С.Войтинский. Весна 1917 г.
Публикуется впервые.
Предоставлена И.П.Якобашвили

Церетели И.Г.

ЭПИЛОГ 1905-го. ЗА ЖЕЛЕЗНОЙ РЕШЕТКОЙ

По поводу тюремных очерков Вл. Войтинского

III

Будучи, несомненно, типичными представителями охваченной движением 1905-го года обывательской массы, герои «Суда победителей» в своем большинстве не являются, конечно, типичными представителями современной политической каторги.

Как ни значительно было участие разночинной демократической массы в движении 1905 г., становой хребет городского движения находился в рабочей массе. Рядом с рабочим движением в самые бурные формы вылилось крестьянское движение, и на эти слои было направлено главное внимание деятелей революции. Неудивительно, что эти слои вместе с революционной учащейся молодежью дали в момент зарождения движения наибольшее количество жертв политической каторги, в лице самых активных участников движения 1905 года.

Каковы эти деятели революции? Какие следы в их внутреннем мире оставило их прошлое участие в движении? Как отражается на них действие железной решетки?

Вот вопросы, которые занимают Войтинского в очерке «За железной решеткой».

С первых же страниц этого очерка становится ясно, что автор подходит к своей теме с совершенно иным настроением, чем в «Суде победителей». Очевидно, между писанием этих двух очерков залегло долгое время заключения, не оставшееся без следа на внутреннем мире самого автора. Здесь он не только не пытается сузить общественный смысл своего очерка, но, наоборот, склонен видеть в изображенной им жизни «за железной решеткой» яркое воспроизведение основных черт всей жизни страны в первые годы реакции.

В обоснование этого взгляда Войтинский не вдается, предоставляя изображенным им образам говорить за себя.

Оставляя пока в стороне оценку общей аналогии автора, мы остановимся на образах, давших Войтинскому повод к его сопоставлению каторги и вольной жизни. Эти образы, – самые яркие в очерке, – интересны и сами по себе, и потому, что в них автор действительно сумел отметить типичные черты влияния железной решетки, проливающие свет на многие стороны общественных настроений в первые годы революции.

Старый Аким Григорьевич и его неразлучный друг, юноша Сеня, представляют собой тип бывших с.-д., «полевевших» под действием железной решетки. Аким Григорьевич, уравновешенный старик, выдавший виды на своем веку, в 1905 году работал в партии самоотверженно и пользовался большим авторитетом в рабочей среде. Пробуждение пролетарских масс одинаково окрылило надеждами и этого старика, и юношу Сеню.

«Меня там и захватило всего, – говорит Сеня о том времени. – Как будто новым человеком стал: вот, думаю, где правда... Ведь весь наш пролетариат как один человек идет. Значит, сила не в отдельных выскоках, а в народной массе, в общей борьбе. А для общей борьбы, действительно, знания нужно больше... А потом, – заканчивает Сеня свою восторженную тираду, – все обманом оказалось».

«В том обмане было, – поясняет Аким Григорьевич это настроение, – что массу свою неверно понимали, и ей не то указывали, что нужно было. Да! Сеня полную правду сказал, как в 5-м году мы на себя смотрели и как весь рабочий класс видели. Для нас все социалисты были. А на поверку-то, поглядите, каким народ-то наш показался. Сволочь оказался, простите за выражение!» И, нарисовав картину упадка движения по тем безотрадным данным, которые проникают к нему в тюрьму, Аким Григорьевич хоронит свою веру:

«Масса всегда массой останется. Ни в чем положиться на нее нельзя никогда. И социал-демократы много вреда революции принесли тем, что в массу заставляли верить, на рабочий класс учили молиться».

За железной решеткой перед Акимом Григорьевичем и Сеней рисуется новый идеал боевой работы – террора и партизанских выступлений. Духовная связь с социал-демократией разорвана вследствие утраченной веры в массу и массовую культурную работу.

Люди, живущие за железной решеткой, под постоянным гнетом грубой физической силы, не имеющей тени морального оправдания и все же постоянно торжествующей, проникаются недоверием ко всяким иным формам работы, кроме непосредственного физического воздействия. Рушится старая идеология общественности и прокладывает себе дорогу культ грубой силы. И хотя направление нового мировоззрения определяется именно гнетом железной решетки, но в основе этого болезненного процесса лежит другая причина: разобщение Акима Григорьевича и Сени с родившей их массой. Духовный разрыв с ней в силу их собственной

оторванности от живой жизни и ввиду упадка движения в массах, на которые они полагались.

В этом же направлении, но еще дальше идет эволюция рабочих с[оциалистов]-р[еволюционеров], поддавшихся влиянию железной решетки. Типичный пример этой эволюции дан в очерке в лице рабочего Киселева, отошедшего еще до тюрьмы далеко от массы своего класса. Сопоставляя этих «полевевших» с[оциалистов]-р[еволюционер]ов с анархистами южнорусского типа автор так резюмирует мировоззрение тех и других:

«Политический террор, экономический террор, аграрный террор, мелкие и крупные, частные и казенные экспроприации, – браунинги, маузеры, парабеллумы, наганы, бомбы, адские машины, – таковы были основные понятия, которыми оперировала мысль тех и других. А еще больше сближала "полевевших" с[оциалистов]-р[еволюционер]ов с анархистами их ненависть к Государственной Думе и к парламентаризму вообще».

Насколько подобное настроение выражает отклонение от революционно-общественной культуры, превосходно выясняется в главе, носящей меткое название «Романтика кулака». Когда читаешь описанные в этой главе страстные споры между «полевевшими» политическими и уголовниками, где наперерыв друг перед другом стараются блеснуть подвигами «своих», сопоставляя, с точки зрения проявлений смелости действия революционера-террориста с подвигами какого-нибудь героя лобовской шайки или «уголовного бога»-рецидивиста, видишь воочию результаты этого культа элементарной грубой силы, опустошение революционных форм мысли и всякого общественного содержания.

И эта картина, конечно, типична не только для тюрьмы. В разгаре торжества реакции, на фоне общей политической апатии и упадка общественного движения, болезненный культ грубой силы достаточно ярко сказался и в тех эксцессах разрозненных индивидуалистических выступлений, с которыми тщетно боролись революционные политические партии, и в той полосе «пинкертоновщины»², которая охватила

² «Пинкертоновщина» – по имени главного героя американских детективных романов первых десятилетий XX века Ната Пинкертона. Несмотря на отрицательные оценки со стороны литературных критиков, произведения подобного рода были весьма популярны. В том числе и среди читателей Российской империи, особенно после поражения революции 1905 года, которое, по словам украинского писателя Михаила Брынаха [18, 5], надолго закрепило в массовом сознании культ человека действия, олицетворявшего в себе «правосудие и справедливость мгновенного действия». – А.Н.

очень широкие массы, незадолго перед тем охваченные революционным движением.

Индивидуалистические тенденции взращиваются в атмосфере железной решетки не только в формах «полевения». Психика заключенных находит и другие формы приспособления к железной решетке, выражающиеся в совершенном отказе от борьбы, в смирении перед гнетущей силой. Это – «поправевшие», по общему определению Войтинского.

Среди «поправевших» рабочих привлекает к себе внимание один необычный образ рабочего Железняк. Он навсегда порвал с революцией. Погрузившись весь в занятия, стремясь приобщиться к высшей духовной культуре во всех ее проявлениях, он томится жаждой взять от жизни все, что она в состоянии ему дать. Борьба, поглощавшая в прошлом все его силы, представляется теперь ему бесполезной тратой жизни.

«Что же из жизни я взял, – говорит он, – дыхание улицы, мастерские да наше подполье! Нет, мало мне этого. Я теперь читаю какую-нибудь книгу, хоть по биологии, хоть по геологии или по астрономии, и прямо до слез обидно становится, что прошлые годы не употреблял я на то, чтобы жить, учиться, пользоваться всем миром. Ведь мог я это сделать, а погнался за призраком»...

«Я борьбу признаю, но она только средство, а жизнь – цель. И глупо средство ставить выше цели и ценить наравне с целью. Глупо ради чего бы ни было отказаться от жизни с ее красотой»... «Ведь я мог прямым путем, ничего не дожидаясь, вступить в жизнь. А вместо этого пошел самым трудным путем... Жизнь прошла мимо меня, и я не видал ее»...

Здесь так же ярко, как и в среде «полевевших», сказалось соединение действия «железной решетки» и разобщения с классово-жизнью. Нетрудно видеть, что рабочий с таким настроением, перемещенный в обстановку жизни и борьбы родного класса, в этой борьбе увидел бы не «самый длинный и самый трудный путь» по осуществлению своих стремлений, а единственный прямой способ приобщиться к полноте жизни и проложить себе дорогу к ее высшим ценностям.

«Поправевший» крестьянин-аграрий Гаврилов – типичный представитель того слоя крестьянства, который, хотя и был вовлечен своими социальными интересами в стихийное аграрное движение 1905-го года, но не высвободился от оков старых социальных воззрений: Гаврилов был в 1905 году деятельным участником крестьянского движения, но от минувшего увлечения в душе его остался лишь горький осадок. Ту почву, на которой выросло крестьянское движение, он знает хорошо, ибо на

«СИБИРСКИЕ МАРКСИСТЫ» ОБ ЭКЗАМЕНЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 ГОДА

себе испытал и вокруг себя видел и острую нужду в земле, и помещичий гнет, и голод. Но все же движение 1905-го года он не считает крестьянским.

«Нужно, господин, и то в рассуждении взять, какое время-то тогда было. Вот и земского нашего начальника за эти же самые дела в тюрьму засадили. Из соседнего уезда двух учителей да врача казенного в Сибирь куда-то угнали. Помещика нашего, господина Малашевского, дочка за это же и теперь еще в тюрьме сидит. А образованная, в Петербурге училась! Да и все ведь господа образованные люди. Такая уж линия тогда выходила. С нашего брата, мужика, и спрашивать меньше б должны, мы ведь по дурости своей больше, по темности...»

Думы об оставлении семьи и разрушенном хозяйстве камнем лежат у него на сердце.

Виновниками своего несчастья Гаврилов, конечно, считает «ораторов». «Ораторы тоже приезжали. Я слушал, слушал: за нас, кажись, говорят. Самое для нас нужное. А вышло так, что нас же под расстрел, да под виселицу, да под каторгу подвели».

И все свои думы Гаврилов резюмирует в житейской философии, воплощающей известные заветы покорности и рабства:

«...То нужно, что живи себе человек, как умеешь. Другого не тронь, – и тебя не тронут. Смутением ты себе не поможешь. Хоть как там, – а живи».

Трудно решить, что больше сказалось в настроении Гаврилова – следы ли железной решетки тюрьмы или чувства, на протяжении веков возвращенные в крестьянстве железным крепостническим гнетом.

Среди других примеров разрушительного влияния железной решетки на внутренний мир пробужденных 5-м годом к общественной жизни масовиков-политиков привлекают к себе внимание два наиболее ярких образа: анархисты Самуил и Матвей.

В моральном отношении они прямо противоположны друг другу, но одинаково ярко отразили губительное действие железной решетки, т.к. элементы анархического индивидуализма развились в них еще до тюрьмы.

«Полевевший» в тюрьмах анархист Самуил – по социальному положению интеллигент, из т.н. «вечных экстернов». Этот «долговязый, невзрачный юноша, с довольно скудным запасом знаний, но самоуверенный и своеобразно красноречивый», является воплощением той интеллигентской разнузданности и индивидуалистического культа, которые пышным цветом расцвели и на воле в первые годы реакции.

Поразительно ярко передан образ Самуила в его спорах со студентом-анархистом Ефимом, который легко теряется под натиском индивидуалистических аргументов самоуверенного юноши. Разделаться с программами, общественными процессами, общеизвестными идеалами и пр. во имя самоценного «Я», конечно, ничего не стоит этому «полевешему» представителю упадочной тюремной психологии. Его девиз – «никаких цепей, никаких ограничений», «свобода» личности от принципов, от морали, от всех «мещанских предрассудков», что и приводит Самуила к оправданию изнасилований и тому подобных проявлений «свободы».

С такой философией Самуил очень быстро катится вниз по наклонной плоскости и кончает вступлением в «коммуну» уголовников-«иванов».

Последний яркий образ «поправешего» анархиста–безмотивника Матвея как бы олицетворяет собой полосу идейных самоубийств надломившихся в борьбе натур, не вынесших зрелища кровавого торжества реакции и одинаково кончивших как «за железной решеткой», так и на воле.

Кристалльно чистый, пораженный бездной зла, царящего в мире, Матвей потому примкнул к самому нелепому течению русского анархизма, что оно показалось ему самым высоким в нравственном отношении. Не берясь судить никого, применять безличный террор к обществу, выбирая жертвы наугад, – вот в чем выразилась деятельность Матвея на воле. В этой деятельности уже сказалась ненормальная восприимчивость и болезненное направление воли. Призрак погибших в бесплодной борьбе товарищей мучительно сверлит его мозг за железной решеткой, зрелище ежедневных казней и убиений в тюрьме надламывает его разум, и им постепенно овладевает мистическое помешательство с галлюцинациями и бредом.

«Зло в мире вечно, так как владыка мира сатана, – пишет перед смертью Матвей. – И он вызывает людей на борьбу с собой. Только для пытки. Хохотом вызывает их вперед, и хохочет, когда они гибнут. Ведь бороться можно двумя оружиями! Любовью и насилием. Любовь – это оружие Христа. А насилие – оружие сатаны. И когда мы слышим хохот сатаны, мы как безумные хватаемся за оружие сатаны. А сатана хохочет, видя наше безумие. Мы же с оружием сатаны бросаемся на владыку мира, на князя насилия, и гибнем. И тогда опять хохочет сатана. И хохот его пробуждает новых борцов. Лучшие юноши и девушки идут на борьбу,

«СИБИРСКИЕ МАРКСИСТЫ» ОБ ЭКЗАМЕНЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 ГОДА

и все гибнут, так что земля не успевает впитывать кровь и принимать трупы. А хохот сатаны над землей с каждым днем становится громче и громче. И скоро он заглушает все звуки...»

Матвей, приговоренный к смертной казни, всходит на виселицу христианином–непротивленцем. Этим трагическим образом человека, искалеченного жизнью и жестоко добитого «железной решеткой», заканчивается длинный ряд людей, в различных формах отразивших всем своим внутренним лицом болезненное влияние железной решетки.

В самом факте многочисленности этики болезненных процессов в среде современной политической каторги сказалась печать массового характера движения 1905-го года. Политическая культура не успела наложить на всю массу политиков того неизгладимого отпечатка, который дается лишь длительным участием в политической борьбе. Поэтому во многих случаях гнетущее влияние железной решетки не находит здесь противовеса в прочно сложившейся психологии политического борца.

Но, рисуя эти случаи морального приспособления к железной решетке, а подчас и моральной смерти, Войтинский не думает, конечно, объ-являть их общим явлением для всей современной политической каторги.

Выхваченные из самых революционных слоев населения, как наиболее активные участники движения, политические каторжане в большинстве действительно являются цветом революционного движения. Это не та обывательская масса, которая изображена в «Суде победителей». На воле почти все они примыкали к той или другой революционной партии. В них слишком сильны следы глубоких переживаний 5-го года и связь с традициями революции, чтобы в своем большинстве поддаться тем болезненным влияниям, жертвы которых прошли перед нами.

Войтинский много раз предупреждает об этом. Он знает, что яркие картины извращенной политической психики могут создать неверное представление в читателях, заслоняя от них внутренний мир «уцелевших». Он борется с возможностью этого ошибочного впечатления. Но оно не рассеивается ни предупреждениями автора, ни изображением самих «уцелевших» в особой главе, в конце очерка. Образы «опустившихся» заслоняют собой «уцелевших» не только в глазах читателя, но в еще большей степени и в глазах самого автора.

Чтобы понять причину этого, надо присмотреться к самим «уцелевшим», для положения которых на воле уже нельзя отыскать аналога даже в самые мрачные годы реакции.

«Уцелевшие» – это оставшиеся верными своим идеалам и именно в силу этого обреченные за железной решеткой застыть в бездействии. Жить в атмосфере постоянных казней и расстрелов, наблюдать в среде своих товарищей явления духовного упадка и разложения, не имея возможности противостоять этому упадку, – вот тот беспросветный мир, в котором долгие годы осуждений жили «уцелевшие». Лишь в момент трагических конфликтов, перед лицом смерти, открывается для них возможность распрямиться душой, выразить волю в действии, хотя бы это действие состояло в мужественном восхождении на эшафот. Так распрямился душой Клименко в «Суде победителей».

Но те, которые уцелели от эшафота или расстрелов, обречены лишь пассивно воспринимать все гнетущие впечатления. «Полевевшие» или «поправевшие» живут гораздо более полной и яркой жизнью. Те реагируют на окружающие условия своим внутренним миром, приспособляясь к железной решетке. В них происходит внутренняя работа, полная нездоровых зачатков и ненормальных уклонов, но заполняющая их мир новыми переживаниями.

В среде «уцелевших» – картина угнетения всех живых сил души, понижение общей жизнедеятельности. «Ничто уже не действовало на ум так сильно как прежде, – говорит Войтинский, характеризуя это состояние. – Не оставалось сил для негодования, ни для презрения. Умирили в груди все чувства, все желания. Не оставалось ни желание выйти на волю, ни желание жить. Пусть идет все так, как идет. Только бы скорее конец! Это было состояние полной апатии».

И с воли проникают лишь безотрадные вести. Там жизнь как будто ушла куда-то в сторону от всех тех вопросов, которые волновали ее в период революции. Полное отчуждение этой жизни, поскольку о ней проникают вести в тюрьму, от интересов и идеалов общественного движения, обрывает связь «уцелевших» с жизнью. Лишь вести об унижениях близких людей, о заброшенности их и тяжелых ударах, сыплющихся на них, проникают в тюрьму. Впечатления «железной решетки» и этих вестей сливаются в одну картину, и вся жизнь превращается в беспросветное прозябание, ужасное своим однообразием.

И Войтинский в последней главе не дает уже ярких образов. Не в чем проявиться отдельным индивидуальностям при такой мертвенной жизни. Ужас этой мертвенности обрисован вполне, и заключительная сцена, встреча нового года, во время которой участники находят лишь одно

желание в груди – не дожить до следующего года, хорошо резюмирует эту главу, самую беспросветную во всем очерке.

Мы уже упоминали, что следы этого безнадежного настроения очень сильно сказываются на самом Войтинском. Окидывая общим взглядом жизнь современной каторги, он склонен выделить в ней отображение основных черт всей жизни страны в годы реакции.

«По мере того, – говорит Войтинский, – как знакомился я с печальными проявлениями духовной жизни в России за последние годы, все больше и больше убеждался в том, что жизнь на воле не так уж резко отличалась за все это время от нашей жизни в тюрьме... В годы реакции, подавляющей всякое движение свободной мысли, каждое стремление вольного духа, вся жизнь становится подобна тюрьме. И в вольной жизни естественно развиваются те же самые уродливые течения, которые характерны для душной тюремной атмосферы. В это время тюрьма, действительно, была наиболее ярким, наиболее полным выражением своеобразных условий русской действительности. Известные психологические изменения, зависевшие от гнета железной решетки, происходили в эти годы повсюду: и на воле, и в тюрьме. Но на воле они происходили сравнительно медленно и резкость их скрадывалась множеством входящих обстоятельств. А в тюрьме, где острые прутья железной решетки впивались в тело людей всего глубже, всего болезненнее, в тюрьме эти процессы происходили в наиболее удобной для наблюдения форме».

Эта аналогия между жизнью и каторгой знакома русскому читателю. С тех пор, как проснулась общественная мысль в России, она много раз символизировала жизнь родной страны в образе тюрьмы и железной решетки, ибо эта жизнь всегда ярко отражала и продолжает отражать следы векового гнета, определяющего многие черты общественных и народных настроений. К этой же аналогии общественная мысль обратилась снова, как только кратковременный бурный период «дней свободы» сменился старыми железными тисками реакции. Достаточно вспомнить, что в это время самой мобильной широкой читательской массе художник в образе «железной решетки» пытался символизировать не только русскую жизнь дней реакции, но и всю общественную жизнь вообще.

С попыткой последнего рода аналогия Войтинского, конечно, не может быть поставлена рядом. Но принцип общественности – сравнивать их с тюрьмой, а жизнь страны под гнетом железной решетки. И эта аналогия с первого взгляда кажется правильной: уже из сделанного нами

беглого сопоставления очерченных Войтинским тюремных образов с явлениями жизни видно, как много сходных черт в той и другой жизни. Разочарование в политике, массовое бегство из революционных партий, индивидуалистическое «поправление» и «полевение», отчаяние, ренегатство и предательство – разве все это не в тех же почти формах давало себя знать на воле, как и за тюремной решеткой, в среде надломившейся части заключенных? И рядом с этим как ярко были на воле проявления упадочного интеллигентского индивидуализма – разнузданность низменных страстей, грязные волны порнографии, залившие русскую литературу. Реакция, сменившая бурный подъем революции, и в стране дала тот же выход напряженным предыдущим подъемам страстям, что и за железной решеткой.

И все же Войтинский глубоко неправ со своей аналогией: из-за железной решетки он не смог увидеть того главного, что отличало жизнь страны даже в самые мрачные годы реакции от жизни за железной решеткой.

Когда перед русским читающим миром впервые появилось изображение жизни каторги в «Записках из мертвого дома», произведение Достоевского было отмечено критикой и составило эпоху в литературе того времени не столько вследствие удивительной художественной силы образов, сколько благодаря тому общественному содержанию, которое вкладывалось в эти образы читателями того времени. Пробужденное в эту эпоху поколение впервые окинуло критическим взглядом кошмарную полосу николаевского режима и в ней увидело объяснение типичных черт русской общественности, ставших преградой коренному обновлению страны. Без малейшей натяжки мог Писарев сопоставлять режим «мертвого дома» со школьным режимом, предназначенным для воспитания целых поколений разночинной интеллигенции, отличая в этой последней области большую тяжесть губящего духовные силы гнета. А знаменитое «Темное царство» Добролюбова, написанное вне связи с произведением Достоевского, является тем не менее как бы публицистическим комментарием к «Мертвому дому». До такой степени резко выдвинута в этой статье основная идея: найти ключ к объяснению общественной психологии в России в гнете грубой силы. Силы, превратившей страну в одну огромную тюрьму, и проследить влияние этого гнета во всех проявлениях русской общественной жизни.

То было время, когда передовая мысль напряженно искала в жизни ту реальную общественную силу, которая могла бы разбить «железную»

решетку страны. Юноша-гений, написавший «Темное царство», – лучшее олицетворение той эпохи – сгорел жертвой неутоленной гражданской страсти: найти в жизни признанного носителя революционных идеалов, уловить появление общественной силы, способной пересоздать жизнь «темного царства» на новых началах. И его обреченные на неудачу попытки найти «луч света» то в образе крестьянской массы с ее стихийным проявлением недовольства, то в образе нарождающегося поколения революционной интеллигенции, способной подготовить для России «настоящий день», были характерны для той и всей последующей народнической эпохи, отмеченной трагической чертой – отсутствием реальной силы, способной воплотить в жизнь идеалы освобождения.

Никогда русская интеллигенция не была так крепка своей сплоченностью и верой в собственные силы, но вместе с тем никогда не была обречена на такую изолированность и оторванность от народной жизни, как в это время. Естественно, что в эту эпоху мысль часто возвращалась к «железной решетке» как символу всей жизни страны.

Но железная решетка, охватившая жизнь страны, может всецело окрасить ее собой лишь в одном случае: когда внутри, в народных массах, нет проявлений роста новой жизни, несущей начала коренного обновления. Ибо весь ужас железной решетки не в том, что она взращивает болезненные процессы, а в том, что одновременно она убивает все живые силы, не поддающиеся ее влиянию, заглушает все, что не приспособилось к ней. В этом выражалась идея каторги, описанной Войтинским, в этом трагедия положения «уцелевших».

И именно поэтому сопоставлять жизнь современной России, хотя бы в самые мрачные годы реакции, с беспросветным мертвым царством каторги может лишь узник, отрезанный от живой жизни, не чувствующий биения ее пульса.

В революции 5-го года новые развивающиеся силы по всей линии столкнулись со старым строем. Во главе этого движения стоял пролетариат – тот самый класс, который впервые прорезал «темное царство» старой России долгожданным «лучом света», предвестником освобождения страны. Своим появлением на общественной арене он возвестил выход из мертвого круга, обнаружив процесс развития новых социальных сил в недрах старой, казавшейся безнадежно инертной России. И свою историческую миссию выполнял он, когда в 5-м году впервые двинул всю новую Россию против векового гнета железной решетки.

Это первое столкновение новой и старой России закончилось победой старого строя. Но реакция не могла отбросить назад страну, не могла приостановить развития тех сил, которыми держится вся жизнь государства. Под слоем болезненных процессов, вызванных торжеством реакции, жизнь не остановилась. И во всех направлениях продолжали развиваться ростки новой здоровой общественности, которые в наши дни уже начинают с властной силой вновь пробиваться наружу. Чтобы видеть их формирование, чувствовать их значение в сравнении с явлениями разложения и упадка, надо было непосредственно наблюдать жизнь, вглядываться в ее странные процессы с той же чуткостью, с какой вглядывался Войтинский в жизнь окружающего его мира каторги.

Именно в рабочей среде, привлекающей особенное внимание Войтинского, эти здоровые процессы развития совершались с особенной силой. Пролетариат как бы почувствовал, в чем была слабость его первого массового выступления на арене политической борьбы. Как следствие 5-го года в глубине жизни рабочего класса началось формирование широкого слоя рабочей интеллигенции. По внешности этот процесс в первое время тоже казался результатом упадка общественных стремлений. Культурные начинания в рабочей среде как будто воспроизводили в широком масштабе то самое настроение, которое изображено Войтинским в образе «поправевшего» Железняка. Иногда эти начинания и в самом деле переплетались с аполитическими настроениями в массах. Но стремление приобщиться к культуре и к высшим ценностям жизни есть выражение роста классовой силы и с неизбежностью приводит к усилению политической действенности класса. Только оторванность от классовой среды пролетария может оторвать его от идеалов борьбы.

Именно эти результаты уже сказываются во вновь пробудившемся рабочем движении. На наших глазах класс выдвигает из своей среды многочисленную, все резче формирующуюся рабочую интеллигенцию, становящуюся во главе нового подъема движения своего класса. И этот подъем, отмеченный ростом сознательности и всестороннего участия класса во всех проявлениях общественной жизни, уже стал вновь окрашивать собой всю политическую жизнь, пробуждая к борьбе и другие классы.

Результаты здорового роста в этих других слоях еще не сказались с такой очевидностью на арене политической жизни. Но, что развитие не остановилось и там, об этом свидетельствует все усиливающееся общее недовольство реакцией в широких кругах буржуазии вплоть до основных

промышленных ее слоев. Политическая жизнь все яснее начинает отражать результаты социальной эволюции страны в годы реакции. О том, какой могучий толчок получила эта эволюция от движения 1905-го года, свидетельствуют такие глубокие экономические изменения в народной жизни, как разрушение всего патриархально-общинного уклада жизни крестьянства и отмеченное всеми наблюдателями этой жизни формирование элементов новой сельской демократии.

Конечно, страной далеко еще не преодолены психологические влияния гнета реакции. Даже пролетариат в громадном большинстве отражает следы этого влияния. Разобщение с жизнью и борьбой своего класса, политическая апатия и инертность составляют удел громадной массы рабочего класса. И далеко не все, просыпающиеся на борьбу, разом находят русло классовой революционной борьбы. Действия с явной печатью того настроения, которое сказалось в индивидуалистическом «полевении» описанных Войтинским рабочих, часто служат исходом отчаяния, накопившегося в железных тисках реакции.

Но эти настроения, заслоняющие в тюрьме всю жизнь, не могут заслонить ее на воле. Там жизнь политических узников, не поддавшихся влиянию железной решетки, протекает в мертвенной обстановке бездействия, тускла и бесцветна в сравнении с яркими болезненными процессами в среде меньшинства. Совершенно иная картина разворачивается перед нами на воле. Здесь мертвенности обречены те, которые не пробудились к политической жизни, не освободились от влияния «железной решетки». Не в формах приспособления к «железной решетке» выражаются самые яркие явления жизни, а в действиях, направленных против железного гнета. Не в болезненных процессах, отражающих в том или другом виде извращения общественной психики, а в здоровом развитии лучших сторон общественности, пробивающих себе путь на арену политической жизни.

Из многих мест очерков Войтинского видно, что он теоретически знал о неизбежности пробуждения страны к новой жизни. Но как мало значило такое знание при полной оторванности от живой жизни. При гнетущих впечатлениях каторги и вестей, проникающих через «железную решетку». Это показывает беспросветный пессимизм, пронизывающий собой весь его очерк и продиктовавший ему ту аналогию между тюрьмой и вольной жизнью, неполнота и неверность которой бросаются в глаза с такой очевидностью при свете вновь начинающегося подъема.

Библиографический список

1. Абрамович Р.А. Большевики и Социалистический Интернационал (1918–1940 гг.). Часть 2-я. От Гамбурга к Марселю. Из материалов американского межуниверситетского проекта по истории меньшевистского движения (Inter-University Project on the History of the Menshevik Movement). N-Y б/г. Материалы проекта ныне хранятся в коллекции многолетнего руководителя «меньшевистского проекта» профессора Леопольда Хеймсона в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета города Нью-Йорк (Columbia University in the City of New York, Bakhmeteff Archive of Russians and East European History's and Culture – BAR).
2. Аксельрод П.Б. Об Интернационале и войне. Два интервью Раф. Григорьеву // *Голос*. 1914, 22 и 23 декабря, №№ 86 и 87.
3. А. П-в [Потресов А.Н.]. Критические наброски. Некоторые сюрпризы истории // *Наша Заря*. 1914, №7/9.
4. *Голос* – ежедневная социал-демократическая газета. Париж, 1914–1915.
5. Дан Ф.И., Церетели И.Г. Два пути. Избранное. Часть 2. Сост., авторы вступ. статьи и коммент. А.П.Ненароков, П.Ю.Савельев. М., 2010.
6. Иорданский Н.И. Да будет победа! Полемические заметки // *Современный Мир*. 1914, №9.
7. Квирильский [Церетели И.Г.]. Война и Интернационал // *Сибирский Журнал* (Иркутск). 1914, 10 декабря, № 1.
8. Квирильский [Церетели И.Г.]. Демократия среди воюющей России // *Сибирское Обозрение*. 1915, № 1.
9. Керенский А.Ф. Заявление 26 июля 1914 г. от имени членов «Трудовой группы» на внеочередной сессии Государственной Думы в связи с объявлением войны. // Государственная Дума. Созыв IV. Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914.
10. Кропоткин П.А. Довольно иллюзий: вооружайтесь! // *Голос*. 1914, 31 октября, №12.
11. Кудряшов В.В. Ссылные меньшевики и мировая война // *Сибирская ссылка*. Сб. научных статей. Вып. 5 (17). Иркутск, 2009.
12. Ленин В.И. Война и российская социал-демократия. – Полн. собр. соч. Т. 26. М., 1961.
13. Ленин В.И. Реферат на тему «Пролетариат и война» 1(14) октября 1914 г. – Полн. собр. соч. Т.26. М., 1961.
14. *Наша Заря* – ежемесячный легальный социал-демократический журнал меньшевиков, сторонников создания массовой рабочей партии. СПб, 1910–1914.
15. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. М., 2014. Т.1: Эволюция взглядов /ответ. ред. В.В.Журавлев; [предисл. В.В.Журавлева; сост. и коммент. Л.А.Лыковой, О.А.Шашковой].
16. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. М., 2014. Т.4: Демократия страны «нарушенного равновесия» / отв. ред. А.П.Ненароков; [сост., предисл. и коммент. А.П.Ненарокова, Р.М.Гайнуллиной].
17. Переписка П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. 1901–1916. Берлин, 1924. С. 323.
18. Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода / Ред. и примечания П.А.Берлина, В.С.Войтинского, Б.И.Николаевского. М.- Пг., 1925.
19. Пинкертон Нат. Король сыщиков: сборник / Петр Оловец и др.; пер. с англ. В.Михалюка, предисловие М.Брынаха, художник А.Печенежский. Белгород, 2015.

«СИБИРСКИЕ МАРКСИСТЫ» ОБ ЭКЗАМЕНЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 ГОДА

20. Плеханов Г.В. Открытое письмо в редакцию газеты «Речь» // Речь. 1914, 2(15) октября. №265.
21. Потресов А.Н. Рубикон. 1917–1918. Публицистика / Ред.-сост. Р.М.Гайнуллина, А.П.Ненароков, И.С.Розенталь. М., 2016.
22. Речь – ежедневная газета, центральный орган партии конституционных демократов, СПб.; Пг., 1906–1917.
23. Сибирский Журнал – общественно-политический журнал, Иркутск, 1914.
24. Сибирское Обозрение – общественно-политический журнал, Иркутск, 1915.
25. Современный Мир – популярный ежемесячный литературный, научный и политический журнал либерально-демократического толка. Петербург, 1906–1918.
26. Социал-Демократ – нелегальная социал-демократическая газета большевиков, Вильно–Париж–Женева, 1908–1917.
27. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1907 гг. (Облик, организации и революционные связи). Томск, 1978.
28. Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Через века и страны. Б.И.Николаевский. Судьба меньшевика, историка, советолога, главного свидетеля эпохальных изменений в жизни России первой половины XX века. М., 2012.

(Окончание следует)

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог, Президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр», главный редактор журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках»

Заиченко Ольга Викторовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Суханова Наталья Ивановна

доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры новейшей истории России ГОУ ВПО Московский государственный областной университет

Лупанова Евгения Михайловна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. МАЭ РАН

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им.М.В.Ломоносова.

Келлер Андрей Викторович

доктор философии (Фрайбургский университет), старший научный сотрудник Института гуманитарных наук и искусств Уральского Федерального университета, Екатеринбург

Журавлев Валерий Васильевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ

Любин Валерий Петрович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Ненароков Альберт Павлович

доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, лауреат Государственной премии РФ

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph.D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
“Experimental Creative Center”, Editor-in-chief of “Russia XXI”,
Chief producer of the Theatre “On the Boards”

Zaichenko Ol'ga Viktorovna

Ph.D. in history, senior specialist of the Institute of the World History,
Russian Academy of Sciences

Sukhanova Natal'a Ivanovna

D.Sci., historian, Professor, Associate Professor,
State Educational Institution of Higher Professional Education,
Moscow State Regional University

Lupanova Evgeniya Mikhailovna

Ph.D. in history, senior researcher at Museum of Anthropology
and Ethnography, Russian Academy of Sciences

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci., philologist, Professor, Chair of History of Russian Literature,
Philological Faculty of Moscow State University

Keller Andreas

Ph.D, (Freiburg University), senior researcher of the Institute
for the Arts and Humanities, Ural State University, Ekaterinburg

Zhuravlev Valeriy Vassilievich

D. Sci., historian, Professor, the Head of Chair for the Modern Russian
History, Moscow State Regional University, head specialist of the
“Centre Documentary Publications”, the Russian State Archive of
Socio-Political History

Lyubin Valeriy Petrovich

Ph.D. in history, senior specialist of the Institute
of Scientific Information for Social Sciences
of Russian Academy of Sciences

Nenarokov Al'bert Pavlovich

D. Sci., historian, Professor, head specialist of Russian Record Office
of Social-Political History, the winner of State Premium

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
(подписка возможна с любого месяца)

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12
e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ:

Тел. (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru,
kurilenkova@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Кроме того журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой по всей России или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
сайт www.hamlet.ru

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2017.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 20.06.2017. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,25 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 300 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

3. 2017 may-june

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

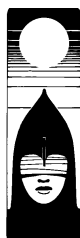
Reset with the Sign Reversed _____ **6**

Russia in the World

Zaichenko Olga

“Barbarian at the Gates” or “the Guarantor of the European Security”: Russia in the German Foreign Policy Discourse on the Eve of the Crimean War _____ **18**

National Doctrine

Natalia Sukhanova

What is the Fatherland's Weal? Pondering over Pages of a Recently Published Book _____ **50**

Resources of Nation

Evgenia Lupanova

In the Wake of Jubilees that Have Faded away.
Development of Historical Memory
about M.V.Lomonosov _____ **68**

Labels and Myths

Andrey Ranchin

“Story of Dracula” and Ideas of Virtuous,
Good and “Evil” Prince in the Old
Russian Booklore (the end) _____ **88**

European Parallels

Andrey Keller

Terminology of the Russian Urban Craft
in the 18–19th Centuries _____ **100**

Pages of History

Valeriy Zhuravlev

Revolutionary Epochs in the Context
of Personal interest. To the Centennial
of Great October Russian Revolution
of 1917 _____ **126**

Valeriy Lyubin

“Unknown” conference. Anglo-American
diplomacy on the eve of Yalta _____ **146**

Topical Archive

Albert Nenarokov

“Siberian Marxists” about the Test
by the Revolution of 1905
(the continuation) _____ **168**

И
X
X
X
I

R
U
S
S
I
A

P
O
C
C
H
H
A

P
O
C
C
H
H
A